

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2024

№ 4 (92)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev
2024

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2024
№ 4 (92)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Г. В. Файзиева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Editorial Board

Z. R. Agleeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
N. F. Alefirenko, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Belgorod State University, Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
E. N. Galichkina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
O. G. Egorova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
S. A. Kibalnik, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitanina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
I. P. Lysakova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
E. N. Shekhovceva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev.

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2024
© Скоблев В. Д., оформление обложки, 2024
© Astrakhan State University named after
V. N. Tatishchev, 2024
© Skoblev V. D., cover design, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю. А. Васильева

Восточные гастрономические эргонимы в региональном ономастическом пространстве (на материале названий кафе и ресторанов Астрахани)5

М. В. Веклич

Сравнительные конструкции с зоонимическим стандартом сравнения в ценностно-смысловом пространстве писателей11

Т. И. Вострикова, И. В. Востриков, Е. Е. Молчанова

О реализации риторического закона эмоциональности в текстах участников религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге начала XX века17

Е. Ю. Камкова

Релевантные факторы возникновения неониминаций в современном русском языке24

Е. В. Кузнецова

Анализ средств выражения модальности в современном французском языке31

Д. О. Платонова, Г. В. Барышникова

Черты быта и внешности как элементы периферийной зоны концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре37

М. А. Фирсова

Глаголы «осуждающей» семантики как средство выражения вербальной агрессии43

И. А. Френкель

Дискуссионные проблемы толкования гендерных категорий «мужественность», «маскулинность» / “virilité”, “masculinité”49

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О. Г. Егорова, Т. В. Тумакова

Праздник Хиган в трёхстишиях японских поэтов59

Ким Ин Гю, Янг Сун Ен

Особенности тематического объединения лексики в художественном тексте63

Н. В. Максимова

Библиографическая реклама в журнале «Аполлон» как источник информации о русской периодике начала XX века68

О. Е. Романовская

Художественная репрезентация детского мировосприятия в прозе Чингиза Айтматова и Александра Чудакова78

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ85

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ88

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 5–10.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):5–10.

Научная статья
УДК 81`371

ВОСТОЧНЫЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЭРГОНИМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КАФЕ И РЕСТОРАНОВ АСТРАХАНИ)

Юлия Александровна Васильева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Аннотация. В статье на примере астраханского эргонимикона рассматриваются названия кафе и ресторанов восточной кухни с точки зрения их этнической идентификации. Проанализированы гастрономические эргонимы как компоненты языкового быта города, отражающие его национально-культурные особенности. Исследование обозначенных эргонимов напрямую связано с разработкой терминологии гастрономической (кулинарной) номинативной сферы. На основе анализа 90 эргонимов сферы общепита выявлены ведущие языковые и дискурсивные приёмы этнической идентификации подобных номинаций: обращение к топонимам и этнонимам, названиям традиционных национальных блюд, продуктов и культурных реалий; многообразии графического оформления ориентальных эргонимов (на латинице, на кириллице, в гибридном формате), названия типичных заведений общепита; имена собственные тюркского происхождения; культурно-маркированные прецедентные феномены. Большинство рассмотренных гастрономических эргонимов как часть ономастического пространства города транслирует культурные ценности: уважительное отношение к гостям, предпочтение халяльной пище, дружелюбие и т. д. Анализ гастрономических эргонимов и поиск соответствующих способов их репрезентации в городском ономастическом пространстве даёт возможность говорить о предпочтительных направлениях в именнаречении деловых объектов Астрахани.

Ключевые слова: урбанонимы, гастрономические эргонимы, национальная идентичность, тюркские заимствования

Для цитирования: Васильева Ю. А. Восточные гастрономические эргонимы в региональном ономастическом пространстве (на материале названий кафе и ресторанов Астрахани) // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 5–10.

Original article

ORIENTAL GASTRONOMIC ERGONYMS IN THE REGIONAL LINGUISTIC SPACE (BASED ON THE NAMES OF CAFES AND RESTAURANTS IN ASTRAKHAN)

Julia A. Vasileva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Abstract. Using the example of the Astrakhan ergonymicon, the article examines the names of cafes and restaurants of Oriental cuisine from the point of view of their ethnic identification. The article analyzes gastronomical ergonyms as components of the linguistic life of the city, reflecting its national and cultural characteristics. The study of the designated ergonyms is directly related to the development of terminology of the gastronomic (culinary) nominative sphere. Based on the analysis of 90 ergonyms of the catering sphere, the

leading linguistic and discursive methods of ethnic identification of such nominations have been identified: referring to toponyms and ethnonyms, names of traditional national dishes, products and cultural realities; a variety of graphic design of oriental ergonyms (in Latin, Cyrillic, hybrid forms), names typical catering establishments; proper names of Turkic origin; culturally marked precedent phenomena. Most of the considered gastronomic ergonyms, as part of the onomastic space of the city, convey cultural values: respect for guests, preference for halal food, friendliness, etc. The analysis of gastronomic ergonyms and the search for appropriate ways of their representation in the urban onomastic space makes it possible to talk about the preferred directions in naming the commercial objects of Astrakhan.

Keywords: urbanonyms, gastronomic ergonyms, national identity, Turkic borrowings

For citation: Vasileva Ju. A. Oriental gastronomic ergonyms in the regional linguistic space (based on the names of cafes and restaurants in Astrakhan). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):5–10 (In Russ.).

Особенности ономастического пространства города, представляющие интерес для современных лингвистов и социологов, впервые были рассмотрены В. Н. Топоровым относительно совокупности названий [4, с. 33–34]. Термин «ономастическое пространство» расширил своё значение и в «Словаре русской ономастической терминологии» трактуется как «комплекс имён собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов» [6, с. 94].

В рамках предпринятого исследования проанализированы гастрономические эргонимы как компоненты языкового быта города, отражающие его национально-культурные особенности. Восточные заимствования относятся к эквивалентной ассимилированной лексике и в лексике безэквивалентного характера [3, с. 1759–1763]. Исследование особенностей функционирования гастрономических эргонимов напрямую связано с разработкой терминологии номинативной сферы, которую условно можно назвать гастрономической (кулинарной): «...еда (пища) и связанный с ней дискурс представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы “культурный капитал”, национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые). Лингвосемиотическое пространство гастрономического дискурса организовано в соответствии с вышеперечисленными параметрами» [5, с. 160].

Цель статьи – на примере астраханского эргонимикона охарактеризовать названия кафе и ресторанов восточной кухни с точки зрения их национально-культурной специфики. В качестве источника материала было использовано 90 номинаций, зафиксированных в результате непосредственного наблюдения.

Одним из актуальных вопросов современной лингвистики является изучение языковых заимствований, появившихся в результате тесного межнационального взаимодействия. Астраханская область – трансграничный регион Прикаспия, на территории которого проживает более 140 наций, народов и народностей, сохранивших свои культурные особенности. Регион очень показателен в аспекте создания «этнически маркированных» наименований для коммерческих предприятий. Суть национальной идентификации жителей региона заключается в их потребности иметь своё пространство с присущими ему отличительными особенностями.

Функционирование на территории Астрахани и Астраханской области эргонимов, отражающих признаки национальной идентичности, позволяет выделить отличительные черты поликультурного региона. Исследование номинаций заведений общепита в аспекте социолингвистики предполагает учёт социокультурной специфики городского пространства: многоязычие его жителей, доминирующую языковую политику, виды постоянных и периодических языковых контактов, степень глобализации (влияния английского языка). Следует принять точку зрения И. С. Карабулатовой о том, что «региональная,

этническая компонента всё больше и больше вторгается в сферу имён собственных, что объясняется изменением национально-государственных рамок и актуализацией оппозиции «свой / чужой» в трансформирующемся обществе» [1, с. 221].

Методы и источники исследования. Зафиксированные в результате непосредственного наблюдения эргонимы были дополнены примерами из наружной рекламы Астрахани и Астраханской области, а также из электронного справочника 2ГИС. Была составлена картотека из 90 эргонимов, которые мы затем анализировали с точки зрения их семантики с учётом социокультурных коннотаций. Использовались методы: сплошной выборки, лексикографический, интерпретационный, описательный, дискурсивный.

Результаты. С позиций воплощения национальной идентичности эргонимическое пространство Астрахани и области многослойно. В последние годы значительно выросло количество кафе, ресторанов, столовых, ориентированных на национальные кухни: грузинскую, азербайджанскую, узбекскую, кавказскую, ливанскую и др. Лексема арабского происхождения (араб. حلال – свободное) «халяль» широко распространена в составе астраханских эргонимов. Буквальное значение этого слова – ‘всё, что разрешено и допустимо в исламе’ (противоположно хараму). Даже неинформативные названия заведений общепита могут служить для клиентов сигналом о соблюдении исламских пищевых запретов, если за словом-сопроводителем *кафе, ресторан* следуют квалификаторы «халяльной кухни» или «халяль»: кафе халяльной кухни *Puzo, Kasha, Каусар, Faj food*, кафе-халяль *House, Шаурмист, Вкус и цвет, Сок, Сундук, Райян, Halal Food, Мята halal, Mood Food halal, Халяль олива* и др. Использование латиницы в сочетании со словом “food” придаёт названиям заведений современное звучание (англ. *fast food* – быстрое питание).

В процессе лингвокультурологического анализа эргонимов выявлены как традиционные восточные заимствования тематической группы «Восточная кухня»: *плов, лаваш, изюм, самса, хачапури, хинкали* и т. п., так и более поздние: *чайхана, халяль(ный), шаурма / шаурмичная, тандыр(ный), лагман(ная)* и т. д.

Наименования восточных реалий встречаются:

– на кириллице – *Дастархан* (невысокий стол в странах Средней Азии, а также обобщённое название традиций среднеазиатского гостеприимства), *Баракат* (исламский термин, означающий божественное благословение), *Салам* (арабское приветствие, используемое мусульманами разных национальностей), *Райян, Восточный Райян* (либо имя арабского происхождения, либо название одних из ворот рая в исламской традиции), *Каусар* (в исламской эсхатологии – одна из райских рек, дарованных пророку Мухаммеду), *Чабан* (пастух овец и другого скота), *Альмаидат* (Аль-Маида – пятая сура Корана);

– на латинице – *Doner_chi* (донер – турецкое блюдо из мяса, хлеба и овощей), *Finik&hummus, Berkat* (в переводе с чеченского языка – ‘благодать, изобилие’), *Zira* (азиатская пряность), *Istanbul De Kebab* (кебаб – мясное блюдо, популярное на Ближнем Востоке, в Азии), *Al-sham* (древнее название местности, объединявшей территории современных Сирии, Иордании, Палестины и Ирака);

– в гибридной форме – *Шаурма House, Мята halal, Шаурмист* и т. п.

Анализ названий астраханских ресторанов и кафе с точки зрения их этнической принадлежности и способов её определения показал следующее.

В тематической группе «Восточная кухня» ведущими выступают номинации восточных кафе и ресторанов, причём только в названиях трёх заведений используется ключевое слово «восточный»: *Восточный экспресс, Восточный Райян, Восточная сказка*. Остальные эргонимы указывают на конкретную кухню посредством:

1) характерных топонимов или этнонимов: *Баку, Дамаск, Ташкент, Тебриз-эдем, Каракёу* (исторический район Стамбула), *Istanbul, Узбечка*;

2) названий восточных блюд и реалий: *Миндаль, Жасмин, Изюм, Хинкал, Инжир, Центр плова, Экспресс Шаурма, Шаурма-дворик, Шейх Халяль, Mr Тандыр, Шашлыкович, Шашлыкoff, Дом Донер, Giros, Sheff arab, Suфра* (скатерть или стол для подачи пищи или, в широком смысле, вид трапезы, связанный с исламской культурой), *RoomDurum* (дурум, или дюрме, – это обертка, в которую обычно кладут типичные ингредиенты для денер-кебаба), *Бар-Хан, Гилавар* (южный ветер в Азербайджане, присущий в основном Апшеронскому полуострову), *Шатлык* (в переводе с татарского – ‘радость, восторг, удовольствие’), *Шукрона* (в переводе с таджикского – ‘благодарность, признательность’), *Дипа* и т. п.;

3) имён собственных тюркского происхождения: кафе-халял *Мустафа, Гасан House, Райхон, У Фатимы*, шашлычная *У Эйваза* и т. п.;

4) названий типичных заведений общепита: *Чайхана Шоли, Шашлычная, Шаурмичная, Шашлычный двор*.

Самую многочисленную группу гастрономических эргонимов представляют названия кафе и ресторанов кавказской кухни (59 единиц). Отметим, что идентифицирующих названий среди них только четыре. Оттопонимический эргоним *Дагестан* указывает на соседствующую с Астраханью республику. В Астраханской области проживает более 20 тысяч представителей дагестанских народов (аварцев, лезгин, даргинцев, кумыков и др.). В названии ресторана *Кавказская пленница* обыгрывается прецедентный феномен – комедию 1966 года «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». Кафе *Чуду и пироги* содержит название одного из любимых дагестанцами и другими восточными этносами блюд: чуду – пресные лепёшки с различными начинками, обжаренные на сухой сковородке. Кафе халяльной кухни *Вайнахский дворик* включает аффикс от эндоэтнонима чеченцев и ингушей (вайнахи).

Остальные эргонимы этой группы относятся к косвенным референтам: кафе *Академия шаурмы, Кухня с акцентом, Как у мамы*, шаурмичная *Gores*, столовая *Зам-зам* (по названию священного для мусульман источника в городе Мекке), кафе *Мир дёнера* (дёнёр – название шаурмы в Турции), шашлык-бар *Бастурма* (блюдо кавказской кухни, тонко нарезанная провяленная говядина со специями), кафе *Бута* (элемент орнамента у народов Востока), *Инжир, Три шампура, Durum, Шаурмен, Шах шаурма, Шашлычный пир, Территория шаурмы, Шашлыкoff, У Малика, У Эйваза, Огонь и Мясо, Старый друг* и др. Интересным представляется название банкетного комплекса *Тебриз-эдем*: Тебриз – крупный иранский город, эдем – райский сад в библейских текстах. На наш взгляд, в этом названии проявился культурный диффузионизм.

Большая часть названий кафе и ресторанов узбекской кухни (всего 8 единиц) представлена идентифицирующими названиями: через характерные топонимы и этнонимы (*Андижан, Фергана* (города в Узбекистане), *Ташкент* (столица Узбекистана)), этноним (*Узбечка*), через устоявшуюся номинацию заведений узбекского общепита (*Чайхана Шоли*: шоли – это верхняя одежда афганцев).

В названиях заведений общепита с грузинской кухней (7 единиц) нет прямых указаний на этнос. Эргонимы этой группы представляют собой косвенную референцию, поскольку образованы от названий традиционных грузинских блюд и напитков (*Диди Кинза, Хинкальная, Хачапуридзе, Хванчкара*), грузинских этикетных формул (*Генацвале*) и топонимов (*Колхети, Колхида*).

Азербайджанская кухня представлена десятью эргонимами, из которых три содержат отсылку на топонимы (*Баку, Огни Баку, Истису*). Остальные

названия содержат общие для восточных кухонь лексемы (*Центр шашлык, Шашлычная, Восточный дворик, На лаваше, Шафран*) и неидентифицирующие слова (*Сок, Карта*).

Из пяти эргонимов, относящихся к армянской кухне, два маркированы как этнические: *Аракс* (река, протекающая в Армянском нагорье), *Ахтамар* (древний армянский остров), остальные неидентифицирующие: *Golden mangal, Лаваш, Вкус в мясо*.

Один гастрономический эргоним относится к ливанской кухне – *Finik&Hummus*. Меню кафе обозначено на вывеске заведения как «ливанский стритфуд» (*street food* – уличная еда, разновидность быстрого питания).

Наряду с неидентифицирующими названиями (*Арт-кафе, Кафе Парк, Среда, Дельта, Цунами, Соль&Перец, Puzo, Rich*) встречаются «отсылки» к российским реалиям с образными коннотациями (*Едок, Семья, Старый друг*). В наружной рекламе этническая принадлежность заведений часто обыгрывается оригинально. В качестве примера приведём оценочные минитексты: «*Чайхана Шоли*». *Узбекская кулинарная сказка в самом центре города; Грузинский ресторан «Хванчкара». Создан в лучших традициях Закавказья* и т. п.

Лингвокреативность номинаторов проявляется в словообразовании (*Хачапуридзе, Mr Тандыр, Mr Food, Шаурmust official, Шашлыкович, Шаурмачо, Шаурмания, Шаурмитта*), обращении к прецедентным именам и феноменам (шаурмичная *Хоттабыч*, ресторан *Кавказская пленница*).

Обсуждение и выводы. Исследование названий кафе и ресторанов восточной кухни в аспекте этнокультурной идентичности в Астрахани и Астраханской области позволило выявить способы этнической идентификации. Большинство рассмотренных гастрономических эргонимов воспринимаются как восточные, но не связываются с кухней определённого этноса. Как часть ономастического пространства города названия заведений общепита восточной кухни транслируют культурные ценности: уважительное отношение к гостям, предпочтение халяльной пище, дружелюбие и т. д. Выявлены основные способы этнической идентификации восточных гастрономических эргонимов: обращение к топонимам и этнонимам, названиям традиционных национальных блюд, продуктов и культурных реалий; многообразие графического оформления ориентальных эргонимов, названия типичных заведений общепита; имена собственные тюркского происхождения; культурно-маркированные прецедентные феномены. Названия кафе и ресторанов восточной кухни отражают социокультурную специфику города, являясь своеобразным маркером, отражающим языковые и внеязыковые мотивы населения в процессе номинации и характеризующие мировосприятие и языковую практику социума.

Список источников

1. Карабулатова И. С. О новых тенденциях в постсоветском ономастическом пространстве: имя как отражение формирования государственной идентичности в контексте трансформирующегося сообщества / И. С. Карабулатова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 217–222.
2. Мадиева Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 4, вып. 2. – С. 115–125.
3. Мухина Н. Н. Система терминологических восточных заимствований в современном русском языке / Н. Н. Мухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 6. – С. 1759–1763.
4. Топоров В. Н. О палийской топономастике / В. Н. Топоров // Ономастика Востока: Исследования и материалы. – Москва : Наука, 1969. – С. 31–50.
5. Пахомова И. В. Метафорическое представление концепта еда/пища в английской языковой картине мира новоанглийского периода / И. В. Пахомова. – Санкт-Петербург, 2003. – 163 с.

6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
7. Романова Т. П. Коммерческое именование как инструмент рекламной коммуникации / Т. П. Романова // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. – Ярославль, 2014. – С. 30–54.

References

1. Karabulatova I. S. On new trends in the post-Soviet onomastic space: the name as a reflection of the formation of state identity in the context of a trans-forming community. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tyumen State University*. 2006;4:217–222.
2. Madieva G. B., Suprun V. I. The system of modern Russian urbanonymic terminology. *Voprosy onomastiki = Onomastics issues*. 2017;4(2):115–125.
3. Mykhina N. N. The system of terminology of Oriental borrowings in the modern Russian language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Theory and practice*. 2021;14(6):1759–1763.
4. Toporov V. N. About Pali toponomastics. *Onomastika Vostoka: Issledovaniya i materialy = Onomastics of the East: Research and materials*. Moscow: Nauka; 1969:31–50.
5. Pakhomova I. V. *Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta eda / pishcha v angliyskoy yazykovoy kartine mira novoangliyskogo perioda = Metaphorical representation of the concept of meal/food in the English language picture of the world of the New England period*. St. Petersburg; 2003:163 p.
6. Podolskaya N. V. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian Onomastic Terminology*. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1988:192 p.
7. Romanova T. P. *Commercial naming as an advertising communication tool. Aktivnye protsessy v sotsialnoy i massovoy kommunikatsii = Active processes in social and mass communication*. Yaroslavl; 2014:30–54.

Информация об авторе

Ю. А. Васильева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

Ju. A. Vasileva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 05.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 05.11.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 11–16.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):11–16.

Научная статья
УДК 811

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЗООНИМИЧЕСКИМ СТАНДАРТОМ СРАВНЕНИЯ
В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ**

Марина Владимировна Веклич

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, mveklich@mail.ru

Аннотация. Познание мира эффективнее, глубже и ярче происходит через сравнение. Учёные разных областей знания издавна исследуют природу, структуру, типологию, функции сравнения. Наиболее распространённой является трёхчастная модель сравнений: предмет сравнения (референт), объект сравнения (агент), признак сравнения (модуль). В коммуникативной грамматике русского языка предложена четырёхчастная модель, согласно которой в сравнение включены объект сравнения, стандарт сравнения, признак сравнения и значение признака сравнения, последний из которых в реальной текстовой ситуации может отсутствовать. Источниками для исследования стали произведения писателей и учёного-практика XIX–XXI вв., основной содержательный посыл которых – как оставаться человеком в житейской и профессиональной ситуации выбора, противостоять ударам судьбы. Материал исследования – компаративные конструкции равноуровневого характера (лексического, морфологического, синтаксического). Цель данного исследования – определение места сравнительных конструкций с зоонимическим стандартом сравнения в ценностно-смысловом пространстве писателей. В произведениях выделены как стереотипные (*кошкой, как кошка, как баран, как муха в сметане*), так и индивидуально-авторские (*чешуёй колючей частика, похожего на рысь, как воблу к пиву*) сравнения, что позволяет читателю опосредованно вести разговор с писателем, проникая в приоткрытые тайны его души, его творческую лабораторию. Если стереотипных сравнений единичные примеры, то во всех исследованных произведениях отмечены индивидуально-авторские, представляющие индивидуальную картину мира как составную часть общей картины мира носителей русского языка и русской культуры. Сравнительными конструкциями писатели создают яркие образы людей, животных, объектов окружающего мира, абстрактных и научных понятий. Писатели разных периодов, жизненных условий, возраста, рода занятий широко привлекают сравнения для виртуального общения с читателями, чтобы ярче и глубже выразить свои мысли, ценностные ориентиры, в случае научной прозы – придать убедительность и точность своим советам, вдохновить читателей не только на знакомство с профессией, но и на овладение нелёгким профессиональным искусством (например, коронарной хирургией).

Ключевые слова: познание, сравнение, ценностно-смысловое пространство, модель сравнения

Для цитирования: Веклич М. В. Сравнительные конструкции с зоонимическим стандартом сравнения ценностно-смысловом пространстве писателей // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 11–16.

Original article

**COMPARATIVE CONSTRUCTIONS WITH A ZOONYMIC STANDARD OF COMPARISON
IN THE VALUE-SEMANTIC SPACE OF WRITERS**

Marina V. Veklich

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
mveklich@mail.ru

Abstract. Cognition of the world occurs more effectively, deeply, vividly through comparison. Scientists from different fields of knowledge have long been studying the nature, structure, typology, and functions of comparison. The most common is a three-part

model of comparisons: the subject of comparison (referent), the object of comparison (agent), and the feature of comparison (module). In the communicative grammar of the Russian language, a four-part model is proposed, according to which the comparison includes the object of comparison, the standard of comparison, the feature of comparison, and the meaning of the feature of comparison, the last of which may be absent in a real text situation. The sources for the study were the works of writers and practical scientists of the 19th–21st centuries, the main substantive message of which is how to remain human in an everyday and professional situation of choice, to withstand the blows of fate. The material of the study was comparative constructions of different levels (lexical, morphological, syntactic). The purpose of this study is to determine the place of comparative constructions with a zoonymic standard of comparison in the value-semantic space of writers. In the works, both stereotypical (a cat, like a cat, like a ram, like a fly in sour cream) comparisons and individual-authorial (a prickly scale of a part, similar to a lynx, like a roach to beer) are distinguished, which allows the reader to indirectly conduct a conversation with the writer, penetrating into the half-open secrets of his soul, his creative laboratory. If stereotypical comparisons are isolated examples, then in all the studied works, individual-authorial ones are noted, representing an individual picture of the world as an integral part of the general picture of the world of native speakers of the Russian language and Russian culture. With comparative constructions, writers create vivid images of people, animals, objects of the surrounding world, abstract and scientific concepts. Writers of different periods, life conditions, ages, occupations widely use comparisons for virtual communication with readers in order to express their thoughts and value orientations more vividly and deeply, in the case of scientific prose – to give persuasiveness and accuracy to their advice, to inspire readers not only to get acquainted with the profession, but also to master a difficult professional art (for example, coronary surgery).

Keywords: cognition, comparison, value-semantic space, comparison model

For citation: Veklich M. V. Comparative constructions with a zoonymic standard of comparison in the value-semantic space of writers. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):11–16 (In Russ.).

Сравнение – это сложное многоаспектное явление, одновременно существующее в разных плоскостях знаний о мире: понятийной и лингвистической. Впервые значение сравнения для мышления было рассмотрено Аристотелем, который утверждал, что познание и есть сравнение, поскольку познавательная активность человека всегда связана с необходимостью выделения одних объектов через их отличие от других. В настоящее время философское понимание сравнения не изменилось. В «Философском словаре» мы находим следующее толкование этой мыслительной операции: «сравнение – сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними – является важной предпосылкой процесса познания, обобщения. Сравнение играет большую роль в умозаключениях по аналогии. Суждения, выражающие результат сравнения, служат цели раскрытия содержания понятий о сравниваемых объектах, в этом отношении сравнение используется в качестве приёма, дополняющего, а иногда заменяющего определение» [10, с. 455]. Современные исследователи, занимаясь вопросами сравнения, выделяют следующие когнитивные функции сравнения: 1) познание единичного, особенного и всеобщего; 2) познание изменчивости, развития вещей и явлений; 3) познание причин явлений; 4) систематизация и классификация предметов и явлений; 5) опосредованное познание объективной действительности [см. об этом в: 6].

Принадлежность сравнения понятийной плоскости подчёркивал А. А. Потебня, оценивая его как один из основных способов познания мира [8]. Лингвистический характер сравнения был в центре внимания М. И. Конюшкевич, которая, оценивая статус сравнения как «категории категорий», объясняя это тем, что все «остальные категории языка ей подчинены как её равноуровневые разновидности, как способы представления языковыми средствами всё тех же самых сходств и различий» [5, с. 88].

В настоящей статье предпринята попытка исследования сравнения в двух регистрах речи (художественном и научном), в разных временных периодах жизни языка (XIX–XXI вв.).

Цель исследования – установить, насколько частотны сравнения с зоонимическим компонентом (стандартом), какие представители из мира животных становятся стандартами сравнения.

Проанализируем сравнения последовательно во временной ретроспективе. Выбор произведений продиктован их смысловой нагрузкой для понимания смысла жизни человека, его способности противостоять трудностям, ударам судьбы, оставаться человеком в трудных ситуациях. Так, в классическом произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (XIX в.) выявлено достаточное количество сравнений, среди которых значимое место занимают интересующие нас конструкции, представленные, по нашей классификации, двумя группами: в качестве объекта сравнения выступают люди или всё остальное (предметы, явления, события и др.). В первую очередь писатель прибегает к сравнению с животными для создания образов героев, используя как морфологические, так и синтаксические средства. Вот так автор изображает Раскольникова, который не хочет встречаться с хозяйкой своей комнаты, и это его желание подчёркнуто сравнением с кошкой: *«Нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь **кошкой** по лестнице и улизнуть, чтобы его никто не видал»* [4, с. 3]. Ф. М. Достоевский неоднократно подчёркивает кошачью манеру поведения Раскольникова, его желание спрятаться, стать незаметным: *«Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, **как кошка**»* [4, с. 45].

Для создания портрета Разумихина Достоевский привлекает другой объект из животного мира – медведя, простого, доброго, который способен выстоять в тяжёлых условиях, справиться с неудачами: *«Тем временем Разумихин пересел к нему на диван, неуклюже, **как медведь**, обхватил левою рукой его голову несмотря на то, что он и сам бы мог приподняться, а правую поднёс к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на неё, чтоб он не обжёгся»* [4, с. 74].

Для описания эпизодического персонажа романа, крестьянина Душкина, занимающегося ростовщицеством, обманувшего Миколку, «подтибрив» у него вещь за один рубль, стоящую тридцать рублей, автор употребляет сравнение с другим животным – простой ломовой лошадь: *«Ну, конечно, бабушкин сон рассказывает, врёт, **как лошадь**, потому я этого Душкина знаю, сам он закладчик и краденное прячет, и тридцатирублёвую вещь не для того, чтоб “преставить”, у Миколая подтибрил»* [4, с. 84].

В произведениях М. А. Булгакова, писателя XX в., где действующими лицами становятся антропоморфные представители мира животных, мы наблюдаем двуплановую историю: объектом сравнения (то, что сравнивается) выступают и люди, и представители животного мира, поэтому сравнительные конструкции М. А. Булгакова особенны по ряду причин: они обладают выразительностью и образностью; и объектом, и стандартом может являться животное (например, в «Мастере и Маргарите» – кот, в «Собачьем сердце» – собака), а также некоторая его часть. Сравнения в этом случае выполняют разные функции, и одна из главных – оценочная функция. Она демонстрирует отношение к персонажам, а также авторскую точку зрения на определённые события, свидетелями которых становятся читатели произведения: *«Некоторое время председатель, **как баран**, смотрел на ступеньки лестницы»* [2, с. 99]. Одна из главных функций сравнения в произведениях М. А. Булгакова – создание сатирического эффекта: *«Берлиоз отчётливо разглядел, что ушишки у него, **как куриные перья**»* [2, с. 49].

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» выделены сравнения, в которых объектом является животное (кот), что встречается редко в сравнительных конструкциях у других писателей: *«Но это ещё не всё: третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, **как боров**, чёрный, **как сажа или грач**, и с отчаянными кавалерийскими усами»* [2, с. 52].

Описывая в повести «Собачье сердце» Полиграфа Полиграфовича Шарикова, начальника подотдела очистки Москвы от бродячих животных (того, кем стала бездомная собака Шарик в результате проделанной профессором Преображенским операции), при помощи сравнительной конструкции автор придаёт отрицательную оценочную коннотацию герою: этот человек мерзок, отвратителен, нечистоплотен. М. А. Булгаков иронизирует над Шариковым, сигнализируя читателям, что в борьбе с такими, как Шариков – страшными, суровыми, безжалостными, жестокими, лучшее оружие – это ирония: *«И Филипп Филиппович несколько подобрел после вина. Его глаза прояснились, он благосклоннее поглядывал на Шарикова, чёрная голова которого в салфетке сидела, как муха в сметане»* [3, с. 122].

Рассматривая человека как объект сравнения, М. А. Булгаков заостряет внимание читателя на физических действиях своих героев: *«Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя»* [2, с. 32]; особенностях речи, общения героев: *«Это опять-таки случай так называемого вранья, – объявил он громким козлиным тенором»* [2, с. 125]. Автор обычно сравнивает с животными отрицательных либо второстепенных персонажей: *«Но секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова»* [2, с. 30].

Рассмотрим особенности создания сравнений с компонентом – названием представителя животного мира в произведениях самодеятельных поэтов XX–XXI вв. Развитие и поддержка самодеятельного литературного творчества астраханцев, особенно жителей «глубинки», – приоритетная задача Астраханского регионального отделения Союза писателей России. Нами были рассмотрены стихотворения поэтов Икрянинского района, написанные людьми, разными и по месту жительства, и по возрасту, и по интересам. Но их творчество отличает яркая самобытность, образность и широта тематики: от глубоких философских размышлений о жизни, судьбах малой родины – Волжского Понизовья, проникновенной лирики о природе, любви, до сохранения всего живого на планете.

Поэты Икрянинского района Астраханской области (В. С. Красилов, М. А. Лунёв, Г. С. Макушникова, В. К. Антоненко, Г. М. Власова, А. С. Глебов, Л. С. Боева) используют в своих произведениях разные способы выражения сравнения: сравнение, выраженное существительным в творительном падеже; сравнение в форме приложения; сравнение в виде сказуемого; сравнительные обороты с союзами *как, словно, будто* и другие. Сравнения поэтов невероятно разнообразны по семантике, в качестве стандартов сравнений привлекаются самые разные образы: люди, животные, материальные объекты; предметы и явления, связанные с человеком, животными и растениями; отвлечённые понятия. В любой компаративной конструкции объект и стандарт сравнения важны в равной степени. При этом, по нашим наблюдениям, объекты сравнения максимально одинаковы на территории России, а стандарты сравнения максимально различны, обусловлены региональностью, авторским замыслом. Так, например, в стихотворениях В. С. Красилова нами были выделены сравнения, характеризующие человека: *«Вставай, вставай, мой птенчик рослый», / Ласкает тётя по плечу, / А я лежу, как кот ангорский / Мурлыкать даже не хочу...»; «...Вдруг затеет [мой друг] такую игру: / Ребятишки вопят, как цыгане, / Сам [мой друг] урчит, как медведь на пире...»*. Данные портретные сравнения помогают автору строк через описание внешности передать внутренний мир человека.

Обращают на себя внимание сравнения, в которых в качестве стандартов сравнения выступают зоонимы. Такие сравнения необходимы авторам для:

– описания особенностей природы родного края (Волжского Понизовья), например: *«Чешуёй колючей частика / Отсверкали уж морозы...»;*

– описания действий, поступков лирических героев: *«...Ко мне летела светлой горлицей, / Я ураганом мчался к ней...»* [www.stihi.ru/2019/07/13/5057];

«...По утру рассветному пролечу я **кречетом**, / Высоко головушку к небу подниму...» [<https://www.stihi.ru/2016/03/10/3457>];

– описание свойств личности лирических героев: «...В каждом миге грез вижу я тебя, / В поцелуе нежном, в запахе дождя. / **Бабочкой ночью** на моём плече, / **Пчёлкой луговой** прожужжишь в траве, / Светлою зарёю на восходе дня, / Утренней росой в сердце у меня. / Пронесёшься рядом **трелью соловья**, / Искоркой пугливой в пламени костра, / Речкой говорливой, **полётом мотылька**, / **Птицей быстроскрылой** на излёте дня».

Наблюдения над научной прозой XXI в. позволили нам также выделить разнообразные сравнения. Так, в работе Ю. В. Белова «Искусство коронарной хирургии для целеустремлённых» [1] для представления как живых, так и неживых субъектов отмечаем сравнения, в которых в качестве стандарта выделяем названия представителей мира животных:

– животное из отряда кошачьих (кошка, рысь, тигр): «Я бы сравнил обучение коронарной хирургии с укрощением дикого зверя. Такого, знаете ли, ни большого **тигра** (это аорта) и ни маленькой дикой **кошки** (это бедренная артерия), а, скорее всего, **похожего на рысь**, но саблезубую, с когтями, как грабли» [1, с. 6];

– козёл (в составе фразеологизма): «Почему я вам, молодому хирургу, “берущему” вену, так всё подробно рассказываю? Да потому, что у вас лимит времени, и вы можете оказаться **козлом отпущения** в случае “задержки операции”» [1, с. 49];

– зверь вообще: «В следующих разделах я постараюсь заставить вас полюбить этого **ласкового и нежного зверя** – коронарную хирургию» [1, с. 93] (аллюзия на художественный фильм Э. Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь»; оксюморон помогает автору подчеркнуть парадоксальность несочетаемости двух вещей: хирургия – это трудно, можно при неумелом обращении погубить человека, подобно зверю, но при умелой работе хирургия будет ласковой и нежной, поможет спасти человека);

– рыба: «**Сначала потрясите и побейте её** [книгу Ю. В. Белова] о **край стола, как воблу к пиву**, чтобы стала мягче» [1, с. 14] (ироничное приглашение автора к прочтению его книги для тех, кто затрудняется в постижении искусства коронарной хирургии).

Резюмируя, заметим, что стандарты сравнения максимально различны по времени создания, употребления, обладают ярко выраженной авторской, региональной спецификой, поэтому сравнительные конструкции и есть ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. В произведениях нами выделены как устойчивые (традиционные, стереотипные) сравнения, так и свободные (индивидуально-авторские). Согласимся с мнением исследователей, утверждающих, что сравнение – это одно из средств, которое помогает понять, разгадать национальное сознание, картину миру носителей языка. Исследование сравнительных конструкций в научной и художественной прозе позволяет понять специфику национального менталитета, способ представления мира в том или ином языке.

Список источников

1. Белов Ю. В. Искусство коронарной хирургии для целеустремлённых / Ю. В. Белов. – Москва : Медицинское информационное агентство, 2009. – 192 с.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – Санкт-Петербург : Азбука, 2022. – 477 с.
3. Булгаков М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков. – Санкт-Петербург : Азбука, 2022. – 140 с.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Мир книги, Литература, 2008. – 464 с.
5. Конюшкевич М. И. Категория сравнения и ее место в системе языка / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики / под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : Гродненский гос. ун-т, 2001. – Вып. 4. – С. 82–94.

6. Левина Е. А. Сравнения в немецких радиотекстах (семантика, структура, функции) / Е. А. Левина. – Саранск, 2006. – 169 с.
7. Летучий А. Б. Сравнительные конструкции / А. Б. Летучий // Материалы к корпусной грамматике. – Москва : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017. – Вып. 2: Синтаксические конструкции и грамматические категории. – С. 132–204.
8. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Высшая школа, 1990. – 342 с.
9. Стихи.ру. – URL: www.stihi.ru.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 720 с.

References

1. Belov Yu. V. *Iskusstvo koronarnoy khirurgii dlya tselestremlynykh = Art of coronary surgery for celebratory patients*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo; 2009:192 p.
2. Bulgakov M. A. *Master i Margarita = Master and Margarita*. St. Petersburg: Azbuka; 2022:477 p.
3. Bulgakov M. A. *Sobache serdtse = A Dog's Heart*. St. Petersburg: Azbuka; 2022:140 p.
4. Dostoevskiy F. M. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*. Moscow: Mir knigi, Literatura; 2008:464 p.
5. Konyushkevich M. I. The category of comparison and its place in the language system. *Voprosy funktsionalnoy grammatiki = Questions of functional grammar*. Ed. by M. I. Konyushkevich. Grodno: Grodno State University; 2001;4:82–94.
6. Levina E. A. *Sravneniya v nemetskiykh radiotekstakh (semantika, struktura, funktsii) = Comparisons in German radio texts (semantics, structure, functions)*. Saransk; 2006:169 p.
7. Letuchiy A. B. Comparative constructions. *Materialy k korpusnoy grammatike = Materials for corpus grammar*. Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; 2017;2:132–204.
8. Potebnya A. A. *Teoreticheskaya poetika = Theoretical poetics*. Moscow: Vysshaya shkola; 1990:342 p.
9. Stihi.ru. URL: www.stihi.ru.
10. *Filosofskiy slovar = Philosophical dictionary*. Ed. by I. T. Frolov. Moscow: Respublika; 2001:720 p.

Информация об авторе

М. В. Веклич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M. V. Veklich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 17–23.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):17–23.

Научная статья
УДК 81

**О РЕАЛИЗАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНА ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
В ТЕКСТАХ УЧАСТНИКОВ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ СОБРАНИЙ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛА XX ВЕКА**

**Татьяна Ивановна Вострикова^{1✉}, Игорь Владимирович Востриков²,
Елена Евгеньевна Молчанова³**

^{2, 3}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹tivostr@mail.ru✉

²igvladvost@mail.ru

³molchanova1968@inbox.ru

Аннотация. В статье речь идёт о реализации риторического закона в текстах участников религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге начала XX в. (1901–1903) – времени, когда богоискательская русская интеллигенция осознала необходимость мировоззренческого диалога со своими идейными оппонентами – представителями Православной церкви. Говорится о значимости поднимаемых проблем для современного гуманитарного знания в целом и для речеведческих наук в частности. Подчёркивается, что обращение к текстам религиозно-философской направленности позволяет рассмотреть риторику как интегральную область человеческого знания, получить дополнительные сведения о её понятийном аппарате, в частности об основных риторических законах. В статье называются все риторические законы, но особое внимание уделяется одному из них – закону эмоциональности. Раскрывается сущность данного закона; даётся толкование формирующих его базовых понятий (эмоция, эмотивность, эмотивная функция, эмотиология и др.). Учёные полагают, что эмотивность представляет собой полистатусную функциональную категорию. В этой связи к средствам языковой репрезентации эмоций и, следовательно, средствам реализации закона эмоциональности следует отнести единицы всех уровней системы языка: фонетического, морфемно-словообразовательного, лексико-семантического, морфологического, синтаксического. Указанные средства (собственно эмотивы лексико-семантического, морфемно-словообразовательного, грамматического характера; различного рода тропы и фигуры речи; тесно связанные с эмоциональностью способы диалогизации монолога) рассматриваются на примере докладов «Гоголь и отец Матвей» и «Лев Толстой и русская церковь», прочитанных на религиозно-философских собраниях. Автором данных текстов является Дмитрий Сергеевич Мережковский – писатель, публицист, философ, активнейший участник собраний. Текстовый материал свидетельствует о том, что автор ставил целью не просто дать собравшимся новое знание по той или иной актуальной проблеме, но и воздействовать на слушателя, вызвать в нём эмоциональный отклик. Представленные в статье материалы могут оказаться востребованными специалистами в области эмотивной лингвистики, речеведения, литературоведения.

Ключевые слова: религиозно-философские собрания, риторические законы, закон эмоциональности, Д. С. Мережковский, доклады «Гоголь и отец Матвей», «Лев Толстой и русская церковь», средства реализации закона эмоциональности

Для цитирования: Вострикова Т. И., Востриков И. В., Молчанова Е. Е. О реализации риторического закона эмоциональности в текстах участников религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге начала XX века // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 17–23.

Original article

ON THE IMPLEMENTATION OF THE RHETORICAL LAW OF EMOTIONALITY
IN THE TEXTS OF PARTICIPANTS IN RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL MEETINGS
IN ST. PETERSBURG AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Tatyana I. Vostrikova^{1✉}, Igor V. Vostrikov², Elena E. Molchanova³

^{2, 3}Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹tivostr@mail.ru✉

²igvladvost@mail.ru

³molchanova1968@inbox.ru

Abstract. The article discusses the Religious and Philosophical Assemblies in St. Petersburg at the beginning of the 20th century (1901–1903) – the time when the God-seeking Russian intelligentsia realized the need for an ideological dialogue with their ideological opponents – representatives of the Orthodox Church. The article discusses the significance of the issues that were covered at the Assemblies for modern humanitarian knowledge in general and for speech sciences in particular. It is emphasized that turning to texts of a religious and philosophical orientation allows us to consider rhetoric as an integral area of human knowledge, to obtain additional information about its conceptual apparatus, in particular, about the main rhetorical laws. The article names all the rhetorical laws, but pays special attention to one of them – the law of emotionality. The essence of this law is revealed; an interpretation of the basic concepts that form it is given (emotion, emotiveness, emotive function, emotiology, etc.). Scientists believe that emotiveness is a polystatus functional category. In this regard, the means of linguistic representation of emotions and, consequently, the means of implementing the law of emotionality should include units of all levels of the language system: morphemic-word-formation, lexical-semantic, morphological, syntactic, phonetic. These means (actually emotives of lexical-semantic, morphemic-word-formation, grammatical nature; various kinds of tropes and figures of speech; methods of dialogization of monologue closely related to emotionality) are considered using the example of the reports “Gogol and Father Matvey” and “Leo Tolstoy and the Russian Church” read at the Religious and Philosophical Meetings. The author of these texts is Dmitry Sergeevich Merezhkovsky – a writer, publicist, philosopher, and an active participant in the Meetings. The textual material shows that the author’s goal was not just to give the audience new knowledge on a particular topical issue, but also to influence the listener and evoke an emotional response in him. The materials presented in the article may be in demand by specialists in the field of emotive linguistics, speech studies, and literary studies.

Keywords: religious and philosophical meetings, rhetorical laws, law of emotionality, D. S. Merezhkovsky, reports “Gogol and Father Matvey”, “Leo Tolstoy and the Russian Church”, means of implementing the law of emotionality

For citation: Vostrikova T. I., Vostrikov I. V., Molchanova E. E. On the implementation of the rhetorical law of emotionality in the texts of participants in the Religious and Philosophical Meetings in St. Petersburg at the beginning of the XX century. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):17–23 (In Russ.).

Для сегодняшней гуманитарной науки в целом и антропоцентрического языкознания в частности весьма характерно стремление «окунуться» в прошлое и там, возможно, найти ответы на вопросы, которые в наши дни волнуют общество. Одним из источников такого рода познания являются, на наш взгляд, религиозно-философские собрания (далее – РФС, Собрания) в Санкт-Петербурге начала XX в. (1901–1903). Собрания стали «своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским вопросам» [5, с. 490]; одним из «исторических феноменов, призванных сплотить людей, сохранить единство социума» [4, с. 149].

Современные светские и религиозные философы, культурологи, историки, политологи обращаются к проблемам, получившим освещение на Собраниях и сохранившим актуальность в наши дни: выявлению роли христианства в жизни общества и возможности эволюции христианства в будущем; анализу непростых, порою весьма противоречивых отношений Церкви и интеллигенции,

религии и культуры; рассмотрению сущности понятия «свобода совести» и мн. др. При этом «демократичная форма обсуждения проблем государства, религии, веры, семьи с опорой на интеллектуальный и духовный опыт предшествующих поколений позволяет говорить о Собраниях как о “полигоне идей”, на котором каждая мысль проходила тест на социальную и духовную зрелость» [3, с. 13–14].

Полагаем, что знакомство с текстами РФС открывает немалые возможности и для исследователей-филологов, специалистов в области речеведения, в том числе тех, кто занимается проблемами риторики, а также её преподавания в вузе и школе. Интереснейший текстовый материал позволяет рассмотреть риторику как интегральную область человеческого знания, получить дополнительные сведения о её понятийном аппарате, в котором главное место по праву занимают риторические законы.

Вспомним: ещё в древних источниках говорилось о четырёх основных законах, на которых базируется риторика. Современная научная литература, поддерживая и развивая античные традиции, называет эти законы: закон гармонизирующего диалога, который считается «наиболее общим, определяющим облик современной риторики (особенно отечественной)» [8, с. 292]; закон хронотопической ориентации адресата, «в соответствии с которым говорящий должен организовать свою речь так, чтобы адресат видел её конечную цель» [8, с. 412]; закон эмоциональности речи; закон удовольствия (радости).

Весьма любопытно проследить за тем, каким образом каждый из обозначенных законов воплощается в выступлениях участников Собраний. В рамках данной статьи остановимся более подробно на проблеме реализации в названных текстах риторического закона эмоциональности.

В. И. Шаховский, один из самых известных представителей отечественной эмотивной лингвоэкологии, был убеждён в том, что «общественная природа языка, связь языка с мышлением и коммуникативная предназначённость как глобальная функция языка указывают на его несомненную психологичность, то есть человечность»; что «язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [10, с. 59]. Исследователи едины во мнении: не что иное, как эмоция есть ядро языковой личности. Следовательно, проблема «человека говорящего» / «человека в языке» неразрывно связана проблемой «эмоции человека в языке».

Обратимся к базовым терминам психолингвистического характера, которые в совокупности составляют родовое понятие «эмоциональность».

Начнём с термина «эмоции» – класса «психофизиологических характеристик, представляющих собой внутреннее, субъективное переживание психических и физиологических состояний человека, сопровождаемое приятными или неприятными ощущениями» [1, с.394]. Под эмотивностью понимается способность выражать в языке психологические / эмоциональные состояния и переживания человека; эмотивная функция заключается «в способности совокупности языковых средств, входящих в текст, выражать эмоции автора, а также эмоционально воздействовать на читателей» [2, с. 8].

«Эмоции», «эмотивность», «эмотивная функция» являются центральными понятиями эмотиологии. Данный термин, введённый В. И. Шаховским, воспринимается в наши дни как междисциплинарная / комплексная область научного знания, в которую включаются психо- и прагмалингвистика, теория речевой деятельности и теория коммуникации. Эта многоаспектность, многогранность сближает эмотиологию с риторикой, которая также является комплексной гуманитарной дисциплиной, изучающей «закономерности создания и преподнесения коммуникативно совершенного текста» [7, с. 293].

Исследователи (Л. Г. Бабенко, Л. Г. Барлас, Е. М. Галкина-Федорук, Д. А. Романов и многие другие) полагают, что эмотивность – это полистатусная функциональная категория. В этой связи к средствам языковой репрезентации эмоций следует отнести единицы всех уровней системы языка: фонетического, морфемно-словообразовательного, лексико-семантического, морфологического, синтаксического.

Обратимся к «Запискам петербургских Религиозно-философских собраний» [5] с целью показать, как проявляют себя обозначенные единицы в текстах участников РФС. Поскольку представленный в сборнике текстовый материал весьма объёмен и разнообразен, мы решили ограничить наши рассуждения двумя докладами Дмитрия Сергеевича Мережковского – «Лев Толстой и русская церковь» [5, с. 45–59] и «Гоголь и отец Матвей» [5, с. 174–190].

Почему именно Д. С. Мережковский? На наш взгляд, это яркая, неординарная личность, человек энциклопедических знаний (в первую очередь в области философии, филологии, истории, религии), который рассматривал и пытался решить сложнейшие вопросы философии преимущественно в литературно-публицистическом ключе. Д. С. Мережковский – один из основателей Собраний и активнейший их участник. Он великолепный оратор, чьё «искусство убеждать» зиждется на четырёх обозначенных выше законах риторики (это и есть то «природное дарование», о котором в своё время говорил М. В. Ломоносов!). Эмоциональная составляющая речей Д. С. Мережковского не может, как нам представляется, никого оставить равнодушным. Она привлекает особое внимание адресата (безусловно, подготовленного к восприятию подобного рода текстов), заставляя последнего размышлять / удивляться / восхищаться / соглашаться / не соглашаться (спорные моменты, конечно же, в речах Д. С. Мережковского есть!). Это человек, который, по справедливому мнению В. А. Кувакина, был охвачен историософским и религиозным волнением, выглядел эстетом и «философствующим литератором» [6, с. 309].

Итак, несомненно, что Д. С. Мережковский и в названных выше докладах, и в других своих выступлениях на Собраниях ставил целью не просто дать собравшимся новое знание по той или иной актуальной проблеме, но и воздействовать на слушателя, вызвать в нём эмоциональный отклик. Отсюда – многообразнейшие средства этого воздействия.

Прежде всего назовём собственно эмотивы, к коим следует отнести в первую очередь языковые единицы лексико-семантического уровня. Это «слова с эмоциональной окраской объективно обусловленной, то есть закреплённой лексикографически... и субъективно обусловленной, то есть проявляющейся в контексте» [11, с. 369]. У Д. С. Мережковского не только отдельные лексемы, но порою и все слова, входящие в словосочетание, имеют закреплённую окраску: обжора, мистический бред, грубый изувер, нечисть, молчальники, прёт в одну точку, неистовый протопоп, злобное возражение, сатанинская гордость, окаянный грешник, смешливая молодёжь и мн. др.

На морфемно-словообразовательном уровне эмоциональность речи выражается эмоционально окрашенными аффиксами, чаще всего различными суффиксами субъективной оценки и суффиксами превосходной степени имён прилагательных. В речах Д. С. Мережковского находим: простой мужичок, грешная бычачина, ужасающее ... требование, тишайший царь Алексей и др. Различного рода эмоции на морфологическом уровне передают, как известно, междометия и некоторые частицы. Обратимся к Д. С. Мережковскому: «О, тут уже не игра, не притворство»; «Но неужели это “христианская смерть”... о которой молится Церковь?»; «Как радуешься, как отдыхаешь на этой шутке!.. Как узнаешь и приветствуешь прежнего Гоголя!»

Д. С. Мережковский – мастер оригинальнейших эпитетов, метафор, сравнений: «что-то бесконечно-трогательное»; «“паралич” русской церкви»; «буквы тлеющих рукописей рдеют, точно кровью наливаются»; «образованные люди...

теснятся вокруг него, как ученики вокруг учителя, как овцы вокруг пастыря». Анализируемые работы изобилуют также различного рода противопоставлениями: это и собственно антитезы («неумерен – это значит слишком чёрен или слишком бел»; «От Пушкина – жизнь, от о. Матвея – смерть»); и любопытные случаи синкризиса, когда в каждом из двух и более симметрично построенных словосочетаний имеются компоненты, вступающие в антонимичные отношения: «уклон христианства от “белого” цвета к “чёрному”, от воскресения к умерщвлению, от святой плоти к бесплотной святости»; и примеры контекстуальной антонимии либо сочетания собственно антонимов с антонимами контекстуальными: «из рук священников Гоголь попадает в руки докторов...»; «тут как будто в самой неподвижности – движение, стремление, полёт бесконечный».

К ярким экспрессивным средствам в текстах Д. С. Мережковского следует отнести оксюморон («умствующий Л. Толстой и есть такой слабый великан»), индивидуально-авторские неологизмы (*обтерпеться; опоминается; “обмиршил” русское государство*); «они звучат ... всё грознее, всё немолчнее»; «другой препояшет тебя»), введение в повествование прецедентных фраз («Народ безмолвствует, как всегда»). Весьма уместно используются устойчивые выражения, среди которых и фразеологические обороты, имеющие ярко выраженную разговорную окраску, и «высокие» крылатые выражения: «христианство – и нашим, и вашим, в котором и волки сыты, и овцы целы»; «вода крещения с него, “как с гуся вода”»; «и мы, как панургово стадо, кинулись за этой тенью»; «Пётр разрубает этот Гордиев узел» и др.

Один из излюбленных, по нашим наблюдениям, приёмов Д. С. Мережковского – редупликация, когда оратор использует одни и те же или однокоренные слова в одном речевом фрагменте: «о. Матвей ... не идёт, как другие ... ни на какие уступки, смягчения, лукавые сделки с лукавым духом времени»; «это отрицание – только звено его [Л. Толстого] отрицательных выводов относительно ... всей современной европейской культуры».

Тексты Д. С. Мережковского насыщены средствами экспрессивного синтаксиса. Это, в первую очередь, риторические вопросы и риторические восклицания. Известно, что риторические вопросы характерны для контекстов, «выражающих сильные эмоциональные движения и / или оценки... В зависимости от лексического наполнения риторические вопросы усиливают разнообразные эмоциональные тональности» [11, с. 268]. У Д. С. Мережковского встречаем и множество одиночных риторических вопросов, и целые их «цепочки»: «Не понял ли он, наконец, кто скрывается под этим образом, образом “ангела светла”? Не узнал ли под эту последнюю, самую соблазнительную маску того, с кем он боролся всю жизнь орудием смеха?» Одна из «цепочек» в докладе «Гоголь и отец Матвей» представляет собой сразу шесть следующих один за другим вопросов! «Эмоциональные тональности» вопросов у Д. С. Мережковского самые разные: удивление и негодование, как в приведённом выше примере; в других случаях это сомнение, гнев, радость, убеждённость, ирония, огорчение, порицание и др. В обоих докладах встречаем также обладающие большими выразительными возможностями вопросо-ответные комплексы, которые позволяют автору выстроить доверительный разговор с адресатом по самым непростым, дискуссионным проблемам, привлечь его к сомышлению. Приведём (в сокращении) один из таких комплексов: «Неужели и вправду так ожесточились они [русские образованные люди], что принимают любовь за ненависть и молитву за проклятие? Неужели прав Л. Толстой, уверяющий, будто бы “почти все” они отпали от христианства? Едва ли так. Кажется, русское культурное общество... в действительности борется не с христианством, не с церковью... а с тем, что за церковью».

Эмоциональное восприятие текстов Д. С. Мережковского усиливает также большое количество риторических восклицаний, например: «И всё-таки

для нас, живых, какая загадка в этом лице [о Гоголе!]»; «Мы не можем, не хотим спастись без тебя [о Толстом]: вместе спасёмся или вместе погибнем!». Заметим: риторические вопросы и риторические восклицания – важнейшие средства диалогизации монолога (а диалогизация, без сомнения, неразрывно связана с эмоциональностью). Задаче диалогизировать монологическую речь служат у Д. С. Мережковского также многочисленные случаи цитации, в первую очередь, цитации тех великих личностей (Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя), которым посвящены доклады; ссылки на авторитетное мнение (Ф. М. Достоевского, С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова и др.). Ещё одна отличительная черта текстов Д. С. Мережковского – постоянное использование различных формул совместности (императивов «совместного действия», форм местоимений 1 лица мн. числа и др.), например: «Так нам кажется, потому что мы любим его».

Д. С. Мережковский, как полагают исследователи, не оставил целостной системы философских идей, но его влияние на интеллигенцию – как философов, так и религиозно настроенную – было весьма и весьма значимым. И далеко не последнюю роль в этом сыграли его взволнованно-неравнодушные, эмоционально насыщенные речи, произнесённые на религиозно-философских собраниях.

В завершение скажем о том, что риторический закон эмоциональности – в большей или меньшей степени – обнаруживает себя практически во всех выступлениях участников РФС, будь то основной доклад, представленный к обсуждению; обмен мнениями по докладу; вопрос (краткий или развёрнутый) к докладчику / участнику прений; записка по поводу каких-либо положений доклада; ответ (краткий или развёрнутый) на вопрос или на записку и т. д. И это, на наш взгляд, не случайно: как для ораторов прошлого, так и для ораторов сегодняшнего дня чрезвычайно важны искренность оратора, его уважительное отношение к адресату, убедительность изложенных в тексте аргументов; важно осознание того, что «эмоциональная окрашенность информации углубляет её восприятие, делает это восприятие живым, позволяет ощутить отношение к ней и выработать ответную реакцию» [9, с. 18].

Список источников

1. Азимов Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Быдина И. В. Движение эмотивной семантики поэтического слова (на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Матвеевой) / И. В. Быдина. – Волгоград, 1994. – 21 с.
3. Востриков И. В. Религиозно-философские Собрания в Санкт-Петербурге 1901–1903 гг.: историко-философский анализ / И. В. Востриков. – Москва, 2007. – 26 с.
4. Востриков И. В. Петербургские Религиозно-философские собрания начала XX века: вопрос о свободе совести в историко-культурном и риторическом аспектах / И. В. Востриков, Т. И. Вострикова // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. горный ун-т императрицы Екатерины II, 2023. – С. 149–152.
5. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. – Москва : Республика, 2005. – 544 с.
6. Кувакин В. А. Мыслители России: избранные лекции по истории русской философии / В. А. Кувакин. – Москва : РГО, 2005. – 476 с.
7. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
8. Михальская А. К. Педагогическая риторика: История и теория / А. К. Михальская. – Москва : Академия, 1998. – 432 с.
9. Хильми Г. Ф. Поэзия науки / Г. Ф. Хильми. – Москва : Наука, 1970. – 54 с.
10. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 59–65.

11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. – Москва : Флинта: Наука, 2005. – 480 с.

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Sovremennyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy. Teoriya i praktika obucheniya yazykam = Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of teaching languages*. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy; 2018:496 p.
2. Bydina I. V. *Dvizhenie emotivnoy semantiki poeticheskogo slova (na materiale poezii A. Voznesenskogo, E. Evtushenko, N. Matveevoy) = The movement of emotive semantics of the poetic word (based on the poetry of A. Voznesensky, E. Yevtushenko, N. Matveeva)*. Volgograd; 1994:21 p.
3. Vostrikov I. V. *Religiozno-filosofskie Sobraniya v Sankt-Peterburge 1901–1903 gg.: istoriko-filosofskiy analiz = Religious and philosophical meetings in St. Petersburg in 1901–1903: historical and philosophical analysis*. Moscow; 2007:26 p.
4. Vostrikov I. V., Vostrikova T. I. *St. Petersburg Religious and Philosophical Assemblies of the Early 20th Century: The Issue of Freedom of Conscience in Historical, Cultural and Rhetorical Aspects. Aktualnye problemy gumanitarnogo znaniya v tekhnicheskoy vuze = Actual Problems of Humanitarian Knowledge in a Technical University*. St. Petersburg: St. Petersburg State Mining University of Empress Catherine II; 2023:149–152.
5. *Zapiski peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobraniy (1901–1903 gg.) = Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Assemblies (1901–1903)*. Ed. by S. M. Polovinkin. Moscow: Respublika; 2005:544 p.
6. Kuvakin V. A. *Mysliteli Rossii: izbrannye lektsii po istorii russkoy filosofii = Thinkers of Russia: selected lectures on the history of Russian philosophy*. Moscow: RGO; 2005:476 p.
7. Matveeva T. V. *Uchebnyy slovar: russkiy yazyk, kultura rechi, stilistika, ritorika = Educational dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric*. Moscow: Flinta: Nauka; 2003:432 p.
8. Mikhalskaya A. K. *Pedagogicheskaya ritorika: Istoriya i teoriya = Pedagogical rhetoric: History and theory*. Moscow: Akademiya; 1998:432 p.
9. Khilmi G. F. *Poeziya nauki = Poetry of science*. Moscow: Nauka; 1970:54 p.
10. Shakhovskiy V. I. Linguistic personality in an emotional communicative situation. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1998;2:59–65.
11. *Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik. Vyrazitelnye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochoty = Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings*. Ed. by A. P. Skovorodnikov. Moscow: Flinta: Nauka; 2005:480 p.

Информация об авторах

Т. И. Вострикова – доктор педагогических наук, доцент;
И. В. Востриков – кандидат философских наук, доцент;
Е. Е. Молчанова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

T. I. Vostrikova – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
I. V. Vostrikov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor;
E. E. Molchanova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 25.10.2024.

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 25.10.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 24–30.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):24–30.

Научная статья
УДК 81

**РЕЛЕВАНТНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОНОМИНАЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Елена Юрьевна Камкова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, lenok776@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3253-7093>

Аннотация. В статье на основе применения методологии многофакторного подхода рассматриваются актуальные неологизации, появившиеся в современном русском языке под воздействием релевантных факторов. Исследовательское внимание сосредоточено на ключевых экстралингвистических и интралингвистических факторах, которые оказывают значительное влияние на различные аспекты процесса языкового обновления, определяя тем самым характер и динамику образования лексических единиц на конкретном хронологическом срезе. Автором статьи последовательно проводится мысль о том, что на основе синергетического воздействия релевантных факторов происходит возникновение неологизаций в ведущих сферах общества, которые прочно закрепляются в языке, выступая не только в качестве постоянного источника пополнения словарного состава данного языка, но и как отражение социальных процессов, в то время как другие лексические единицы исчезают в результате утраты актуальности общественного феномена. Установлено, что экстралингвистические и интралингвистические факторы детерминируют процесс неологизации русского языка и подчёркивают значимость коммуникативной функции языка как движущей силы, стимулирующей языковую эволюцию в ответ на динамично изменяющиеся реалии. Многофакторное рассмотрение нового лексического материала, зафиксированного в современных масс-медиа, и его неологическое осмысление позволили заключить, что процесс возникновения неологизаций в большей степени имеет экстралингвистическую обусловленность.

Ключевые слова: неологизации, новые слова, заимствования, экстралингвистические факторы, интралингвистические факторы, неологизация

Для цитирования: Камкова Е. Ю. Релевантные факторы возникновения неологизаций в современном русском языке // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 24–30.

Original article

**RELEVANT FACTORS OF EMERGING NEONOMINATIONS
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Elena Yu. Kamkova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
lenok776@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3253-7093>

Abstract. The article, based on the application of the multifactorial approach methodology, considers current neologisms that appeared in modern Russian under the influence of relevant factors. The study is based on an analysis of lexical innovations that have appeared in recent decades, including terms in the field of politics, technology, culture and society, etc. Research attention is focused on key extralinguistic and intralinguistic factors that have a significant impact on various aspects of the process of language renewal, thereby determining the nature and dynamics of the formation of lexical units on a specific chronological slice. The author of the article consistently carries out the idea that on the basis of the synergistic influence of relevant factors, neologisms occur in the leading

spheres of society, which are firmly entrenched in the language, acting not only as a constant source of replenishment of the vocabulary of a given language, but also as a reflection of social processes, while other lexical units disappear as a result of the loss of relevance of the social phenomenon. It has been established that extralinguistic and intralinguistic factors determine the process of neologization of the Russian language and emphasize the importance of the communicative function of the language as a driving force that stimulates linguistic evolution in response to dynamically changing realities. Multifactorial consideration of the new lexical material recorded in modern mass media and its neological understanding made it possible to conclude that the process of emergence of neonominations to a greater extent has extralinguistic conditioning.

Keywords: neonominations, new words, borrowings, extralinguistic factors, intralinguistic factors, neologization

For citation: Kamkova E. Yu. Relevant factors of emerging neonominations in the modern Russian Language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):24–30 (In Russ.).

Происходящий в мире процесс трансформации индустриального общества в постиндустриальное сопровождается значительными изменениями в языковой картине мира и возникновением большого количества новых слов, которые являются отражением представлений человека о мире в целом и обществе в частности. По мнению Л. Ю. Касьяновой, «при анализе процессов обновления языковой картины мира на первый план по своей значимости выходят проблемы определения тех новых факторов, которые обуславливают современное видение мира сообществом людей, говорящих на русском языке, и которые предопределяют характер осуществляющихся актов номинации» [5, с. 268]. Повышенный интерес учёных к процессу неологизации отражается в многочисленных публикациях результатов научных исследований, значительное место в которых уделяется факторам возникновения современных неономинаций (Е. В. Маринова, Л. И. Плотникова, Е. В. Сенько и др.).

В рамках данной статьи авторское рассмотрение неономинаций базируется на использовании многофакторного подхода. Так, предложенная А. Е. Кибриком методология многофакторного подхода в языкознании [7, с. 13] позволяет учитывать влияние множества факторов, которые могут как одновременно, так и последовательно воздействовать на процесс возникновения новых слов. Считаем целесообразным акцентировать исследовательское внимание на экстралингвистических и интралингвистических факторах, которые оказывают значительное влияние на различные аспекты процесса языкового обновления, определяя тем самым характер и динамику образования лексических единиц на конкретном хронологическом срезе.

С целью осмысления интра- и экстралингвистической обусловленности возникновения неономинаций обратимся к рассмотрению терминологической сущности названных видов факторов.

Экстралингвистические факторы учёные определяют по-разному. В понимании Е. В. Сенько – это «идеология и социальная структура общества <...> форма организации производства, производственных сил и отношений <...> социальные факторы научно-познавательного значения <...> социальные факторы эстетического плана» [12, с. 22–23]; И. В. Рец к экстралингвистическим факторам относит «глобализацию, развитие Интернета, распространение антропоцентризма как способа мировосприятия, утверждение политической корректности и толерантности в языковой практике, компрессию времени» [10, с. 7]. На основе проведённого нами анализа публикаций в современных масс-медиа можно ранжировать приоритетное влияние следующих экстралингвистических факторов, определяющих появление неономинаций: экономические, политические, социальные и психологические.

Ключевым тезисом данной статьи служит утверждение, что именно экстралингвистическими факторами в значительной степени обусловлено возникновение неономинаций в ведущих сферах общества. Цифровая

трансформация всех сторон современной жизни сопровождается появлением большого количества новых слов, преимущественно англицизмов, в социо-профессиональном пространстве IT-специалистов разных стран [13, с. 141]. В современных масс-медиа фиксируется множество неониминаций, относящихся одновременно к разным общественным сферам. Обратимся к примерам.

В экономической сфере релевантным стало понятие *диджитализация* – ‘преобразование бизнес-процессов для цифровых технологий’ (MIGRA, 05.08.2022). Оно фиксируется в большом количестве медиатекстов, посвящённых преимущественно актуальным темам экономики, политики, государственного управления, информационных технологий.

В политической сфере в связи с применением *искусственного интеллекта* (ИИ) кардинальным изменениям подвергаются *политтехнологии* – ‘методы и инструменты, используемые для формирования идей, мышления и сознания у масс для достижения политических целей’ (Дзен, 27.06.2024). По мнению политтехнологов, «*простейшие нейросети уже создают привлекательные тексты и статичные визуальные образы политиков*» (Центр «ПРИСП», 15.12.2022). Этот процесс вызывает многочисленные дискуссии между специалистами в области информационных технологий, государственного управления, искусственного интеллекта, социологии, международных отношений, политологии и др.

В социальной сфере появилось множество неониминаций для обозначения профессиональной специализации *мейкеров* – ‘людей, что-либо делающих или создающих’ (Newslab, 15.10.2015). Так, *рилс-мейкер* – ‘специалист по созданию коротких видео’ (Resize-web, 22.08.2024). Новые оттенки значения появились у номинаций *имиджмейкер* – ‘специалист, создающий образ, который будет производить определённое впечатление’ (Дзен, 17.02.2019) и *нюсмейкер* – ‘специалист, который создаёт, развивает и поддерживает образ личности или бренда’ (Unisender, 26.02.2024). Определение должностных обязанностей разного рода *мейкеров* часто становится темой статей в масс-медиа. Например: «*Нюсмейкер, имиджмейкер и маркет-мейкер. Кто же всё-таки делает новости?*» (Учительская газета, 29.11.2011). Исследование неониминаций, в частности в социальной сфере, обусловлено необходимостью анализа влияния прорывных научно-технических технологий на общественные отношения, социально-профессиональный статус россиян и определяет важное место, которое занимают неониминации лиц в русском языке последних двух десятилетий [3, с. 101].

В сфере психологии *триггер* – это ‘нечто, что приводит в действие элемент или предмет, провоцирует событие’ (АиФ, 25.09.2019). Однако данный неологизм получил широкое распространение и в других сферах социума: в медицине, электронике, компьютерных играх и др. Так, специалисты в IT-сфере дают следующее профессиональное определение данного термина: «*Что такое триггеры и триггерные функции в Postgres? Простыми словами это hook или middleware механизм как в любом современном веб-фреймворке, который позволяет привязаться к событиям базы данных*» (Дзен, 03.11.2020). По мнению корпоративного психолога диджитал-агентства «Палиндром» Д. Лунёва, «*триггеры влияют на наше эмоциональное состояние и на отношения с близкими. Это не единственная сфера жизни, где люди сталкиваются с триггерами. Например, маркетологи взяли на вооружение триггеры и профессионально используют их для привлечения и удержания клиентов*» (Skillbox, 23.08.2023). Разнообразные толкования данной и других неониминаций во множестве контекстов современных русскоязычных масс-медиа требуют дополнительного изучения релевантных факторов, определяющих их возникновение. Н. Г. Бабенко в своих исследованиях описывает их как «социально-экономические, психологические

и культурные условия» [1, с. 23]. Таким образом, переход к постиндустриальному обществу сопровождается интенсивным воздействием психоэмоциональных и поведенческих факторов, проявляющихся в социально-экономических, политических и культурно-исторических процессах [6, с. 115] и определяющих неологизацию русского языка на современном этапе его развития.

Исследование неологического материала, зафиксированного в современных масс-медиа, позволяет утверждать, что наблюдается приоритетное влияние экстралингвистических факторов по сравнению с *интралингвистическими* [10, с. 7]. К последним относятся «факторы, порождаемые коммуникативной функцией языка» [12, с. 23–24]: речевая экономия, сокращение слов, обобщение [8, с. 26; 12, с. 7], выразительность и экспрессивность [1, с. 29; 10, с. 17–18; 11, с. 354] и др. Обратимся к их рассмотрению.

Речевая экономия выступает одним «из определяющих факторов речеворчества на современном этапе и в эволюционной перспективе» [8, с. 17], приводя в действие такой механизм, как расширение семантической структуры слова. С одной стороны, речевая экономия в качестве интралингвистического фактора способствует смысловому обогащению лексического состава языка, даёт ощущение стабильности каналов коммуникации между поколениями, имеет большой потенциальный резерв для использования за счёт богатства русского языка. Например, после запусков первого советского *спутника* в середине XX в. и первого российского ракетного комплекса «*Орешник*» во втором десятилетии XXI в. эти слова вошли во многие языки мира как неологизмы русского происхождения. К привычному традиционному осмыслению целого ряда русских слов добавились новые значения, которые реализуются в контекстах типа «БПЛА. “*Птички*” специальной военной операции» (Часовой, 15.10.2023); «Глава области добавил, что ещё восемь **прилётов** пришлись на посёлок Краснооктябрьский» (Lenta.ru, 21.07.2023). Так, у слова *прилёт* с устоявшейся семантикой 1) ‘появление где-нибудь’ (о перелётных птицах), 2) ‘прибытие’ (о летательных аппаратах) в период СВО появилось новое значение ‘попадание одиночного артиллерийского снаряда, ракеты или барражирующего боеприпаса’. Причём в новом значении анализируемое слово употребляется без дополнения, поскольку субъект глагола *прилететь* стал встроенным в семантику отглагольного существительного *прилёт*. Формирование нового значения происходит в рамках семантической неологизации.

Наряду с вышеизложенным считаем целесообразным отметить, что речевая экономия может создавать дополнительные коммуникационные барьеры между профессиональными и потребительскими сообществами, если происходит калькирование иностранных слов. Прямое заимствование терминов особенно распространено в цифровой экономике [4, с. 101]. Например, *кастодиан* – ‘специалист, имеющий возможность восстановить доступ к криптокошельку’; *девайс* – ‘общее понятие, которое включает в себя все виды электронных устройств и техники’; *стейкхолдер* – ‘заинтересованный в деятельности компании человек’ (Unisender, 05.05.2024). В данном случае наблюдается немотивированное употребление английских слов, которые требуют обстоятельного объяснения из-за возможного недопонимания в процессе коммуникации носителей русского языка.

В развитие данного тезиса отметим основные причины избыточного заимствования иноязычных лексических ресурсов: модное звучание, акцентирование внимания на деятельностном аспекте и пр. Например, русская калька английского слова *шопинг* стала более привычной в речи. Значение слова *шопинг* шире его русского аналога *покупки*, поскольку подразумевает под собой множество сопутствующих покупкам действий: развлечения, встречи, отдых, походы в кафе и др. *Хэндмейд* в переводе с английского языка означает

‘ручная работа’. Однако данное понятие может означать также создание уникальных авторских предметов, переделку, реставрацию старых вещей и пр. Подобные дублиеты неизбежно приводят к изживанию одного из компонентов пары в результате наиболее частотного его употребления. Приходится констатировать, что часто англицизмы вытесняют русские синонимы. При этом они либо адаптируются носителями русского языка, либо сохраняются далее в пассивном словарном запасе. Очень часто они имеют синонимы в русском языке и лексически избыточны.

В рамках неологизации активно проявляют себя сокращения и обобщения, демонстрируя интралингвистическую природу этого процесса. Сокращение часто происходит путём замены словосочетания словом, образованным способом сложения основ. Например, в спортивной сфере появились слова *спортвизор* – ‘специальные очки с дисплеем, позволяющие смотреть спортивные события в интернете’, и *спорт-фьюжн*, характеризующий ‘современный подход к комплексным реальным и виртуальным тренировкам’. В экономической сфере широко используются слова *криптомима* – ‘снижение в долгосрочной перспективе (в течение нескольких лет) котировок криптовалют’, в цифровой сфере *фемтех* – ‘технологии и устройства, ориентированные на женскую аудиторию’. По мнению Е. В. Сенько, «в пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; языковые изменения нагромождаются, не успевая адаптироваться» [12, с. 8].

Особую роль среди релевантных интралингвистических факторов играют выразительные и экспрессивные способы образования неологизаций. Часто они являются выражением общественного мнения о значимых социально-экономических и политических событиях, называют «неодобряемые / одобряемые объекты социальной реальности» [9, с. 6]. Например, слово *влиятель* – ‘человек, оказывающий воздействие на мнение покупателей через подписчиков в социальных сетях’; *лайфхакер* – ‘человек, который “ломает”, “обманывает” окружающую его жизнь, облегчая её с помощью различных полезных советов» [2, с. 58]. Анализ медиатекстов позволяет выявить экспрессивно-негативную оценку ключевых неологизаций публикации. Приведём примеры общественного осуждения поведения *скуффов*, *квадроберов* и *нищевродов*: «*Российские мужчины массово боятся превратиться в скуффов. Кто это такие и почему стать ими так страшно?*» (Лента.ру, 23.08.2023); «*В России уже звучат призывы запретить квадрофику. Для одних детей это безобидное хобби и игра, для других – образ жизни, который становится проблемой для родителей и окружающих*» (Лента.ру, 08.10.2024); «*Это вовсе не тот, кто беден, а тот, кто ежедневно пребывает в “нищевродском” состоянии ума – состоянии ограниченных возможностей и деструктивных убеждений*» (Проза.ру, 21.04.2022). В последнем примере важно подчеркнуть переосмысление слова *нищеврод*, известного с XVIII в. в значении ‘нищий, бродяга, попрошайка’. В результате образование производного слова *нищевродский* в современном русском языке позволило соединить негативную окраску материальной и мировоззренческой составляющей личности.

Негативные последствия реального и виртуального общения людей подчёркивают целый ряд экспрессивно-выразительных неологизаций: *буллинг* – ‘агрессия, психологическая травля по отношению к человеку в реальной жизни’; *хейт* и *антихейт* – ‘проявление агрессии в интернете и борьба с ней’; *абьюз* – ‘физическое, психологическое или финансовое насилие одного партнёра над другим’, *нормис* – ‘человек с обычными, *мейнстримными* интересами и вкусами, не выделяющийся среди других’ и пр. Необходимо отметить, что зачастую наблюдается взаимообусловленность релевантных факторов возникновения неологизаций в современном русском языке. По мнению Н. Г. Бабенко, выразительно-экспрессивная составляющая неодобрительных неологизмов «во многом зависит от экстралингвистических причин: от того,

насколько сгладятся социальные противоречия в российском обществе и насколько ослабеет речевая агрессия» [1, с. 29].

Таким образом, релевантные экстралингвистические и интралингвистические факторы детерминируют процесс неологизации русского языка и подчёркивают значимость коммуникативной функции языка как движущей силы, стимулирующей языковую эволюцию в ответ на изменяющиеся реалии. Именно на основе синергетического воздействия релевантных факторов происходит возникновение неониминаций в ведущих сферах общества. Некоторые слова появляются и исчезают по мере деактуализации общественного феномена, другие остаются в языке и надёжно закрепляются в нём, являясь не только источником постоянного пополнения словарного состава конкретного языка, но и отражением происходящих в обществе процессов, что определяет необходимость дальнейшего проведения их многофакторного лингвистического анализа.

Список источников

1. Бабенко Н. Г. Неосемантизация слова «нищеврод» в современной русской речи / Н. Г. Бабенко, Н. Е. Лихина // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 23–33.
2. Буриев И. Э. Современные аспекты изучения неониминации / И. Э. Буриев // *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. – 2021. – № 2 (5). – P. 55–61.
3. Григоренко О. В. Неониминации лиц в аспекте современной лексикографии и неографии / О. В. Григоренко // Гуманитарный вектор. Сер.: Педагогика, психология. – 2010. – № 2. – С. 99–107.
4. Гуральник Т. А. Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере неониминации (на материале американского варианта английского языка) / Т. А. Гуральник. – Самара, 2006. – 22 с.
5. Касьянова Л. Ю. Новое слово как средство репрезентации обновляемой картины мира / Л. Ю. Касьянова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 267–273.
6. Касьянова Л. Ю. Культурно-исторические факторы переосмысления существующих концептов / Л. Ю. Касьянова // Традиционная славянская культура и современный мир. – Астрахань : Астраханский государственный университет, 2014. – С. 115–120.
7. Кибрик А. Е. Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик и др. ; под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова. – Москва : Буки Веди, 2019. – 672 с.
8. Мехеда М. И. Речевая экономия как один из мотиваторов словотворчества в русской разговорной речи / М. И. Мехеда // Филология и человек. – 2017. – № 1. – С. 17–27.
9. Ребрина Л. Н. Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузуальные неониминации / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 5–22.
10. Рец И. В. Лингвокультурологические и эволюционные аспекты неониминации / И. В. Рец. – Волгоград, 2014. – 26 с.
11. Самыличева Н. А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов / Н. А. Самыличева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011, № 4 (1). – С. 354–360.
12. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века : Межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – Волгоград, 2000. – 50 с.
13. Фахрутдинова М. Функционирование неологизмов IT-сферы в русском языке новейшего периода (на материале текстов электронных СМИ) / М. Фахрутдинова // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2021. – № 1 (63). – С. 138–141.

References

1. Babenko N. G. Neosemantization of the word “beggar” in modern Russian speech. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2019;11:23–33.
2. Buriev I. Je. Modern aspects of the study of neonominations. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. 2021;2(5):55–61.

3. Grigorenko O. V. Neonominations of persons in the aspect of modern lexicography and neography. *Gumanitarnyy vektor. Seriya "Pedagogika, psihologiya" = Humanitarian vector. Series "Pedagogy, psychology"*. 2010;2:99–107.
4. Guralnik T. A. *Lingvisticheskie markery sotsiokulturnogo prostranstva v sfere neonominacii (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) = Linguistic markers of socio-cultural space in the sphere of neomination (based on the American version of the English language)*. Samara; 2006:22 p.
5. Kasyanova L. Yu. New word as a means of representing an updated picture of the world. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2008;6:267–273.
6. Kasyanova L. Yu. *Cultural and historical factors in rethinking existing concepts. Traditsionnaya slavyanskaya kultura i sovremennyy mir = Traditional Slavic culture and the modern world*. Astrakhan: Astrakhan State University; 2014:115–120.
7. Kibrik A. E. *Vvedenie v nauku o yazyke = Introduction to the Science of Language*. Moscow: Buki Vedi; 2019: 672 p.
8. Mekheda M. I. Speech economy as one of the motivators of word creation in Russian colloquial speech. *Filologiya i chelovek = Philology and Man*. 2017;1:17–27.
9. Rebrina L. N. Disapproved / approved fragments of modern social reality: non-usual neonominations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 "Yazykoznanie" = Bulletin of the Volgograd State University. Series 2 "Linguistics"*. 2023;2(2):5–22.
10. Rets I. V. *Lingvokulturologicheskie i ekolingvisticheskie aspekty neonominatsii = Lingvocultural and ecolinguistic aspects of neomination*. Volgograd; 2014:26 p.
11. Samylicheva N. A. Expressiveness as a basic property of occasional words. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2011;4(1):354–360.
12. Senko E. V. *Neologizatsiya v sovremenном russkom yazyke kontsa XX veka: Mezhurovnevyy aspekt = Neologization in the modern Russian language of the end of the 20th century: Interlevel aspect*. Volgograd; 2000:50 p.
13. Fakhruddinova M. Functioning of IT-sphere neologisms in the Russian language of the latest period (based on texts of electronic media). *Filologiya i kultura. Philology and Culture*. 2021;1(63):138–141.

Информация об авторе

Е. Ю. Камкова – аспирант.

Information about the author

E. Yu. Kamkova – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interests: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 15.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 15.12.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 31–36.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):31–36.

Научная статья
УДК 81

**АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Елена Вениаминовна Кузнецова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. Современное состояние исследования грамматических средств выражения модальности во французском языке является объектом лингвистического интереса. Модальность является одной из важнейших категорий в языке, так как она позволяет выражать различные оттенки отношения говорящего к высказываемому, его отношение к действительности, его цели, желания, оценки и другие субъективные моменты. Изучение способов выражения модальности имеет большое значение для понимания механизма функционирования языка, так как помогает раскрыть специфику речевой деятельности человека. Модальность в языке – одна из важнейших языковых особенностей, являющаяся определённой языковой универсальностью. Она представляет собой семантическую категорию, направленную на выражение отношения участников общения к содержанию их высказываний, а также на установление соответствия между содержанием высказывания и реальностью. На практике это осуществляется с помощью различных грамматических и лексических средств, таких как формы наклонений (например, Conditionnel, Subjonctif), слова модального типа («il semble que») и другие. Важным средством выражения модальности также являются модальные глаголы.

Ключевые слова: модальность, грамматические средства, лексические средства, наклонение, содержание высказывания

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Анализ средств выражения модальности в современном французском языке // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). 31–36.

Original article

ANALYSIS OF THE MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN MODERN FRENCH

Elena V. Kuznetsova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. The current state of research into grammatical means of expressing modality in French is an object of linguistic interest. Modality is one of the most important categories in language, as it allows one to express various shades of the speaker's attitude to the spoken word, his attitude to reality, his goals, desires, assessments and other subjective aspects. Studying the ways of expressing modality is of great importance for understanding the mechanism of language functioning, as it helps to reveal the specifics of human speech activity. Modality in language is one of the most important linguistic features, which is a certain linguistic universality. It is a semantic category aimed at expressing the attitude of the participants in communication to the content of their statements, as well as establishing a correspondence between the content of the statement and reality. In practice, this is accomplished with the help of various grammatical and lexical means, such as mood forms (for example, Conditionnel, Subjonctif), modal words («il semble que») and others. Modal verbs are also an important means of expressing modality.

Keywords: modality, grammatical means, lexical means, mood, content of the statement

For citation: Kuznetsova E. V. Analysis of the means of expressing modality in modern French. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92): 31–36 (In Russ.).

Средства выражения модальности в современном французском языке в публицистических и художественных текстах играют ключевую роль в передаче оттенков значения, степени уверенности, возможности, желательности и других нюансов. Французский язык обладает корпусом лексико-грамматических средств, которые используются для выражения модальности.

Основными модальными глаголами во французском языке являются *pouvoir* (мочь), *savoir* (знать, уметь), *vouloir* (хотеть) и *devoir* (долженствование – выражает необходимость). Эти глаголы способны изменять значение основного глагола путём указания на отношение к действию или состоянию, которое относится к определённому лицу, выраженному существительным или местоимением в предложении. Таким образом, модальные глаголы во французском языке выполняют функцию изменения смысла основного глагола и помогают передать нюансы возможности, вероятности, желательности и необходимости в высказывании [1, с. 70].

Важно отметить, что для выражения указанных модальных значений во французском языке могут использоваться не только модальные глаголы, но и другие способы. Например, можно применять безличную глагольную форму (ед. ч. 3-го л.) *falloir* (требоваться – «Il faut avoir six mois de campagne» – «Нужно иметь шесть месяцев боевой службы»), а также использовать специальные конструкции, например, *faire mieux + infinitif c de* («Elle ferait mieux de visiter le malade» – «Лучше бы она навестила больного»), идиоматические выражения (например, *c'est probable* – «Il est probable qu'il viendra» – «Есть вероятность, что он придёт») и другие способы, которые требуют дополнительного изучения [2, с. 37].

В публицистических текстах модальность часто используется для убеждения читателя, передачи авторской позиции и оценки событий. В таких текстах часто встречаются глаголы модальности, выражающие необходимость, возможность, вероятность и т. д.

Материалом для исследования послужили еженедельные французские журналы «Elle» и «Paris Match» и произведения современных французских писателей – Ф. Саган, Ф. Делерма и А. Гавальды.

Были рассмотрены средства выражения таких модальных нюансов, как *необходимость*, *вероятность* и *совет*. В результате проведённого анализа обнаружили, что в статьях женского глянцевого еженедельника «Elle» и журнала «Paris Match» *необходимость* чаще всего выражается с помощью конструкций *Il faut + Infinitif*, которое передаёт значение долженствования, обязательности. Например, «Il faut souligner l'importance de cette question» (Elle, 2022, p. 36) (Следует подчеркнуть важность этого вопроса). Глагол *falloir* выражает долженствование, необходимость, обязанность что-либо сделать. Инфинитив *souligner* (подчеркнуть) после глагола *falloir* указывает на действие, которое нужно выполнить.

Вероятность, как мы это обнаружили, чаще в этих журналах передаётся безличными выражениями типа «Il est probable que». «La situation va s'améliorer» [6, с. 78] – пример показывает, что использование будущего времени *aller + infinitif* также служит для выражения модальности, указывая на предположение, что ситуация улучшится в будущем.

Советы чаще передаются с помощью использования наклонения Conditionnel. Например, во фразе «Vous devriez faire attention à ces détails» [6, p. 85]. («Вам следовало бы обратить внимание на эти детали») модальный глагол *devoir* (должен, следует) в форме *devriez* (вы бы должны) выражает не только обязанность, но и рекомендацию обратить внимание на эти детали, так как он использован в Conditionnel Présent. Долженствование: «Les entreprises doivent s'engager davantage dans la transition écologique» [7, p. 67] («Предприятиям необходимо активнее участвовать в экологическом переходе»). Вероятность: «Il est probable qu'un ralentissement de l'économie pourrait se produire» [7, p. 34]

(«Вероятно, что может произойти спад экономики»). Желание, намерение: «Le gouvernement veut encourager l'innovation dans le domaine de l'agriculture» (Paris Match, 2022) («Правительство хочет поощрять инновации в сельском хозяйстве»). Глагол *vouloir* (хотеть) – это средство выражения модальности желания или намерения. Он показывает, что правительство имеет желание или намерение поощрять инновации в сельском хозяйстве. Неопределённое наклонение (Infinitif) глагола *encourager* (поощрять) после *vouloir* также является грамматическим средством модальности. Это показывает, что действие «поощрять инновации» представлено как цель, к которой стремится правительство. Предположение: «Il doit y avoir une erreur dans ces chiffres» (Paris Match, 2022) («В этих цифрах должна быть ошибка»). В этом предложении модальность выражается сочетанием модального глагола *devoir* и неопределённо-личной конструкции *il y a*, что подчёркивает уверенность говорящего в наличии ошибки в представленных цифрах.

Проведённый анализ обнаруженных грамматических средств выражения модальности в указанных журналах на французском языке позволил объединить эти средства в три группы:

1. Глаголы модальности. В статьях чаще встречаются глаголы *devoir* (должен), *pouvoir* (мочь), *vouloir* (хотеть), *savoir* (знать), *falloir* (нужно). Эти глаголы помогают указать на разные виды обязательности, возможности, желания.

2. Модальные конструкции. Статьи богаты различными модальными конструкциями, такими как субъективные предложения с глаголами, выражающими степень уверенности или сомнения: *il faut*, *il est probable que*, *il est possible que*.

3. Модальные наречия и выражения. Они помогают дополнительно выразить оттенки модальности, такие как *sans doute* (несомненно), *peut-être* (может быть), *probablement* (вероятно), *certainement* (безусловно) и т. д.

Важно отметить, что в художественных текстах модальность придаёт произведению особую эмоциональность и ощущение реализма.

Средства выражения модальности в произведениях таких известных писателей, как Анна Гавальда, Филипп Делерм и Франсуаза Саган, отличаются разнообразием и глубиной эмоционального оттенка. Эти авторы умело вкладывают модальные элементы в свою прозу, что позволяет им создавать сложные и проникновенные художественные образы, привлекающие читателя и заставляющие задуматься. Произведения ярко демонстрируют разнообразие и глубину выражения модальности, что делает их захватывающими и запоминающимися для читателей. Например, в прозе Анны Гавальды, модальные средства помогают передать внутренний мир персонажей, их сомнения, надежды и страхи. Автор использует разнообразные формы модальности для создания атмосферы таинственности, тревожности или меланхолии, делая чтение её произведений увлекательным и захватывающим.

Филипп Делерм в своих произведениях малой формы использует модальные средства в основном для того, чтобы повествование приобрело глубину и интимность. Он чередует уверенные высказывания с сомнениями и намёками на неопределённость, создавая тонкую игру оттенков, которая раскрывает психологические аспекты персонажей и делает их более живыми и реалистичными.

Франсуаза Саган, в свою очередь, использует модальные средства для передачи сложных чувств героев, их внутренних конфликтов и эмоциональной напряжённости. Её произведения отличаются глубиной психологического анализа и заставляют читателя задуматься над смыслом жизни, любви и человеческих отношений.

Анна Гавальда известна своими современными романами, где часто присутствуют диалоги и внутренние монологи персонажей. В её произведениях модальность проявляется через средства выражения желания, намерения,

сомнения и т. д. Для анализа мы выбрали роман «Ensemble, c'est tout» и на примерах рассмотрим выражение модальности. Например, фраза «Je veux croire qu'un jour tout va s'arranger» [3, p. 78] выражает сильное желание и веру в то, что в будущем все сложившиеся обстоятельства разрешатся или улучшатся. Глагол *croire* (верить) в сочетании с *vouloir* усиливает модальность, показывая, что говорящий хочет верить в то, что всё в конечном итоге наладится. Писательница часто прибегает к такому типу конструкций из двух модальных глаголов. Использование союза *que* вводит придаточное предложение, в котором выражается ожидание или предположение говорящего. Глагол *s'arranger* (наладиться) в будущем времени *va s'arranger* (всё наладится) передаёт уверенность, что в итоге всё будет хорошо. Глагол *vouloir* (хотеть) указывает на внутреннее стремление и надежду говорящего. Выражение «*croire qu'un jour tout va s'arranger*» означает веру в то, что однажды все проблемы и трудности будут преодолены или уладятся. Эта фраза не просто отражает оптимизм, уверенность в будущем, но акцент сделан на настойчивом желании верить в благополучное развитие событий. Данный пример показывает, как Анна Гавалда использует модальные конструкции для передачи внутреннего мировосприятия персонажей, их желаний, убеждений и эмоций. Выражение сомнения во фразе: «*Peut-être qu'un jour je trouverai le bonheur*» («Может быть, когда-нибудь я найду счастье») [3, p. 54] реализуется при помощи лексического средства, наречия *peut-être*. Сомнение подчёркивается глаголом в будущем времени Futur simple, которое использовано не в прямом своём значении для выражения действия в будущем, а как действие предположительное. Позволяя читателю окунуться в мысли и чувства героев, писательница делает свои произведения более глубокими и проникновенными, что позволяет читателям лучше понять и сопереживать персонажам.

Филипп Делерм, французский писатель и поэт, в своих произведениях использует изысканный язык и метафоры для передачи эмоционального состояния героев. Модальность в его текстах пронизана нюансами надежды, страха, сомнения и т. п. Для анализа мы выбрали произведения «*Le Miroir de ma mère*» и «*Il avait plu tout le dimanche*». Например, фраза «*Peut-être qu'il était déjà trop tard pour tout changer*» [4, p. 91] выражает предположение о том, что в определённый момент прошлого могло быть уже слишком поздно сделать изменения или внести коррективы. Наречие *peut-être* (возможно, возможно что) выражает неуверенность, предположение говорящего. Использование прошедшего времени несовершенного вида *était* (был) передаёт, что ситуация, о которой идёт речь, относится к прошлому и, возможно, была неизменима. Прилагательное *trop tard* (слишком поздно) подчёркивает, что упущен момент для изменения ситуации. Инфинитив *changer* (изменить) в сочетании с *pour* (для) указывает на невозможность или бесполезность совершения этого действия. Фраза подчёркивает, что возможность вмешательства или перестройки событий была упущена из-за опоздания или невозможности. В приведённом примере передано чувство упущенного шанса и неспособности изменить ход событий, состояние рассуждений и неопределённости героя, его сомнения в возможности изменить что-то в прошлом или настоящем. *Желание* в данном произведении чаще выражается с помощью глагола *aimer*, например «*J'aimerais partir en voyage autour du monde*» («Я бы хотел отправиться в путешествие по всему миру») [4, p. 87] и наклонения Conditionnel.

Произведение «*Il avait plu tout le dimanche*», в котором от лица главного героя – господина Спицвега – автор признаётся в любви к Парижу, воспевая каждодневные мелкие дела и чувства как настоящие события, достойные внимания и рефлексии, начинается: «*Il faut habiter à Paris*» («Необходимо жить в Париже») и на той же странице чуть ниже: «*< – il faut de la lumière presque tout le jour... >*» (« – нужно включать свет почти каждый день»). Использование безличной формы *il faut* задаёт такой императивный тон,

уверенность и неоспоримость данного факта для того, чтобы жизнь считалась полной и интересной. В этом романе писатель чаще всего использует *Il faut* в Présent когда речь идёт о констатации реального действия, которое герой обязан выполнить: «Il faut dire qu'il part» («Нужно сказать, что он уезжает») [8, с. 18], «Il faut la pousser <...> Il faut s'asseoir» («Нужно её толкнуть Нужно сесть») [8, с. 49]. Модальные глаголы *pouvoir* и *devoir* используются в своём прямом назначении в романе, но в сочетании с *peut-être* и *ça doit être* добавляется дополнительный нюанс предположения: «Mais il peut <...> Et puis monsieur Spitzweg doit en convenir» [8, p. 24], «...on pouvait ainsi d'un seul coup s'envoler <...> – dans un jardin, peut-être, ou au bord de la mer?» [8, p. 15]. Но выражение модальности предположения реализуется у Делерма и условным наклонением: «Avec Gavarni, monsieur Spitzweg *pourrait* dire ...» («Вместе с Гаварни господин Спицверг *мог бы* сказать...») [8, p. 11–12]. «Monsieur Spitzweg n'est pas un séducteur. Il devrait fumer la pipe <...> Alors sa silhouette anonyme s'allongerait d'un sillage parfumé <...> quelques amours à embrumer, peut-être ?» [8, с. 26], «Il l'aurait surprise seule Ça doit être ...» [8, p. 16], «Il ne saurait confirmer cette version» [8, p. 22]. Писатель использует Conditionnel présent для разделения плана действия: условное наклонение подчёркивает, что описание действий происходит только в воображении героя, и они выдаются как желаемые; в следующем абзаце те же действия в изъявительном наклонении настоящего времени отображают действительность противоположную воображаемой. Этот приём позволяет писателю ещё раз подчеркнуть особенности характера персонажа: господин Спицверг – очень нерешительный человек и не имеет успеха у женского пола, к своему большому сожалению.

Франсуаза Саган, знаменитая французская писательница, известна произведениями, в которых часто затрагиваются темы любви, свободы и самопознания. В её текстах модальность присутствует через выражение желания, ожидания, сожаления и других эмоций. Мы проанализировали средства выражения модальности в романе «Bonjour, tristesse». Например, фраза «Il aurait voulu que les choses se passent autrement» [5, с. 47] выражает желание или стремление субъекта к изменению исхода происходящих событий. Использование условного наклонения прошедшего времени Conditionnel passé *aurait voulu* (хотел бы) выражает желание, которое говорящий хотел бы осуществить, но не смог. Союз *que* вводит придаточное предложение, в котором содержится модальное значение. Глагол *se passer* (происходить) в сослагательном наклонении прошедшего времени *se passent* (происходили бы) передаёт, что желаемое действие или ситуация не реализовались. Наречие *autrement* (иначе) указывает на то, что желаемое развитие событий отличалось бы от действительного. Фраза передаёт чувство сожаления или желания изменить прошлое, которое не может быть изменено. В этом предложении присутствует модальный глагол *vouloir* в наклонении Conditionnel passé – *aurait voulu* (хотел бы), который подчёркивает желание и предпочтение героя, а затем выражает косвенную манифестацию его недовольства или разочарования текущим ходом событий. Франсуаза Саган часто использовала наклонения в своих произведениях для передачи эмоционального состояния персонажей и их внутренних раздумий. В данном контексте, фраза «Il aurait voulu que les choses se passent autrement» отражает некий промежуточный момент между желанием и реальностью, позволяя читателю лучше понять внутренний мир героя и его стремление к изменениям. Это создаёт атмосферу сожаления или ностальгии, что является характерной чертой прозы Франсуаза Саган. *Уверенность* в выбранном произведении выражается чаще всего с помощью наречий с модальным оттенком, вводными словами, например «Elle sait qu'il l'aime *vraiment*» – «Она знает, что он её *действительно* любит» [5, p. 17].

Средства выражения модальности в произведениях указанных писателей помогают раскрывать внутренний мир персонажей, создавая у читателя особую атмосферу эмоционального вовлечения и понимания глубоких человеческих чувств и стремлений.

Во французском языке четыре наклонения, в отличие от русского языка. Модальность как отношение высказывания к реальности может быть выражена различными средствами в каждом языке. Средства модальности во французском языке разнообразны (наклонения, вводные слова, наречия, времена изъявительного наклонения). Изучение грамматических и лексических средств выражения модальности в современном французском языке позволяет более глубоко понять особенности языка, его многообразие и богатство выразительных возможностей.

Список источников

1. Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 54–64.
2. Бали Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Бали. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. Гавальда А. Ensemble, c'est tout / А. Гавальда. – URL: <https://www.rulit.me/books/ensemble-c-est-tout-download-256480.html>.
4. Делерм Ф. Le Miroir de ma mère / Ф. Делерм – 2005. – URL: <https://archive.org/details/lemiroirdemamere0000dele/page/n1/mode/2up>.
5. Сеган Ф. Bonjour tristesse / Ф. Сеган – 1954. – URL: <https://anylang.net/ru/books/fr/zdravstvuy-grust>.
6. Elle. – 2023. – № 9. – URL: <https://www.elle.com/> (дата обращения: 10.05. 2024).
7. Paris Match. – 2023. – № 3852. – URL: <https://www.parismatch.com>.
8. Делерм Ф. Il avait plu tout le dimanche // Mercure de France. – MCMXCVIII, 1998. – 118 p.

References

1. Alisova T. B. Additional relations of modus and dictum. *Voprosy yazykoznaneya = Questions of linguistics*. 1971;1:54–64.
2. Bali Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka = General linguistics and questions of the French language*. Moscow: Publ. house of foreign literature; 1955:416 p.
3. Gavalda A. *Ensemble, c'est tout = Together is everything*. URL: <https://www.rulit.me/books/ensemble-c-est-tout-download-256480.html>.
4. Delerm F. *Le Miroir de ma mère = My Mother's Mirror*. URL: <https://archive.org/details/lemiroirdemamere0000dele/page/n1/mode/2up>.
5. Sagan F. *Bonjour tristesse = Hello sadness*. URL: <https://anylang.net/ru/books/fr/zdravstvuy-grust>.
6. Elle. 2023; 9. URL: <https://www.elle.com>.
7. Paris Match. 2023; 3852. URL: <https://www.parismatch.com>.
8. Delerm F. It had rained all Sunday. *Mercur de France = Mercury of France*. MCMXCVIII, 1998:118 p.

Информация об авторе

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук.

Information about the author

E. V. Kuznetsova – Candidate of Pedagogical Sciences.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 37–42.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):37–42.

Научная статья
УДК 81'271.16

**ЧЕРТЫ БЫТА И ВНЕШНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗОНЫ КОНЦЕПТА
«РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Дарья Олеговна Платонова^{1✉}, Галина Валерьевна Барышникова²

^{1, 2}Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Волгоград, Россия

¹danyush7777@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8562-2970>

²barychnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования языковой репрезентации черт быта и внешности как составляющих периферийной зоны концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре и проанализирована специфика лексико-морфологической структуры сочетаемости языковых единиц, входящих в поле данного лингвокультурного концепта. Научная новизна данной работы определяется её оригинальностью и недостаточной изученностью выбранного направления в национальной концептологии. Материалом для исследования послужили результаты ассоциативного опроса среди студентов. Для обработки полученной информации в работе применялись количественно-статистический и гипотетико-дедуктивный методы, анализ словарных единиц, метод концептуального моделирования, семантической интерпретации, понятийного моделирования, анализ сочетаемости слов, метод контекстуального анализа и лингвистического описания. В результате анализа полученных данных авторами статьи представлены концептуальные модели русского человека с преференциальными реакциями-характеристиками, относящимися к его окружению и укладу жизни (употребляющий алкоголь, любящий баню, охоту, рыбалку, хоккей, занятие сельским хозяйством, семью, картофель, борщ, блины, автомобили) и описывающими его внешность (светлые волосы, красивый, высокого роста, крепкого телосложения, любящий красный цвет в одежде и шапку-ушанку). Проведённое исследование заключается в выявлении аксиологических ориентиров современной молодёжи и возможности самоопределения её представителей и тем самым имеет прикладной характер. Демонстрируя подтверждение таких негативных черт русского человека, как алкоголизм, грубость и лень, авторы статьи приходят к выводу, что данные результаты требуют глубокой коррекции как на государственном, так и на социальном уровне.

Ключевые слова: концепт «русский человек», молодёжная лингвокультура, концептуальная модель, образ, лексическая единица

Для цитирования: Платонова Д. О., Барышникова Г. В. Черты быта и внешности как элементы периферийной зоны концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 37–42.

Original article

**THE FEATURES OF LIFE AND APPEARANCE AS ELEMENTS OF THE PERIPHERAL ZONE
OF THE CONCEPT “RUSSIAN MAN” IN RUSSIAN YOUTH LINGUOCULTURE**

Daria O. Platonova^{1✉}, Galina V. Baryshnikova²

^{1, 2}Volgograd Institute of Management branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

¹danyush7777@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8562-2970>

²barychnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

Abstract. The article presents the results of a study of the linguistic representation of everyday features and appearance as components of the peripheral zone of the concept “Russian man” in Russian youth linguoculture and analyzes the specifics of the lexical and morphological structure of the compatibility of linguistic units included in the field of this linguistic and cultural concept. The scientific novelty of this work is determined by its originality and insufficient knowledge of the chosen direction in national conceptology. The results of an associative survey among students served as the material for the study. To process the information received, the quantitative and statistical method, the hypothetical-deductive method, the analysis of vocabulary units, the method of conceptual modeling, semantic interpretation, conceptual modeling, word compatibility analysis, the method of contextual analysis and linguistic description were used in the work. As a result of the analysis of the data obtained, the authors of the article presented conceptual models of a Russian person with preferential reactions-characteristics related to the environment and lifestyle (drinking alcohol, loving a sauna, hunting, fishing, hockey, farming, family, potatoes, borscht, pancakes, cars) and describing his appearance (blond hair, handsome, tall, strong build, loving red in clothes and a hat with earflaps). The conducted research is aimed at identifying the axiological guidelines of modern youth and the possibility of self-determination of its representatives, and thus has an applied character. Demonstrating the confirmation of such negative traits of the Russian person as alcoholism, rudeness and laziness, the authors of the article conclude that these results require deep correction both at the state and social levels.

Keywords: the concept “Russian man”, youth linguoculture, conceptual model, image, lexical unit

For citation: Platonova D. O., Baryshnikova G. V. The features of life and appearance as elements of the peripheral zone of the concept “Russian man” in Russian youth linguoculture. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):37–42 (In Russ.).

При знакомстве и проникновении в другую / чужую культуру, а также формировании собственного взгляда на представление об определённом этносе огромную роль играет стереотипизация и репрезентация черт носителей этой культуры в сознании реципиента. Стереотипные взгляды амбивалентны: с одной стороны, они устойчивы определённое время, с другой – могут изменяться в зависимости от геополитических, исторических и социальных изменений. Поэтому точка зрения и интерпретация тех или иных событий, культурных образов представителями нового поколения могут быть, как вариант, отличными от предшествующих и не совпадать со сформировавшимися лингвосоциокультурными представлениями предыдущих поколений.

Данная статья является продолжением комплексного исследования концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре, поэтому в рамках дальнейшего его изучения мы ставим своей целью рассмотреть языковую репрезентацию таких составляющих периферийной зоны указанного национального концепта [3; 4], как черты быта и внешности. Кроме того, как указывают В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, необходимо изучить и проанализировать специфику лексико-морфологической структуры сочетаемости языковых единиц, входящих в поле данного лингвокультурного концепта [2]. Актуальность нашей работы связана с возрастающей ролью и значимостью данного концепта в современной общественно-политической ситуации в Российской Федерации. Прикладная задача исследования заключается в выявлении аксиологических ориентиров современной молодёжи, возможности их самоопределения, повышении уровня национальной принадлежности в эпоху переосмысления значимости понятий государственности и патриотизма в России. Научная новизна данной работы определяется её оригинальностью и недостаточной изученностью выбранного направления в национальной концептологии.

Ссылаясь на аксиоматическое утверждение Г. Д. Гачева, что «национальный склад мышления материально закреплён в словесности народа» [1, с. 53], авторы статьи обратились к ассоциативному опросу для выявления

и анализа его компонентов – концептуальных признаков. Ранее в научных статьях нами освещалась ядерная зона концепта, включающая черты характера (383 единицы) [5], а также другие составляющие периферийной зоны: государственные черты (63 единицы), национальные черты (62 единицы) и черты окружающей среды (63 единицы). Для данного исследования материал был собран путём проведения анонимного письменного опроса 216 студентов первых – третьих курсов Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. Студенты дали 645 ответов (по три ассоциативных реакции на человека) на стимул «русский человек». Для обработки полученной информации в работе применялись такие методы, как количественно-статистический и гипотетико-дедуктивный методы, анализ словарных единиц, метод концептуального моделирования, семантической интерпретации, понятийного моделирования, анализ сочетаемости слов, метод лингвистического описания и контекстуального анализа.

В соответствии с данными толкового словаря Д. В. Дмитриева «Русским называют того, чьи предки, родители говорили на русском языке и жили на территории России (Руси)... Русским *богатырём* называют героя сказок, легенд, который обладает несокрушимой силой, в одиночку побеждает множество врагов... Русской *красавицей* называют девушку с *русыми* волосами, *голубыми глазами* и слегка курносый носом» [6]. Данные определения подтверждаются (и расширяются) полученным материалом исследования черт быта (53 единицы) и внешности (21 единица), входящих с периферийную зону лингвокультурного концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре. Морфологически в данных группах преобладают имена существительные (58 единиц, тогда как прилагательных 12 единиц, глаголов – три единицы, наречий – одна единица).

Далее представим лексико-морфологическую структуру сочетаемости контекстуально синонимичных (чаще однокоренных) лексем в данных тематических группах:

1. Черты быта (53 единицы) составляют семь подгрупп, где количественно преобладающей является подгруппа «алкоголь», в которой представлены существительные, прилагательные и глаголы.

1. Алкоголь (29 единиц, семь лексем): сущ. *водка* (21 ед. названия традиционного крепкого алкогольного напитка), сущ. *алкоголь* (2 ед., гиперонимический термин), гл. *пить* (2 ед. инфинитива со значением именно распития спиртных напитков, не любой жидкости), сущ. *самогон* (1 ед. названия крепкого алкогольного напитка домашнего производства), сущ. *алкоголик* (1 ед. со значением обладателя болезни – алкогольной зависимости), прил. *пьяный* (1 ед. со значением нахождения в состоянии алкогольного опьянения), гл. *пьёт* (1 ед., форма 3 л., ед. ч. инфинитива *пить*).

Данная подгруппа отражает наличие гиперо-гипонимических и синонимических (алкоголь: водка, самогон) отношений. Такое лексическое (семь лексем) и морфологическое (три части речи) разнообразие примеров данной подгруппы, наличие однокоренных слов (*алкоголь* – *алкоголик*, *пить* – *пьяный*), безусловно, подтверждает не самую положительную черту русской «биографии» – привязанность к распитию алкогольных напитков. По результатам нашего исследования, алкоголизм является третьим негативным качеством русского человека после грубости и лени [5].

2. Баня – сущ., пять единиц. Упоминание данной лексики подтверждает наличие данной черты быта русского человека, присущей ему во все времена. На Руси баня имела особое предназначение, заключающееся не только в принятии гигиенических процедур; она помогала избавиться от некоторых болезней, а также «очистить тело и душу» перед выполнением важных

церковных ритуалов. Поэтому данная традиция сохраняет своё значение и среди молодого поколения.

3. Увлечения (пять лексем по одной единице): сущ. *хоккей* (спортивная игра на льду), сущ. *охота* (животный промысел) и однокоренное ему сущ. *охотник* (лицо, занимающееся охотой), сущ. *рыбалка* (рыбный промысел) и однокоренное ему сущ. *рыбак* (лицо, занимающееся рыбалкой).

Заметим, что лексема *хоккей* также подтверждает популярность холодного климата (9 ед.) в группе черт окружающей среды. Кроме того, нами отмечено отсутствие лексем, обозначающих феминный тип занятий (только маскулинные – хоккей, рыбалка, охота, подчёркивающие мужское активное начало в русской культуре).

4. Сельское хозяйство – пять единиц, пять лексем: собир. сущ. *крестьянство* (1 ед. названия земледельцев в России до 1930 г.), сущ. *крестьяне* (1 ед. во мн. ч., однокоренная сущ. *крестьянство*, имеющая синонимичное значение), сущ. *хутор* (1 ед. со значением крестьянской усадьбы), словосочетание *домашнее хозяйство* (1 ед. со значением сельского хозяйства), сущ. *дача* (1 ед. со значением современного летнего домика с огородом).

По данным примерам можно проследить сохраняющуюся важность сельского хозяйства для русского человека. Данный вид домохозяйства прошёл историческую трансформацию от крестьянского до дачного типа, в том числе в языковой репрезентации.

5. Семья – четыре единицы, три лексемы: сущ. *семья* (2 ед. со значением круга близких по крови людей), прил. *родной* (1 ед., указывающая на принадлежность к роду), нар. *рядом* (1 ед. со значением нахождения вблизи).

В данную подгруппу мы внесли лексемы разных частей речи, имеющие в значении общую сему «близость».

6. Еда – три единицы, три лексемы: простореч. сущ. *картошка* (1 ед., образованная от литературной нормы картофель со значением клубневого овоща), сущ. *борщ* (1 ед. со значением первого блюда), сущ. *блины* (1 ед. в форме мн. ч. со значением популярной русского блюда).

Данные лексемы представляют собой наиболее популярные в русской культуре гастрономические единицы (первое и второе блюдо, десерт).

7. Автомобили – две единицы, две лексемы: собств. сущ. *Лада* (1 ед., по-реюним, название марки автомобиля), собств. сущ. *Автоваз* (1 ед., эргоним, название автомобильной компании).

Безусловно, данные компания и марка – российского производства.

Таким образом, с точки зрения бытовых черт как концептуальных признаков, можно смоделировать образ русского человека (преимущественно мужчину), находящегося в состоянии алкогольного опьянения, предпочитающего в свободное от дачи время ходить в баню, играть в хоккей, ездить на своей Ладе на рыбалку и охоту, проводить время с семьёй, употреблять в пищу картошку, борщ и блины.

Анализируя данный образ, в том числе интроспективно, авторы статьи соглашались с результатом и приходят к выводу о подтверждении таких негативных черт русского человека (описанных в более ранних работах), как алкоголизм и лень (в данной подгруппе примеры, связанные с трудовой деятельностью, отсутствуют).

Далее перейдём к рассмотрению языковой репрезентации следующей наименее релевантной периферийной составляющей концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре – черты внешности. Лексикоморфологическая структура сочетаемости данной группы включает пять подгрупп (21 единица), состоящих преимущественно из контекстуально синонимичных (в том числе, однокоренных) единиц.

II. Черты внешности.

1. Волосы – шесть единиц, пять лексем: сущ. *борода* (2 ед. со значением волос на нижней части лица), прил. *светлый* (1 ед., обозначающая цвет), прил. *русый* (1 ед., синонимичная прил. светлый, сочетается только с волосами), сущ. *блондин* (1 ед. со значением «светловолосый мужчина»), сущ. *блондинка* (1 ед., однокоренная сущ. блондин, со значением «светловолосая женщина»).

2. Красота – пять единиц, две лексемы: прил. *красивый* (3 ед., м. р., со значением высокой степени привлекательности), абстр. сущ. *красота* (2 ед., однокоренное прил. красивый, со значением данного субъективного признака).

3. Одежда – пять единиц, три лексемы: сущ. *ушанка* (2 ед. со значением головного убора, популярного в прошлом, а в современной России встречающегося преимущественно в Вооружённых силах), прил. *красный* (2 ед. со значением данного цвета в одежде), сущ. *одежда* (1 ед.).

4. Рост / вес – три единицы, три лексемы: прил. *большой* (1 ед. со значением высоких параметров роста и веса), сущ. *богатырь* (1 ед., означающая былинного персонажа устного народного творчества, обладающего внушительными размерами), прил. *высокий* (1 ед. со значением высоких параметров веса).

5. Глаза – две единицы, две лексемы: прил. *светлые* (1 ед. мн. ч., со значением «НЕ карие глаза»), слож. прил. *голубоглазый* (1 ед. со значением «имеющий голубые глаза»).

С точки зрения внешних данных, смоделированный респондентами образ русского человека выглядит следующим образом: красивый голубоглазый блондин крупного телосложения с бородой, в ушанке и с красными элементами в одежде. Заметим, что лексема *ушанка* представляет собой больше исторически закреплённый в сознании и языке русской молодёжи головной убор, нежели современную реалию. А былинный образ богатыря остаётся по-прежнему популярным, так как средний рост русского мужчины за последние сто лет увеличился на 10 см [7].

Таким образом, по данным нашего исследования признаки и лексемы, закреплённые в толковом словаре Д. В. Дмитриева (*богатырь*, *красивый*, *светловолосый*, *голубоглазый*), дополнились такими апелляциями, как *борода*, *ушанка*, *красное в одежде*.

Далее авторы планируют перейти к исследованию материала из социальных сетей, современной художественной литературы, анекдотов, фильмов, песен и СМИ с целью получения более обширной и точной картины для моделирования лингвокультурного концепта «русский человек» в русской молодёжной лингвокультуре. Но уже на данном этапе работы очевидно, что такие черты русского человека, как алкоголизм, грубость и лень требуют глубокой коррекции как на государственном (например, запрет на продажу «домашних» самогонных аппаратов), так и на социальном уровне (например, организация достаточного количества досуговых центров для молодёжи, особенно в сельской местности).

Полученные результаты могут внести вклад в изучение других национальных концептов в различных языках, в том числе на основе компаративного анализа. Представляется возможным их применение в курсах общего и частного языкознания, лингвокультурологии и концептологии, межкультурной коммуникации, на различных уровнях обучения современному русскому языку, устной и письменной культуре речи в профессиональной деятельности и при обучении методике преподавания языков.

Список источников

1. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Москва : Академический проект, 2020. – 511 с.
2. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 75–80.
3. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии / Е. М. Маркова, Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Л. И. Ручина. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2020. – 248 с.
4. Неженец Н. И. Концепты русского национального характера / Н. И. Неженец // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 4 (66). – С. 10–14.
5. Платонова Д. О. Черты характера как ядро лингвокультурного концепта «русский человек» в русском языке / Д. О. Платонова, Л. Г. Компанеева, М. В. Денисенко // Казанская наука. – 2023. – № 10. – С. 182–184.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/4709-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 28.07.2024).
7. Шамаева Е. Как менялся средний рост россиян / Е. Шамаева, А. Иволгин // Журнал Т–Ж. – 24.04.2023. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/rost-stat/> (дата обращения: 28.07.2024).

References

1. Gachev G. D. *Kosmo-Psicho-Logos: natsionalnye obrazy mira = Cosmo-Psicho-Logos: national images of the world*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2020:511 p.
2. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguocultural concept as a unit of research. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki = Methodological problems of cognitive linguistics*. Ed. by I. A. Sternin. Voronezh: Voronezh State University; 2001:75–80.
3. Markova E. M., Radbil T. B., Raciburskaya L. V., Ruchina L. I. *Lingvokognitivnye aspekty izucheniya natsionalnykh konceptosfer v sinkhronii i diakhronii = Lingvocognitive aspects of the study of national concept spheres in synchrony and diachrony*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky; 2020:248 p.
4. Nezhnets N. I. Concepts of Russian national character. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2015;4(66):10–14.
5. Platonova D. O., Kompaneeva L. G., Denisenko M. V. Character traits as the core of the linguocultural concept “Russian person” in the Russian language. *Kazanskaya nauka = Kazan science*. 2023;10:182–184.
6. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language*. Ed. by D. V. Dmitrieva. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/4709-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (accessed: 28.07.2024).
7. Shamaeva E., Ivolgin A. How the average height of Russians has changed. *Zhurnal T–Zh = Journal T–Zh*. 24.04.2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/rost-stat/> (accessed: 28.07.2024).

Информация об авторах

Д. О. Платонова – кандидат филологических наук;
Г. В. Барышникова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

D. O. Platonova – Candidate of Philological Sciences;
G. V. Baryshnikova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 16.11.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 16.11.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 43–48.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):43–48.

Научная статья
УДК 81'374

**ГЛАГОЛЫ «ОСУЖДАЮЩЕЙ» СЕМАНТИКИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ**

Мария Анатольевна Фирсова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, firsovamariaa@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. Статья выполнена в русле когнитивно-прагматического подхода к анализу глагольных лексем, выражающих агрессию. Актуальность исследования заключается в необходимости систематизации и описания «агрессивного» пласта глагольной лексики, границы которого являются размытыми и подвижными. Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из «Малого академического словаря». Картотеку составили глагольные лексемы, имеющие стилистические пометы 'пренебрежительное', 'презрительное', 'грубо-просторечное', 'неодобрительное'. С точки зрения экспликации агрессии эти глаголы потенциально наносят вред адресату, что является определяющим условием выражения вербальной агрессии. Цель статьи состоит в выявлении прагматического потенциала глагольных лексем «осуждающей» семантики, с помощью которых в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии. В результате лексико-семантического анализа собранного языкового материала установлено, что «агрессивные» глагольные лексемы образуют лексико-семантические поля, одним из которых является поле «Отношения». В данное лексико-семантическое поле включены глаголы, об агрессивной семантике которых свидетельствует наличие в их смысловой структуре сем, указывающих на негативное действие против партнёра отношений. Глаголы осуждающей семантики при вербализации агрессии могут обозначать действия двух и более человек по достижению какой-либо цели, а также обозначать действие лица с целью уничижения. Семантика осуждения может выражаться в глаголах, обозначающих действия, которые не принимаются обществом, отличаются от большинства его представителей или противоречат принятым в обществе нормам. Адресант при употреблении «агрессивных» глаголов выражает однонаправленную негативную экспрессию и отрицательно оценивает объект и действия объекта. В статье выявлены дифференцирующие семантические компоненты в значениях глаголов выделенного лексико-семантического поля «Отношения», приведён анализ их контекстуальной репрезентации. Глаголы «осуждающей» семантики как средство экспликации вербальной агрессии нацелены на выражение негативного отношения к объекту. Негативизирующий фактор является ведущим при установлении целенаправленности употребления данных глаголов, которые приводят к манипулированию сознанием адресата, влияя на его концептосферу.

Ключевые слова: глагольная лексема, стилистическая помета, вербальная агрессия, оценочный компонент, коннотация

Для цитирования: Фирсова М. А. Глаголы «осуждающей» семантики как средство выражения вербальной агрессии // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 43–48.

Original article

**VERBS OF “CONDEMNING” SEMANTICS AS A MEANS
OF EXPRESSING VERBAL AGGRESSION**

Maria A. Firsova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
firsovamariaa@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article is based on a cognitive-pragmatic approach to the analysis of verbal lexemes expressing aggression. The relevance of the study lies in the need to

systematize and describe the “aggressive” layer of verbal vocabulary, the boundaries of which are blurred and mobile. The research material was the data of a continuous sample from a Small academic dictionary. The card index was made up of verbal lexemes with stylistic marks ‘disparaging’, ‘contemptuous’, ‘roughly colloquial’, ‘disapproving’. From the point of view of explication of aggression, these verbs potentially harm the addressee, which is a defining condition for the expression of verbal aggression. The purpose of the article is to identify the pragmatic potential of verbal lexemes of “condemning” semantics, with the help of which the linguistic and cognitive category of aggression is verbalized in the language. As a result of the lexico-semantic analysis of the collected linguistic material, it was found that “aggressive” verbal lexemes form lexico-semantic fields, one of which is the field of “Relations”. This lexical and semantic field includes verbs, the aggressive semantics of which is evidenced by the presence of semes in their semantic structure, indicating a negative action against the partner of the relationship. Verbs of condemning semantics in the verbalization of aggression can denote the actions of two or more people to achieve a goal, as well as denote the action of a person for the purpose of humiliation. The semantics of condemnation can be expressed in verbs denoting actions that are not accepted by society, differ from most of its representatives, or contradict socially accepted norms. When using “aggressive” verbs, the addressee expresses unidirectional negative expression and negatively evaluates the object and the actions of the object. The article identifies differentiating semantic components in the meanings of verbs of the selected lexico-semantic field “Relations”, and provides an analysis of their contextual representation. The verbs of “condemning” semantics as a means of explication of verbal aggression are aimed at expressing a negative attitude towards the object. The negating factor is the leading one in establishing the purposefulness of the use of these verbs, which lead to manipulation of the addressee's consciousness and affect his conceptual sphere.

Keywords: verbal lexeme, stylistic litter, verbal aggression, evaluative component, connotation

For citation: Firsova M. A. Verbs of “condemning” semantics as a means of expressing verbal aggression. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):43–48 (In Russ.).

Вербальная агрессия остаётся актуальным предметом изучения современных лингвистических исследований. Разнообразие форм её проявления, большой воздействующий потенциал определяют необходимость описания корпуса «агрессивных» лексических единиц и установления их статуса. Выражение агрессии может происходить не только за счёт табуированных слов, но и посредством экспрессивно окрашенных лексем, в процессе употребления которых актуализируются негативные смыслы.

Под вербальной агрессией нами понимается форма речевого поведения, нацеленная на выражение негативного отношения к объекту высказывания посредством слов и выражений, содержащих смысловые компоненты, оказывающие отрицательное воздействие на адресата. Данное воздействие может достигаться с помощью глагольных лексем, выражающих негативное действие, которые осуждаются обществом. Выражение осуждения может быть основано на таких эмоциях, как ненависть, раздражение, злость и др.

Отмечается, что распространёнными средствами выражения вербальной агрессии являются лексемы «негативного экспрессивно-оценочного характера или негативизмы, то есть лексические единицы с однозначно отрицательной коннотацией, стилистически сниженные слова, воспринимаемые как грубые, но тем не менее долго сохраняющиеся в памяти и легко заменяющие информирование на воздействие на эмоциональное состояние читателя» [5, с. 64].

Толкование глагольных значений, их классификация и лексикографическое описание – это лишь малый круг вопросов, интересующий исследователей. Изучению глагольной лексики были посвящены работы Л. Г. Бабенко, Н. В. Ваулиной, О. А. Михайловой, З. Д. Поповой, Г. Я. Селезневой, И. А. Стернина и др. Изучение экспрессивных лексем с негативной коннотацией, способы и условия их вербализации входит в область изучения юрислингвистики, лингвистической экспертизы (Н. Д. Голев, К. И. Бринев,

А. Н. Баранов, Т. В. Чернышова, Б. Я. Шарифуллин и др.) [2–4; 9; 10]. Виды глагольных значений, а также стилистические пометы имеют особую значимость для данных областей лингвистики, так как экспрессивность может иметь однонаправленное негативизирующее воздействие, являющееся ведущим признаком вербальной агрессии. Систематизация и описание «агрессивного» пласта глагольной лексики, границы которого являются размытыми и подвижными, остаются одними из нерешённых задач когнитивной лингвистики и прагмалингвистики.

Цель данной статьи – выявить прагматический потенциал глагольных лексем «осуждающей» семантики, с помощью которых в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из «Малого академического словаря» (далее – МАС). Картоотеку составили глагольные лексемы, имеющие стилистические пометы ‘пренебрежительное’, ‘презрительное’, ‘грубо-просторечное’, ‘неодобрительное’, выражающие осуждающую семантику и потенциально наносящие вред адресату с точки зрения экспликации вербальной агрессии.

В ходе исследования для описания содержательной стороны глагольных лексем, репрезентирующих вербальную агрессию, использовался метод компонентного анализа, а с целью описания особенностей и способов вербализации агрессии – методы когнитивно-дискурсивного, лексико-семантического и этимологического анализа.

В результате лексико-семантического анализа собранного языкового материала установлено, что «агрессивные» глагольные лексемы образуют лексико-семантические поля, одним из которых является поле «Отношения». Данное поле включает глаголы, об агрессивной семантике которых свидетельствует наличие в их смысловой структуре сем, указывающих на негативное действие против партнёра отношений. Отметим, что за основу типологии нами была взята классификация глагольной лексики, представленная в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [1].

Обратимся к примерам из Национального корпуса русского языка и проанализируем примеры употребления глаголов лексико-семантического поля «Отношения». *«Я привёл пример: когда вы начали **собачиться** по транзиту газа, что вы сделали?»* (Коммерсант, 2019). Во фрагменте статьи федерального издания СМИ глагол *собачиться* (груб.-прост.) – ‘ругаться, браниться’ [6, с. 169] обозначает действие по выяснению внешнеполитических отношений стран. Адресант при употреблении данного глагола выражает однонаправленную негативную экспрессию и отрицательно оценивает переговоры двух стран на тему транзита газа.

Глаголы осуждающей семантики при вербализации агрессии могут обозначать действия двух и более человек по достижению какой-либо цели, например *снюхаться, спеться*. При этом взаимоотношения людей оцениваются негативно и осуждаются. Приведём пример: *«Вскоре увидела, как рано утром Клава обнимает нового зоотехника Игоря. И когда успели **снюхаться**?»* (Аргументы и факты, 2001). В контексте говорится об отношениях людей, знакомство которых автор статьи обозначает глаголом *снюхаться* (прост. пренебр.) – ‘сблизиться, сойтись друг с другом или вступить в соглашение о каких-л. совместных действиях и т. п.’ [6, с. 167]. Адресант в данной коммуникативной ситуации выражает неприязнь к факту знакомства мужчины и женщины. Негативная оценка действий дается адресантом, который основывается на собственных убеждениях, не имеющих отношение к самим объектам.

*«Дважды в месяц на комбинате поголовно меняют охрану – считается, так сторожа не успеют **спеться** с местным криминалом, контролирующим чёрный рынок янтаря. Народ в посёлке такой изобретательный!»*

(Труд-7, 2004). В данном контексте лексема *спеться* неодобр. – ‘достичь согласованности в поступках и действиях, единства в убеждениях’ [6, с. 221] обозначает действие людей, объединённых корыстным и неблагоприятным мотивом – кражей. Вербальная агрессия заключается в осуждении адресантом действий сторожей комбината, которые уличаются в краже янтаря.

Лексико-семантическое поле «Отношения» содержит также грубо-просторечные глагольные лексемы, обозначающие действие лица, направленное на определённый объект с целью уничтожения. Становясь вербализаторами агрессии, они могут подчёркивать негативное намерение адресанта или обозначать их прекращение. Например: «*Значит, вот так: судиться и сволочиться с тобой я не буду. На это нужны время и вдохновение, а мне всё это пригодится для другого дела... Не хочешь жить нормально – давай размениваться*» (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы, 2006). Адресант выражает намерение прекратить выяснение отношений, употребляя глагол *сволочиться* – ‘грубо ругаться’ [6, с. 56], предлагает решение по выходу из конфликтной ситуации.

Семантика осуждения может выражаться в глаголах, обозначающих действия, которые не принимаются обществом, отличаются от большинства его представителей. Например: «*Вот ты и достяжился! – сказал раздражённый отец своему щеголеватому сыну, когда тот за какой-то зазорный поступок угодил в отделение милиции*» (К. И. Чуковский. Живой как жизнь, 1962). Пример содержит глагол *стиляжничать* (от *стиляга* – ‘молодой человек, отличающийся склонностью к вызывающе модному стилю одежды, причёски, а также манерам и вкусам, не соответствующим общепринятым’ [6, с. 266]). Отметим, что представители субкультуры *стиляг*, обладавшие нарочитой аполитичностью и ориентировавшиеся на американские идеалы, подвергались в СССР гонениям. Глагол *стиляжничать* имеет помету ‘неодобрительное’ и с когнитивно-прагматических позиций обозначает осуждаемые действия. Словоформа *достяжился* (ср. доигрался, довыпендривался) в данном контексте означает результат по действию, обозначаемому глаголом *стиляжничать*, что объясняется адресантом как неблагоприятный исход поступка. Глагол *стиляжничать* характеризует действие, основанное на несовпадении с общепринятыми нормами, оцениваются неодобрительно и выражают однонаправленную негативную экспрессию, на которой основывается вербальная агрессия.

«*Когда системы удалённого снятия данных работают, то сразу видно, где пришлёпнули на счётчик магнит, мухлевать становится очень сложно*» (Парламентская газета, 2017). Контекст содержит грубо-просторечную лексему *мухлевать* – ‘жульничать, мошенничать’ [6, с. 314], которая восходит к немецкому аргю, где *tohehlen* означает ‘метить карты’, а также к древнееврейскому *mahal* – ‘разбавлять вино’ [7, с. 19]. Глагол *мухлевать* характеризует поведение, основанное на лжи, следовательно, лицо, которое осуществляет его, также определяется как производящее неблагоприятное лживое действие против кого-либо. Действие, обозначаемое данным глаголом, носит общественно порицаемый характер, а его номинирование грубо-просторечной единицей вербализует осуждение.

Таким образом, глаголы «осуждающей» семантики как средство экспликации вербальной агрессии нацелены на выражение негативного отношения к объекту. Негативизирующий фактор является ведущим при установлении целенаправленности употребления данных глаголов. Выявлены дифференцирующие семантические компоненты в значениях глаголов выделенного лексико-семантического поля «Отношения», приведён анализ их контекстуальной репрезентации. Установлено, что глаголы осуждающей семантики выражают субъективную оценку действий объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата.

Список источников

1. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2007. – 573 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – Москва : Флинта ; Наука, 2007. – 592 с.
3. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев. – Барнаул : Алтайская гос. пед. акад., 2009. – 252 с.
4. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: Общетеоретические и исторические аспекты. – Барнаул : Алтайский ун-т, 2002.
5. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) / И. В. Глухова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12. – С. 64.
6. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2024).
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык: Полиграф-ресурсы, 1999.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986–1987.
9. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
10. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: Проблема инвективы / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5. – Барнаул, 2004.

References

1. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Angliyskie ekvivalenty = A Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs. Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents.* Ed. by L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS; 2007:573 p.
2. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta = Linguistic Examination of the Text.* Moscow: Flinta; Nauka; 2007:592 p.
3. Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza = Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Examination.* Barnaul: Altai State Pedagogical Academy; 2009:252 p.
4. Golev N. D. Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic examination of conflictogenic texts. *Pravovaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: Obshcheteoreticheskie i istoricheskie aspekty = Legal reform in the Russian Federation: General theoretical and historical aspects.* Barnaul: Altai University; 2002.
5. Glukhova I. V. Lexical and semantic ways of expressing speech aggression (based on English-language print media). *Vestnik Chellyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2017;12:64.
6. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka = National Corpus of the Russian Language.* URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 31.10.2024).
7. *Slovar russkogo yazyka: v 4 tomakh = Dictionary of the Russian language: in 4 vols.* Ed. by A. P. Evgenyev. Moscow: Russkiy yazyk: Poligraf-resursy; 1999.
8. Vasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 4 tomakh = Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.* 2nd ed. Moscow: Progress; 1986–1987.
9. Chernyshova T. V. Stylistic analysis as the basis of linguistic examination of a conflict text. *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii = Jurislinguistics-2: Russian language in its natural and legal existence.* Barnaul; 2000.
10. Sharifullin B. Ya. Linguistic aggression and linguistic violence in the light of legal linguistics: The problem of invective. *Yurislingvistika-5 = Jurislinguistics-5.* Barnaul; 2004.

Информация об авторе

М. А. Фирсова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M. A. Firsova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 13.10.2024.

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 13.10.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 49–58.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):49–58.

Научная статья
УДК 811.133.1

**ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ КАТЕГОРИЙ
«МУЖЕСТВЕННОСТЬ», «МАСКУЛИННОСТЬ» / «VIRILITÉ», «MASCULINITÉ»**

Ирина Анатольевна Френкель

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, frenkel-mif@rambler.ru

Аннотация. Обращение к указанной тематике объясняется происходящими в настоящее время значительными изменениями, касающимися понимания «мужское» / «женское» начало. Данная статья посвящена анализу современных трактовок категорий «мужественность» / «маскулинность» в отечественной и зарубежной лингвистике в их соотношении с понятиями «биологический пол», «гендер», имеющих непосредственную связь с принципами концептуализации человеком окружающей его действительности. Основываясь на работах ведущих российских исследователей (А. В. Кирилина, О. В. Рябов и др.), анализ категорий «мужественность», «маскулинность» проводится также в рамках дихотомии «мужественность / женственность» с точки зрения их метафорического представления в мифологии и философии на различных этапах человеческого развития, в том числе с точки зрения оценочной шкалы и причин экстраполяции на предметы, не имеющие отношения к полу. Особое место уделяется французским исследованиям, посвящённым сравнительно-сопоставительному анализу близких понятий «virilité» / «masculinité» (мужественность / маскулинность). С целью выявления специфики и соотношения их семантики, общих и отличительных признаков в статье приводятся результаты этимологического и дефиниционного анализ указанных языковых единиц, а также демонстрируется, каким образом применяемые методы и подходы позволяют исследователям разграничить категории «la virilité» / «la masculinité» / «le masculine» (мужественность / маскулинность / мужское начало), определить значение понятия «les masculinités» («множественная маскулинность»), причину его функционирования, ареал распространения, предположить возможные направления развития указанных явлений и их последствия.

Ключевые слова: биологический пол, гендер, гендерные исследования, философия, метафора, категория, общественное сознание, мужское / женское начало, гендерная идентичность, мужественность, маскулинность, феминность

Для цитирования: Френкель И. А. Дискуссионные проблемы толкования гендерных категорий «мужественность», «маскулинность» / «virilité» / «masculinité» // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 49–58.

Original article

**DEBATE ISSUES IN THE INTERPRETATION OF GENDER CATEGORIES
“MASCULINITY”, “MASCULINITY” / “VIRILITÉ”, “MASCULINITE”**

Irina A. Frenkel

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
frenkel-mif@rambler.ru

Abstract. The appeal to this topic is explained by the significant changes currently taking place regarding the understanding of the “male” / “female” principle. This article is devoted to the analysis of modern interpretations of the categories “virility” / “masculinity” in domestic and foreign linguistics in their relationship with the concepts of biological sex and gender, which are directly related to the principles of a person’s conceptualization of the reality around him. Based on the works of leading Russian researchers (A. V. Kirilina,

O. V. Ryabov, etc.), the analysis of the categories “virility” / “masculinity” is also carried out within the framework of the dichotomy “masculinity / femininity” from the point of view of their metaphorical representation in mythology and philosophy at various stages of human development, from the point of view of the rating scale and the reasons for extrapolation to subjects not related to gender. A special place is given to French studies devoted to the comparative analysis of the related concepts «la virilité» / «la masculinité» / (“virility” / “masculinity”). In order to identify the specificity and relationship of their semantics, common and distinctive features, the article presents the results of etymological and definitional analyzes of these linguistic units, and also demonstrates how the methods and approaches used allow researchers to distinguish between the categories «la virilité» / «la masculinité» / «le masculin» (“virility” / “masculinity”), determine the meaning of the concept «les masculinités» (“multiple masculinities”), the reason for its functioning and area of spreading, suggest possible directions for the development of these phenomena and their consequences.

Keywords: biological sex, gender, gender studies, philosophy, metaphor, category, social consciousness, masculine/feminine, gender identity, masculinity, femininity

For citation: Frenkel I. A. Debate issues in the interpretation of gender categories “virility”, “masculinity” / «virilité», «masculinité». *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):49–58 (In Russ.).

На данном этапе развития цивилизации ролевые функции мужчин и женщин в обществе претерпевают значительные трансформации. Вследствие этого в современной культуре, особенно западной, на протяжении десятилетий обсуждается проблема соотношения мужского и женского начал, причин отсутствия чётких границ, ведущих к распространению андрогинных ценностей. В связи с этим проблема пола является одной из актуальных. Её значимость возрастает в переломные моменты развития цивилизации, когда принципиальные трудности не находят своего разрешения в рамках существующих культурных и нормативных установок. Обращение к гендерной проблематике, становление которой происходило под влиянием неклассической философии, работ философов Серебряного века, постмодернистских гендерных теорий, объясняется кризисом индустриальной цивилизации, охватившим различные области знаний [10].

Значительное количество проведённых исследований посвящено соотношению следующих близких понятий, не всегда трактуемых однозначно:

– «биологический пол», фиксирующий природные характеристики индивида, трактуемые в категориях «мужчина / женщина»;

– «гендер»:

а) определяемый в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало), оперирующий концептами, основанными на социокультурных, национальных, этнических, эстетических и других традициях восприятия мужчины и женщины, философских воззрениях, отражающих представления об их предназначении и должном поведении, наличии в общественном сознании определённых ожиданий, касающихся поступков, мыслей и чувств, отношения друг к другу, места в обществе [6, с. 5–6];

б) отражающий степень преобладания в мужчине мужественности, а в женщине – женственности (Р. Столлер) [цит. по: 11, с. 3].

Как показывают многочисленные исследования [3; 5; 6 и др.], непосредственная связь между полом и гендером проявляется в принципах концептуализации человеком действительности, происходящей на основе собственного физического опыта, всегда связанного с его телесной деятельностью, порождающей понятие «телесная метафора» (Lakoff, Johnson) и объясняющей принцип антропоморфизма, присущего в целом номинативной системе естественного языка [3, с. 90]. Метафоричность, в свою очередь, связана с мифологическим мышлением. Выраженные в рамках философского аппарата категории «женственность» и «мужественность» трактуются многими философами, в том числе российскими, как «метафизические и космические принципы»,

охватывающие все сферы человеческого существования, способствующие решению мировоззренческих и философских проблем [3, с. 6; 5]. Идея мужественности и женственности как совокупности противоположенных начал проявятся в истории человеческого существования на различных этапах и уровнях его развития. Так, в мифологии левый и правый компоненты указанных ниже бинарных оппозиции соотносятся с понятиями «мужественность / женственность» и прототипами мужского и женского: *свет – тьма; верх – низ; правое – левое* и т. д. Подобная дихотомия встречается в различных культурах:

- древнекитайской: *инь – тёмное / янь – светлое;*
- индоевропейской: *отец, находящийся на сияющем небе, тёмная, оплодотворяемая небом обожествляемая земля – супружеская пара как прародители всего существующего на земле* [3, с. 90–92].

Согласно теории Аристотеля, мужское начало, ассоциирующееся с духовным и формой, придаёт форму и движение женскому началу (воспринимаемому как телесное, материя) и привносит в него душу [3, с. 93].

В рамках философии истории указанные категории трактуются как противопоставленные понятия, несущие взаимоисключающие признаки, типичные для патриархатного общества и культуры. Так, в работах ряда исследователей (Н. А. Бердяев, В. И. Иванов, В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков, Д. Л. Андреев, С. Л. Франк, Ф. Ницше, Д. С. Мережковский), мужчина олицетворяется с активной формой (с оформляющим Логосом), женщина – с пассивной материей, с хаосом. Под влиянием Ф. Ницше русские философы (Н. А. Бердяев, В. И. Иванов) широко используют образы Аполлона и Диониса, отождествляя их, соответственно, с мужественностью и женственностью (Н. А. Бердяев, В. И. Иванов). Аполлоновское начало воспринимается как светлое, рациональное (Н. А. Бердяев), символизирующее меру, представляющее мужской антропологический и личный принцип, разум, гордыню, доходящую до богоборчества (С. Н. Булгаков, В. И. Иванов), культуру, справедливость, абстрактное мышление, творческую инициативу, изменчивость, творческое, зачинающее, начало, созидающее будущее. Дионисийское начало – тёмное, оргиастически-иррациональное, «сверхрациональное» (В. И. Иванов), символизирующее чрезмерность, представляющее женский космический и коллективный принципы, жертвенность, самоотверженность (Д. Л. Андреев), принцип воссоединения, лежащий в основе соборности (В. И. Иванов), пассивность, инстинктивность, бессознательность, конкретность мышления, милосердие, консерватизм, начало наследственности, носитель традиции – общество, «материнское лоно общественности» [см. подробнее: 3; 5].

Образность метафоры позволяет её применение по отношению к объектам, не имеющим отношения к полу [3, с. 93]. Противопоставление категорий «мужественность», «женственность» находит своё отражение на разных уровнях:

1) национальном, отражающем отношения между различными социальными группами:

- религиозность русского народа, его душа соотносимы с женской эмоциональностью;
- государственная власть – с мужским началом;

2) международном, что проявляется в разделении народов на:

а) мужские, например: немцы / германцы – «властолюбивы» (К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева) и характеризуются аномалией отвлечённой мужественности – «люциферическое» явление (В. Ф. Эрн);

б) женские, например:

- французы (К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева);
- славяне, особенно русские, отличающиеся впечатлительностью, мягкостью, расплывчатостью (К. Д. Кавелин), смирением (А. С. Хомяков), стихийностью, безответственностью, отрицанием положительной женственной сущности – «люциферическое» явление (В. Ф. Эрн).

В рамках истории всего человечества оба указанных начала трактуются (в том числе отечество / материнство) как находящиеся в постоянной борьбе за лидерство, в результате чего нынешний патриархат, мужевластие уступают место, как предполагается, женскому доминированию [6].

На лингвистическом уровне, благодаря своей лексической и грамматической специфике, русский язык трактуется как наиболее эмоциональный. В связи с наличием значительного количества безличных конструкций русские в языке выступают как «претерпеватели», в отличие от носителей западных языков, трактуемых как «деятели» [2, с. 44, 70–71].

Таким образом, метафорические черты мужественности и женственности переводятся философами в «модус должностования и прескрипции», а философские понятия «женственность» и «мужественность» приписываются в качестве обязательных признаков реально существующим мужчинам и женщинам. В то же время упомянутые противопоставления применяются и к представителям одного пола (П. Флоренской), так, например, Алексей и Александр ассоциируются, соответственно, с женственностью и мужественностью [3, с. 93–94].

Вместе с этим, в соответствии со спецификой стереотипизации и оценочной шкалы гендера, в каждом конкретном языковом сообществе указанная дихотомия трактуется как «правильное / неправильное», в которой первый элемент считается обладающим «онтологическим и аксиологическим преимуществом над вторым» и вытесняет «последний на зависимое второстепенное место в иерархии сущего». Таким образом, трансцендентное, внешнее, разумное, мужское становятся аксиологически приоритетными атрибутами, продуцируя некую онтологическую, антропологическую и социальную норму [9, с. 106].

Одним из дискуссионных вопросов в рамках заявленной тематики является соотношение между следующими близкими по своему значению терминами: мужественность / маскулинность; женственность / феминность, трактуемыми как:

– неоднозначные понятия: маскулинность / феминность – гендерные категории; женственность / мужественность – нравственные [3, с. 39];

– однозначные понятия: женственность / мужественность – социальные модели и стереотипы поведения, заданные природой, сохраняемые неизменными в процессе исторического развития, традиционные представления о мужчине и женщине. С точки зрения эссенциалистского подхода, основанного на биологической детерминированности гендерных характеристик, маскулинность и мужественность рассматриваются как синонимы и представляют собой набор «характеристик поведения, возможностей и ожиданий», определяющих «социальную практику той или иной группы, объединённой по признаку пола». Таким образом, маскулинность – «это то, что добавлено к анатомии для получения мужской *гендерной роли*», «то, чем мужчина является и что, соответственно, составляет его природную сущность» [8]; «мужская роль, отражённая в гендерных отношениях», способ и инструментарий для «опознания» мужчины как субъекта социокультурного пространства» [7];

– социальные и культурные конструкты, изменяемые и зависимые от конкретной исторической эпохи, страны и её культуры (социально-конструктивистский подход).

Указанная проблематика приводит к возникновению понятия «гендерной идентичности», не совпадающей с половой принадлежностью (Р. Столлер), а представляющее собой психологический аспект, «компонент самосознания личности», отражающий восприятие человеком себя не в соотношении с биологическим полом, а в соответствии с культурными дефинициями мужского и женского, т. е. как продукт «социального конституирования» [1], не заложенный человеческой природой, не врождённый, а приобретённый и способный к трансформации. В связи со сказанным выше, такие понятия, как «маскулинность»

и «феминность», понимаются как социальные роли, не всегда совпадающие с биологическим полом, трактуемые в рамках понятия «гендер» (социальный пол). Как следствие, постулируется идея о том, что различия между мужчиной и женщиной обусловлены не спецификой строения их организма, а индивидуальными особенностями, в связи с чем представители разных полов могут иметь большую степень сходства, чем различия (Э. Маккаби, К. Джеклин). При этом индивиды, обладающие одинаковыми чертами, именуются «андрогинами», а не относящиеся себя к какому-либо полу – неидентифицированными (С. Бем). Для нивелирования различий между полом (природным явлением) и гендером (социальным) используется термин «гендерная ментальность» [цит. по: 11, с. 4, 8].

Примером полемики, существующей многие десятилетия в западных научных кругах, является анализируемое в данной статье исследование под названием «Virilité ou masculinité? L'usage des concepts et leur portée théorique dans les analyses scientifiques des mondes masculins», проведённое О. Ривоаль [12] с опорой на точки зрения различных авторов, в котором рассматриваются проблемы соотношения понятий «мужественность / маскулинность», причины существования различных типов маскулинности, феминности, возможности самостоятельно формировать свою гендерную идентичность.

Опираясь на мнения, высказываемые современными западными учёными, автор проводит анализ трактовок лексем «la masculinité» / «la virilité» и близких им по тематике терминов: «le masculin», «le viril», «le féminin», «la fémininité». В работе отмечается, что в настоящее время, в отличие от претензий феминисток изучать гендер только через призму критики патриархата и мужского доминирования, указанная проблема больше не рассматривается исключительно как реализация властных отношений между двумя социальными группами – мужчинами и женщинами, но и в рамках одного гендера (мужского или женского).

Отмечая проблематичность разграничения понятий «virilité» (мужественность) и «masculinité» (маскулинность), исследователи задаются вопросом, связано ли данное явление с изъятием перевода или нечёткостью трактовки терминов (как в случае с лексемой «genre»). Как отмечается, данная проблема обусловлена, в частности, тем фактом, что большинство работ, исследующих понятие «les masculinités» (маскулинная множественность), написаны на английском языке, иллюстрацией чего является пример перевода на французский названия одного из произведений Ж. Мосса «*The Image of Man: the Creation of Modern Masculinity*», в котором понятия «*masculinity*» и «*virility*» представлены как однозначные: «*L'Image de l'homme: l'invention de la virilité modern*». При этом отмечается следующее:

1) в англосаксонских исследованиях лексема «*virility*» не является широко используемой и заменяется в большинстве своём терминами «*manhood*» и «*manliness*»;

2) в отличие от понятий «*masculinity*» и «*femininity*», близких по значению к их французским эквивалентам «*masculinité*», «*fémininité*», «*virility*», согласно «Оксфордскому словарю английского языка», определяется следующим образом: «*marked by strength or force*» – и является применимой, в отличие от французского языка, как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам. Предполагается, что данный термин и введён для расширения понятий «*manhood*», «*manliness*» и использования термина «*virility*» по отношению к женскому началу.

Этимологический анализ лексемы «*virilité*» показывает, что форма «*vir*» на латыни имеет следующие значения: «*l'homme au sens biologique*», «*l'éroïx*», «*l'homme de courage ou le combattant*» (мужчина в биологическом смысле, муж, мужественный человек, борец). Соответственно, производное от него прилагательное «*virilis*» обозначает: «*héros*», «*fort*», «*vigoureux*»

(герой, сильный, мощный / энергичный); лексема «viriliter» (мужественность), соответствует французскому термину «virilité» в современном значении. Исследователи отмечают вариативность значения данной языковой единицы (Forth, 2015) в различные эпохи. В XIX в. оно связано с процессом приобретения знаний («virilité intellectuelle»); с моральной силой и достоинством («virilité chrétienne»); с практикой дуэлей или кулачных боев (Rasera, Renahy, 2013).

В словаре французского языка «*Le Grand Robert*» лексема «virilité» трактуется следующим образом:

- «ce qui est propre à l'homme» (то, что свойственно мужчине);
- «ce qui se rapporte, en particulier, à la «vigueur, à la puissance sexuelle de l'homme» (то, что соотносится, в частности, с силой / энергией мужчины, в том числе сексуальной);
- «caractères moraux qu'on attribue généralement à un homme (actif, énergique, courageux...» (моральные качества, которые обычно приписываются мужчине (активный, энергичный, смелый...);
- «des qualités, des vertus nécessaires – et positives (fermeté, courage, force, vigueur» (необходимые и положительные качества, достоинства (твёрдость смелость, сила, мощь...).

Вместе с тем, как отмечает автор, словарь иллюстрирует приведённые трактовки примерами, относящимися одновременно к:

- мужскому началу: «L'homme est viril et fort qui se décide à changer sa triste fin en un fier suicide» (Victor Hugo, *L'Année terrible*) («Мужественен и силен тот мужчина, кто решается заменить свой печальный конец гордым самоубийством»);
- женскому началу: «Aussi intelligente que lui, et mieux trempée moralement, plus virile» (Romain Rolland, *Jean-Christophe*, «*Les amis*») («Такая же умная как и он, морально более стойкая, более мужественная»).

Лексема «masculinité» является производной от «masculine», происходящей от латинских слов: «masculus» (мужской, особь мужского пола, самец, мужского рода), «mas» (мужской, мужественный, энергичный) (Ernout, Meillet).

В словаре «*Le Grand Robert*» данное слово определяется как:

- «le caractère masculine», «l'ensemble des caractères propres à l'homme ou jugés comme tels» (мужской характер, совокупность качеств, свойственных мужчине или рассматриваемых таковыми).

Как отмечает автор указанной статьи, анализ на уровне дефиниций показывает, что мужчины ассоциируются с непосредственно им присущими качествами и добродетелями (твёрдостью, смелостью, силой, энергией и т. д.). Мужская идентичность является неотделимой от определённых характеристик, в частности от мужественности («virilité»), что подтверждает связь между понятиями «virilité» и «masculinité», которые в отличие от общепринятых терминов (гендер, пол, социальные отношения между полами, патриархат) находятся в стадии становления.

Вместе с тем исследователем отмечается нарастающая тенденция к замене понятия «virilité» на «masculinité», что свидетельствует об изменениях, происходящих в «мужском мире» («l'empire du mâle»).

В отличие от распространённого термина «masculinité hégémonique» (гегемонная маскулинность), предполагающего власть мужчин, реализуемую в рамках патриархата, термин «virilité» трактуется следующим образом:

- идеальная форма, сумма представлений, связанных с идеей производительности (экономической, социальной, сексуальной и телесной);
- один из атрибутов маскулинности (masculinité), наряду с такими, как класс, раса, сексуальность и т. д.

Симптоматично, что в отличие от термина «masculinité», имеющего свой женский эквивалент – «féminité», «virilité» соотносится только с мужским началом («le "masculine"»). Таким образом, учитывая тот факт, что «virilité»,

считается идеалом работоспособности, энергии и мужества, исследователи задаются вопросом о том, насколько данное качество присуще и женщинам, и не является ли систематическое ассоциирование мужественности «le viril» с мужским началом («le masculine») отрицанием женской силы, возможности существования мужественной, работоспособной и сильной во всех отношениях женщины, способной в том числе и на насилие (Cardi), по отношению к которой может быть применён термин «femme virile» (Pruvost). В связи со сказанным считаем уместным разграничить понятия «la virilité» и «le masculine» (мужественность / мужское начало) и создать эталон, применяемый как к мужчинам, так и к женщинам. В обратном случае постулируется идея о неспособности женщины конкурировать в мужском мире («rivaliser dans un monde viril donc masculine»).

Опираясь на работы различных авторов, прежде всего Р. Коннелля «Masculinités. Enjeux sociaux de l'hégémonie», впервые трактуя термины «masculinité hégémonique» (гегемонная маскулинность) и «masculinités» (маскулинная множественность), О. Ривоал приводит следующие существующие стратегии определения термина «masculinité» (маскулинность):

1. Эссенциалистская теория, основанная на исследованиях социобиологов, предполагающая наличие набора неизменных свойств и качеств, заданных природой, определяющая суть мужского начала («l'essence du masculine») через описание мужского образа жизни: склонность к риску, агрессивность, сексуальные импульсы.

2. Социологическая концепция, постулирующая идею о том, что маскулинность – это то, чем являются мужчины («masculinité» – «c'est ce que les hommes sont»). Данное определение основывается на этнографических исследованиях, объясняющих образ жизни мужчин в конкретной культуре и репрезентирующих его как модели маскулинности («des modèles de masculinités») вне зависимости от их специфики. Таким образом, в данном случае речь идёт о шкале мужественности.

3. Согласно следующему подходу, мужественность – это то, что мужчины должны воплощать («masculinité» – «est ce que les hommes doivent incarner» (H. Connell)). Подобная трактовка ассоциирует указанный термин с героизмом и понимается как социальная норма поведения мужчин, что приводит к смешиванию таких понятий, как «essentialisme» и «normativité» (эссенциализм и нормативность), то есть стандарт, которому не каждый может соответствовать. Согласно данному подходу, смешиваются понятия «идентичность» и «роль».

Автор подчёркивает, что с точки зрения Р. Коннелля «masculinité» не представляет собой естественный тип личности, средний показатель поведения или нормы, а результат процессов, связей и отношений, конструирующих гендер (*un type naturel de personnalité, une moyenne comportementale ou une norme, mais comme le résultat de processus, de rapports et de relations qui construisent le genre*).

Таким образом, «masculinité» рассматривается как динамичное явление, связанное с социальным классом, этнической принадлежностью и особенно с женским родом, что позволяет не рассматривать его в рамках ролей, выполняемых представителями разных полов.

Понятие «le masculine» (мужское начало) мыслится в диалектическом отношении к «le féminin» (женское начало), и каждая из этих категорий далека от «естественных» различий (идентичностей). Используемые во множественном числе термины «masculins» и «féminins» указывают не только на половые различия, но и на различия, имеющиеся внутри каждого пола (H. Connell). Маскулинность трактуется как совокупность представлений, воплощений и субъективных идентификаций, которые не являются монополией

цисгендерных мужчин, чья гендерная идентичность совпадает с биологическим полом.

Таким образом, с учётом точек зрения различных исследователей, предлагаются следующие разграничения анализируемых понятий:

а) «virilité» (мужественность):

– гендерная концепция, представляющая собой эссенциализирующую социальную конструкцию, обозначающую мужской атрибут и / или видимую мужественность (Gourarier, Rebutini, Vögös), исключающая как другие мужские качества, так и женский род в целом;

– фиксированный образ, нединамичный идеал, определяемый только по отношению к самому себе (Connell);

– понятие, актуализирующее следующие качества: физическая сила, насилие или власть, но без исторической оценки их значимости (Gourarier, Rebutini, Vögös);

– культурная репрезентация мужского начала («le masculine»), не имеющего своего эквивалента по отношению к женскому началу («le féminin»);

– мысленный (концептуальный, идеальный) коллективный образ гегемонистской мужественности, (т. е. понимаемый в рамках патриархата);

б) «masculinité» – индивидуальная конструкция, развивающееся и множественное понятие, обогащаемое другими атрибутами (класс, раса, пол, сексуальность и т. д.), определяемое через соотношение с термином «féminité»;

– «masculinités», «féminités» (множественная мужественность, женственность) – конструкции, подпитываемые друг другом и находящиеся в постоянном движении, т. е. подверженные изменениям (Molinier, Weltzer-Lang).

Наличие указанных различий не влечёт за собой забвение понятия «virilité», а констатирует факт трансформации трактовки мужской идентичности и условий её оценки, доминирующего типа гегемонной мужественности («le mode dominant de masculinité hégémonique»), апеллирующего (Guionnet) к понятию «норма», которая может быть выполнена ограниченным количеством людей и представляет собой «идеал, эталонную цель» и не вписывается в концепцию множественных воплощений, выражаемых лексемами «masculinité» и «féminité» (Guionnet).

Таким образом, с точки зрения ряда российских и в большей степени западных исследователей и языковых сообществ, считается, что на современном этапе развития цивилизации ролевые функции мужчин и женщин в обществе претерпевают изменения, влекущие за собой отсутствие чёткой дихотомии мужского и женского начал, что свидетельствует о стирании традиционных патриархальных стереотипов и ценностей. Трансформация понятия «мужской мир», наличие множественной маскулинности и феминности отражают нарастающие тенденции, ведущие к гендерной унификации и развитию андрогинности, распространению идей философского постгуманизма, децентрации человека и его дегуманизации.

Список источников

1. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/gendernaia-identichnost-2b8b30>.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая. – URL: https://komyshevaad.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/10/yazyk_kultura_poznanie.pdf.

3. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва : Институт социологии РАН, 1999. – 180 с.

4. Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики / О. В. Котлярова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzhestvennost-i-zhenstvennost-maskulinnost-i-feminnost-kak-fundamentalnye-svoystva-v-formate-genderistiki>.

5. Рябов О. В. «Женственность» и «мужественность» как категории русской исторической философии / О. В. Рябов. – URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/1996_1_ryabov35_1.pdf.
6. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века / О. В. Рябов. – URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabov_ov_silver_age.pdf.
7. Синельников А. Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности / А. Синельников. – URL: <https://a-z.ru/women/texts/sinelnikovrddd-e.htm>.
8. Словарь гендерных терминов. – URL: <http://www.owl.ru/gender/197.htm>.
9. Хитрук Е. Б. Мужское и женское: от природы к культуре / Е. Б. Хитрук. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287453185.pdf>.
10. Хорошильцева Н. А. Гендерная метафора в современной культуре / Н. А. Хорошильцева. – URL: <http://geum.ru/aref/9422-1-horoshilceva-natalya-andreevna-gendernaya-metafora-sovremennoy-kulture-specialnost-090013-religiove-ref.php>.
11. Чернышева А. В. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации / А. В. Чернышева, А. Г. Спириугова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maskulinnost-i-feminnost-v-sovremennom-obschestve-tendentsii-transformatsii/viewer>.
12. Rivoal H. Virilité ou masculinité ? L'usage des concepts et leur portée théorique dans les analyses scientifiques des mondes masculins / H. Rivoal. – URL: <https://www.cairn.info/revue-travailler-2017-2-page-141.htm>.

References

1. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya = The Great Russian Encyclopedia*. URL: <https://bigenc.ru/c/gendernaia-identichnost-2b8b30>.
2. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kultura. Poznaniye = Language. Culture. Cognition*. URL: https://komyshkovaad.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/10/yazyk_kultura_poznanie.pdf.
3. Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskiye aspekty = Gender: linguistic aspects*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS; 1999:180 p.
4. Kotlyarova O. V. *Muzhestvennost i zhenstvennost, maskulinnost i feminnost kak fundamentalnyye svoystva v formate genderistiki = Masculinity and femininity, masculinity and femininity as fundamental properties in the format of gender studies*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzhestvennost-i-zhenstvennost-maskulinnost-i-feminnost-kak-fundamentalnye-svoystva-v-formate-genderistiki>.
5. Ryabov O. V. *“Zhenstvennost” i “muzhestvennost” kak kategorii russkoy istoriosofii = “Femininity” and “masculinity” as categories of Russian historiography*. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/1996_1_ryabov35_1.pdf.
6. Ryabov O. V. *Zhenshchina i zhenstvennost v filosofii Serebryanogo veka = Woman and femininity in the philosophy of the Silver Age*. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabov_ov_silver_age.pdf.
7. Sinelnikov A. *Panika, terror, krizis. AnATOMiya maskulinnosti = Panic, Terror, Crisis. Anatomy of Masculinity*. URL: <https://a-z.ru/women/texts/sinelnikovrddd-e.htm>.
8. *Slovar' gendernykh terminov = Dictionary of Gender Terms*. URL: <http://www.owl.ru/gender/197.htm>.
9. Khitruck Ye. B. *Muzhskoye i zhenskoye: ot prirody k kulture = Masculine and Feminine: from Nature to Culture*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287453185.pdf>.
10. Khoroshiltseva N. A. *Gendernaya metafora v sovremennoy kulture = Gender Metaphor in Contemporary Culture*. URL: <http://geum.ru/aref/9422-1-horoshilceva-natalya-andreevna-gendernaya-metafora-sovremennoy-kulture-specialnost-090013-religiove-ref.php>.
11. Chernysheva A. V., Spiryugova A. G. *Muzhestvennost i feminnost v obshchestve: tendentsii transformatsii = Masculinity and femininity in modern society: tendencies of transformation*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maskulinnost-i-feminnost-v-sovremennom-obschestve-tendentsii-transformatsii/viewer>.
12. Rivoal H. *Virilité ou masculinité? L'usage des concepts et leur portée théorique dans les analyses scientifiques des mondes masculins = Virility or masculinity? The use of concepts and their theoretical scope in scientific analyses of masculine worlds*. URL: <https://www.cairn.info/revue-travailler-2017-2-page-141.htm>.

Информация об авторе

И. А. Френкель – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

I. A. Frenkel – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 59–62.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):59–62.

Научная статья
УДК 821.521

ПРАЗДНИК ХИГАН В ТРЁХСТИШИЯХ ЯПОНСКИХ ПОЭТОВ

Ольга Геннадьевна Егорова^{1✉}, Татьяна Владиславовна Тумакова²

^{1, 2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹o.g.egorova@linguanet.ru✉

²fedotova.tv@gmail.com

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение трёхстиший «хайку» японских авторов, в которых встречаются описания японского праздника Хиган. Перед авторами стоят задачи: определить поэтическую символику Хиган и выявить основные мотивы стихотворений, посвящённых данному празднику. Праздник Хиган отмечается по всей стране в течение недели в период весеннего и осеннего равноденствия. В дни праздника в Японии принято почитать предков, поэтому Хиган занимает важное место в жизни японцев. Анализ стихотворений таких известных японских авторов периода Средневековья и Нового времени, как Кониси Райдзан (1654–1716), Ёса Бусон (1716–1783), Масаока Сики (1867–1902), писателя Акутагава Рюноске (1892–1927) и других, показал, что слово «хиган» является поэтическим сезонным словом и символизирует весенний и осенний периоды. В трёхстишиях, посвящённых празднику Хиган, встречаются описания погодных явлений, характерных для данных сезонов (например, холод, непогода и др.), упоминаются отдельные этапы и атрибуты праздника (например, поминание родителей, ритуальная еда и др.), а также хранятся воспоминания авторов, связанные с данным праздником.

Ключевые слова: праздник Хиган, осеннее и весеннее равноденствие, трёхстишия «хайку», японская поэзия

Для цитирования: Егорова О. Г., Тумакова Т. В. Праздник Хиган в трёхстишиях японских поэтов // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 59–62.

Original article

HIGAN IN HAIKU POEMS BY JAPANESE POETS

Olga G. Egorova^{1✉}, Tatiana V. Tumakova²

^{1, 2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹o.g.egorova@linguanet.ru✉

²fedotova.tv@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to consider haiku poems by Japanese authors which contain description of the Japanese holiday – Higan. The objectives are to determine the poetic symbolism of Higan and to identify the main motives of poems dedicated to this holiday. Higan is celebrated throughout the country for a week during the spring and autumn equinox. During this holiday Japanese people are used to remember ancestors, that is why Higan has always occupied and occupies an important place in their life. An analysis of poems by such famous Japanese authors of the medieval and modern periods as Konishi Raizan (1654–1716), Yosa Buson (1716–1783), Masaoka Shiki (1867–1902), writer Akutagawa Ryunosuke (1892–1927), etc., showed that the word “higan” itself is a poetic seasonal word, symbolizes the spring and autumn periods. In haiku poems dedicated to

Higan, there are descriptions of weather phenomena characteristic of these seasons (for example: cold, bad weather, etc.), individual stages and attributes of the holiday are mentioned (for example: remembrance of parents, ritual food, etc.), and the authors' memories associated with this holiday.

Keywords: Higan, the spring and autumn equinox, haiku poems, Japanese poetry

For citation: Egorova O. G., Tumaikova T. V. Higan in haiku poems by Japanese poets. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):59–62 (In Russ.).

Праздничные дни весеннего и осеннего равноденствия в Японии называются Хиган. Слово «хиган» (яп. 彼岸) происходит от санскритского слова «парамита» («другой берег»; «совершенство») и обозначает загробный мир, который отделён от земного мира рекой. Считается, что эта «река полна иллюзий, увлечений, страданий, печали. И только тот, кто победит все искушения, встречающие его на жизненном пути, попадёт на другой берег, обретёт просветление» [1, с. 183].

В настоящее время Хиган отмечают в течение семи дней по солнечному календарю в марте и сентябре (три дня до и три дня после дня равноденствия). День в середине праздничной недели имеет особое название (яп. 春分, *сю:бун* – день весеннего равноденствия, двадцатое или двадцать первое марта; 秋分, *сюмбун* – день осеннего равноденствия, двадцать второе или двадцать третье сентября), так как именно в это время продолжительность дня и ночи равны.

Праздник Хиган не только знаменует изменение продолжительности светового дня, но и является временем поминания предков и имеет важное значение в жизни японцев. Своё отражение данный праздник нашёл и в поэзии *хайку* японских авторов.

Хайку (яп. 俳句) представляют собой стихотворения, написанные в японской поэтической форме трёхстиший с чередованием слогов 5 – 7 – 5 (всего 17). В японском языке *хайку* принято записывать в одну строку. Особого расцвета и признания в качестве самостоятельной лирической поэзии данные стихотворения получили в XVII в. благодаря творчеству выдающегося японского поэта Мацуо Басё (яп. 松尾芭蕉, 1644–1694).

Слово «хиган» в поэзии *хайку* является так называемым «сезонным словом» *киго* (яп. 季語). Упоминание о данном празднике в японских трёхстишиях создаёт определённую атмосферу весны или осени. Так, например, в одном из стихотворений известного японского поэта и писателя Масаока Сики (яп. 正岡子規, 1867–1902) говорится о весенних холодах в дни Хиган: 毎年よ彼岸の入りに寒いのは (*Майтоси ё хиган-но ири ни самуй но ва*) – «Каждый год // В первые дни праздника Хиган // Холодно» (пер. Т. В. Тумаковой) [Хайку дэ:та ..., эл. ресурс].

Данное стихотворение сопровождается примечанием: 「母の言葉によりて」 (*Хаха-но котоба ниёритэ*) – досл. «Со слов моей матери» [цит. по: 5]. Поэт превратил слова матери в стихотворение, тем самым сохранив память о ней.

В преддверии весеннего равноденствия о холодах также размышлял и поэт Ясокура Роцу (яп. 八十村路通, 1649–1738): 彼岸まへさむさも一夜二夜かな (*Хиган маэ самуса мо хитоё футаё кана*) – «Перед праздником Хиган, // Сколько продержатся холода, // Одну или две ночи?» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

В трёхстишии поэта Охаси Охаси (яп. 大橋櫻坡子, 1895–1971) говорится о непогоде в период осеннего равноденствия: 山寺に降りこめられ秋彼岸 (*Ямадэра ни фурикомэрарэтэ акихиган*) – «[Из-за дождя] застрял // В горном храме. // Осенний Хиган» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

В японском языке есть поговорка 「暑さ寒さも彼岸まで」 (*Ацуса мо самуса мо хиган мадэ*) – досл. «И жара, и холод до равноденствия» [цит. по: 4].

Однако бывают дни, когда осенью внезапно возвращается летняя погода. Именно о таких днях повествует в своем *хайку* поэт Такада Фудзинси (яп. 高田風人子, 1926–2019): 懐しき暑さに家居秋彼岸 (*Нацукасики ацуса ни какэ аки хиган*) – «[Хотя] и наступил осенний Хиган, // Снова вернулась жара. // Останусь дома» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

Несколько другое настроение в период праздника Хиган передаёт трёхстишие японского писателя Акутагава Рюноскэ (1892–1927), в котором автор, повествуя о молодых ростках бамбука, указывает на весеннее обновление природы. В стихотворении описывается, как побеги бамбука начинают расти и приобретать мареновый красный цвет (яп. 芥川龍之介, 1892–1927): 竹の芽も茜さしたる彼岸かな (*Такэ-но мэ мо аканэсаситару хиган кана*) – «Уже созревают // Побеги бамбука // Должно быть, [время] Хиган...» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

В период Хиган в храмах проводится буддийская служба *хиган-э* (яп. 彼岸会), а также служба *сэгаки* (яп. 施餓鬼), во время которой читают буддийские сутры и приносят подношения для тех душ, которые некому оплакивать. Японцы верят, что панихида по предкам в дни равноденствия может помочь их душам быстрее достигнуть «Чистой земли», так как загробный мир в это время находится максимально близко [3, с. 138].

Первое упоминание о поминальной службе во время недели равноденствия содержится в письменном памятнике «Нихонкоки» и относится к 806 г. Однако считается, что традиция отмечать Хиган как религиозный праздник началась намного раньше и восходит к периоду правления принца Сётоку Тайси (593–621) [1, с. 183].

В приложении к известному роману «Повесть о Гэндзи» (яп. 源氏物, *Гэн-дзи-моногатари*) средневековой японкой писательницы Мурасаки Сикибу (яп. 紫式部, 978–1014?) сказано, что в эти дни верующие «приносили жертвы предкам и молились о достижении «другого берега» [...] – мира умиротворения и просветления в противовес “этому берегу” – миру страстей и страданий» [2, с. 120].

Начиная с периода Мэйдзи (1868–1912) дни весеннего и осеннего равноденствия стали государственными праздниками. И если раньше они ассоциировались в первую очередь с почитанием предков императора, то сейчас – это время проявления уважения к предкам всех людей.

В качестве примера описания поминания ушедших родителей приведём трёхстишие поэта Кониси Райдзан (яп. 小西来山, 1654–1716): 精進すなといはれし親の彼岸哉 (*Сё:дзин суна то иварэси оя-но хиган кана*) – «[В дни] Хиган [вспоминаю] родителей. // Не усердствуй! // Говорили они» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

И сейчас в праздничные дни японцы продолжают посещать храмы, слушать проповеди и навещать могилы. В качестве ритуальных угощений, как и раньше, готовят сладости *ботамоти* (яп. 牡丹餅) и *о-хаги* (яп. お萩), основные ингредиенты которых сладкий рис и паста из бобов *адзути*. Названия сладостей повторяют названия одних из самых красивых цветов весны и осени – пиона и японского клевера [3, с. 51].

Упоминание о *ботамоти* находим в трёхстишии японского поэта Ёса Бусон (яп. 与謝蕪村, 1716–1783): 命婦よりぼた餅たばす彼岸哉 (*Мё:бу ёри ботамоти табасу хиган кана*) – «Я получил *ботамочи* // От высокопоставленной дамы. // [Неделя] Хиган...» (перевод Т. В. Тумаковой) [4].

В стихотворении поэт благодарит жену своего соседа за угощение, уважительно назвав её словом *мё:бу* (яп. 命婦). Данное слово является архаизмом и имеет значение «придворная дама», «высокопоставленная дама» [4].

В результате анализа стихотворений *хайку*, посвящённых празднику Хиган, авторы настоящей статьи пришли к выводу, что японские поэты благодаря

использованию названия праздника в своих стихотворениях создавали ощущение весны и осени. Упоминания в таких хайку о природных явлениях, характерных для данных сезонов, а также указания на отдельные этапы и атрибуты праздника способствовали созданию необходимых ассоциаций.

Список источников

1. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – Москва : Наука, 1989. – 360 с.
2. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи : в 3 т. / Сикибу Мурасаки ; пер. с яп., вст. ст., приложен. и комм. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2010. – Т. 3: Приложение. – 240 с.
3. Нихон о таносиму нэнтю:гё:дзи (Календарные праздники и обряды Японии) / Кабусики-гайса Мицукоси. – Токио : Канки сьуппан, 2004. – 253 с.
4. Хайку дэ:та бэ:су дотто кому (База данных стихотворений хайку). – URL: <https://haikudatabase.com/haijins> (дата обращения: 08.11.2024).
5. Хайку-но кё:касё (Учебник по поэзии хайку) – URL: <https://haiku-textbook.com> (дата обращения: 08.11.2024).

References

1. *Kalendarnye obichai i obryady narodov Vostochnoy Azii. Godovoy tsikl = Calendar customs and rituals of the peoples of East Asia. Annual cycle.* Ed. by R. Sh. Dzharylgasinova, M. V. Kryukov. Moscow: Nauka; 1989:360 p.
2. Murasaki Sikibu. *Povest o Genji: v 3 tomakh = The Tale of Genji: in 3 vols.* Transl., introd., comm. by T. L. Sokolova-Delyusina. St. Petersburg: Giperion; 2010;3:240 p.
3. Kabushiki-gaisya Mitukosi. *Nihon o tanoshimu nentūgyōji = Annual events to enjoy in Japan.* Tokyo: Kanki Shuppan; 2004:253 p.
4. *Haiku is a social networking website.* URL: <https://haikudatabase.com/haijins> (accessed: 08.11.2024).
5. *Haiku Textbook.* URL: <https://haiku-textbook.com> (accessed: 08.11.2024).

Информация об авторах

О. Г. Егорова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы;

Т. В. Тумакова – соискатель кафедры отечественной и зарубежной литературы.

Information about the authors

O. G. Egorova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature;

T. V. Tumakova – postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Contribution of interests: The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 63–67.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):63–67.

Научная статья
УДК 82

**ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕКСИКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Ким Ин Гю^{1✉}, Янг Сун Ен²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹kimkras@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена проблеме установления специфики тематического объединения лексических единиц разных частей речи в художественном тексте, определению основных принципов их взаимосопряженности. Предметом исследования выступают гетерогенные лексические единицы, формирующие когнитивно-тематические группы художественного текста, и типы тематических объединений. Цель работы – выявление и описание наиболее информативных и актуальных частей речи, образующих в пространстве художественного текста разных писателей тематические группы лексических единиц, репрезентирующих уникальность и своеобразие языкового сознания языковой личности автора; представление наиболее значимых тематических групп, отражающих картину мира и интенции писателя. Главным методом выступает описательный метод синхронного анализа языка, также используется метод когнитивного анализа, структурно-семантический, лексико-семантический, функциональный и контекстуальный методы, компонентный анализ. Результаты исследования показывают, что в любом художественном тексте имена существительные, имена прилагательные и глаголы, отобранные креативной языковой личностью автора в зависимости от транслируемого в художественном тексте виртуального образа мира, выступают в функции реализаторов принципа антропоцентризма и тематического объединения лексики. Именно эти частеречные единицы организуют содержательно-смысловую, когнитивно-семантическую и тематическую основу художественного текста. Полученные новые знания актуальны и перспективны для их применения как в теоретической, так и в практической работе в сфере теории художественного текста, языковой личности, а также в преподавательской работе в вузе. Основные выводы заключаются в том, что в пространстве художественного текста его репрезентативно-смысловую базу формируют особым образом комбинированные различные лексико-тематические объединения. Специфика отбора и организации авторской языковой личностью лексических единиц конкретной части речи отражает антропоцентризм художественного текста как его ключевое свойство и механизм тематического объединения лексики.

Ключевые слова: тематическое объединение, часть речи, художественный текст, лексические комплексы, авторская языковая личность, лексическая дистрибуция, принцип тематической сопряженности, лексема как когнитивный знак

Для цитирования: Ким Ин Гю, Янг Сун Ен. Особенности тематического объединения лексики в художественном тексте // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 63–67.

Original article

FEATURES OF THEMATIC UNIFICATION OF VOCABULARY IN A FICTION TEXT

Kim In Gyu^{1✉}, Yang Soon Yeon²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹kimkras@yandex.ru✉

Abstract. The article is devoted to the problem of establishing the specifics of thematic unification of lexical units of different parts of speech in a fiction text, determining the basic principles of their interrelation. The subject of the study are heterogeneous lexical units that form cognitive-thematic groups of a fiction text, and types of thematic unifications. The

purpose of the work is to identify and describe the most informative and relevant parts of speech that form thematic groups of lexical units in the space of a fiction text by different writers, representing the uniqueness and originality of the linguistic consciousness of the author's linguistic personality; presentation of the most significant thematic groups reflecting the picture of the world and the intentions of the writer. The main method is the descriptive method of synchronous analysis of language, the method of cognitive analysis, structural-semantic, lexical-semantic, functional and contextual methods, component analysis are also used. The results of the study show that in any fiction text, nouns, adjectives and verbs selected by the creative linguistic personality of the author depending on the virtual image of the world broadcast in the fiction text act as implementers of the principle of anthropocentrism and thematic unification of vocabulary. It is these parts of speech units that organize the content-semantic, cognitive-semantic and thematic basis of the fiction text.

The new knowledge obtained is relevant and promising for their application both in theoretical and practical work in the field of the theory of fiction text, linguistic personality, as well as in teaching at the university.

The main conclusions are that in the space of the fiction text, its representative-semantic base is formed by various lexical-thematic associations combined in a special way. The specificity of the selection and organization of lexical units of a specific part of speech by the author's linguistic personality reflects the anthropocentrism of the literary text as its key property and the mechanism of thematic unification of vocabulary.

Keywords: thematic unification, part of speech, literary text, lexical complexes, author's linguistic personality, lexical distribution, the principle of thematic conjugacy, lexeme as a cognitive sign

For citation: Kim In Gyu, Yang Soon Yean. Features of thematic unification of vocabulary in a fiction text. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):63–67 (In Russ.).

Художественный текст представляет собой такой лингвокультурный и лично-креативный феномен, смысловую основу которого формируют особым образом комбинированные лексические комплексы. Тематически и интенционально обусловленная взаимосвязь лексических единиц является организующим началом создания виртуального художественного мира конкретного писателя.

Вопросы дистрибуции лексических единиц находятся в центре внимания многих исследователей художественного текста, потому что в факторе дистрибуции лексем проявляется их свойство ограниченности сочетаемости каждой такой единицы с другими подобными. Как показывает анализ художественного пространства русских писателей В. Г. Распутина и В. М. Шукшина, допустимо предположить, что специфика лексической взаимосопряженности в художественном тексте обусловлена принципом **тематического** объединения.

И. Я. Чернухина так характеризует художественный текст: «... эстетическое средство опосредованной коммуникации, цель которой есть изобразительно-выразительное **раскрытие темы**, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из речевых единиц, выполняющих коммуникативную функцию» [8, с. 116] (выделено нами. – К. И. Г., Я. С. Е.). По мнению исследователя, для художественных текстов характерен абсолютный антропоцентризм, художественные тексты антропоцентричны не только по форме выражения, как любые тексты, но и по содержанию, по ориентированности на раскрытие образа человека [8, с. 116]. Антропоцентризм художественного текста отражается в том числе в своеобразии отбора и использования языковой личностью автора лексических единиц определённой части речи как когнитивных знаков, образующих различные тематические комплексы. Исследователи различных аспектов художественного текста отмечают эмоциогенность как его ключевое свойство, репрезентация которого осуществляется средствами лексических единиц различной частеречной принадлежности [1–3].

В данном исследовании мы опираемся на определение частей речи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Части речи – это классы

слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» [6, с. 578].

По мнению лингвистов-когнитивистов, имена существительные, имена прилагательные и глаголы «активизируют при их использовании разные структуры сознания и вызывают у нас разные ассоциации, впечатления, образы, картины, сцены и т. п., разные представления или разные типы репрезентаций» [5, с. 59]. Исследователь отмечает «связанность тела (формы) знака со способом представления в нём определённой семантики» [5, с. 60].

Как констатирует О. В. Дубкова, «когнитивные исследования лексических единиц подтверждают существование отношений корреляции между языковыми и когнитивными структурами» [4, с. 6]. Тематические группы в художественном тексте формируются с учётом общих когнитивных категорий, имеющих в структуре лексем, входящих в ту или иную тематическую группу.

Имена существительные разных тематических групп делают тексты более информативными, интересными, увлекательными и эмоциональными, создают нужные автору эффекты и впечатления. В пространстве художественного текста функционирование **имён прилагательных** в значительной степени также определяется тематической стратификацией лексем: они участвуют в описательно-оценочных характеристиках «вещного» пространства персонажей (одежды, жилища, разных артефактов и т. п.), в характеристике поведения и чувств, в многоаспектном описании природы и др. **Глаголы** как элементы тематических групп способны отражать время и пространство, траекторию движения, выявлять причинно-следственные отношения взаимодействующих объектов.

При исследовании художественного дискурса и В. Г. Распутина, и В. М. Шукшина установлено, что в каждом из них *имена существительные* чаще всего формируют такие когнитивно-тематические группы, как: 1) «*Наименование чувств, эмоций, душевных переживаний*»; 2) «*Наименование частей тела*»; 3) «*Наименование деталей быта*»; 4) «*Наименование видов и типов одежды*»; 5) «*Наименование лиц по профессии и званию*»; 6) «*Наименование элементов природы*». В процессе анализа замечено, что у разных авторов художественных текстов одни и те же тематические группы объединяют в своём составе разные лексические единицы. Например, тематическая группа «*Наименование чувств, эмоций, душевных переживаний*», образованная на базе имён существительных из рассказа В. М. Шукшина «*Двое на телеге*» содержит такие единицы: «*любовь, смущение, счастье, обида*»; эта же тематическая группа, образованная на базе глаголов и глагольных словосочетаний, содержит гораздо больше лексических единиц, передавая движение чувств и смену душевных переживаний персонажей: «*не понравилась, сердито не замечал, громко ворчал, ругался про себя, ругал, застыдилась, покраснела, перестала улыбаться, тоскливо скрипела, обижаться*» [9].

В рассказе В. Г. Распутина «*Век живи – век люби*» тоже отмечается индивидуально-авторское тематическое объединение лексических единиц, отражающее результаты познавательной деятельности писателя [7]. Так, тематическая группа «*Наименование чувств, эмоций, душевных переживаний*» включает следующие глаголы и глагольные словосочетания: «*поразило, вздохнул, было неловко, заахала, потерялась, полюбил ходить, поражало, порывался бояться, стоном застонала бы (душа), любил, волновался, не нравилась, начинал горячиться, ахнул, чувствовать, сладостно вздохнул, удивляться*», отражающие волны разнообразных чувств и эмоциональных переживаний Сани, который впервые в жизни ощутил мощь и красоту природы, собирая ягоды. При сравнении лексического наполнения данной «глагольной» тематической группы в рассказах В. М. Шукшина и В. Г. Распутина видно, что в них номинации чувств, эмоций и переживаний не совпадают

и не повторяются; не повторяется лексический состав и других одинаковых тематических групп.

Это позволяет предположить, что для каждого автора как уникальной языковой личности характерен свой вербальный континуум для языковой репрезентации тех реалий, которые образуют его личностную когнитивную базу. Жизненный опыт, познавательная деятельность и когнитивные механизмы мышления каждого писателя самобытны и неповторимы.

Список источников

1. Буянова Л. Ю. Художественный текст как знаковая репрезентация когнитивно-креативного механизма языкового мышления автора / Л. Ю. Буянова // Язык: история и современность. – 2017. – Вып. 1. – С. 39–52.
2. Буянова Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность художественного текста как его релевантное свойство / Л. Ю. Буянова // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность. – Симферополь: АРИАЛ, 2018. – С. 16–23.
3. Буянова Л. Ю. Язык художественного текста как отражение национально-личностной уникальности автора (на материале языка прозы А. И. Солженицына) / Л. Ю. Буянова // Лингвостилистика. Лингвопоэтика. Лингводидактика. – Москва : Московский финансово-юридический университет, 2022. – С. 90–96.
4. Дубкова О. В. Когнитивные основания выделения тематических групп: На материале анализа названий птиц в русском и китайском языках / О. В. Дубкова. – Новосибирск, 2003. – 226 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990.
7. Распутин В. Г. Собрание повестей и рассказов / В. Г. Распутин. – Москва, 2018.
8. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж, 1984.
9. Шукшин В. М. Сельские жители / В. М. Шукшин. – Москва : Молодая гвардия, 1963.

References

1. Buyanova L. Yu. Fiction as a symbolic representation of the cognitive-creative mechanism of the author's linguistic thinking. *Yazyk: istoriya i sovremennost = Language: history and modernity*. 2017;1:39–52.
2. Buyanova L. Yu. Emotivity and emotionality of fiction as its relevant property. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit: istoriya i sovremennost = Semantics and pragmatics of language units: history and modernity*. Simferopol: ARIAL; 2018:16–23.
3. Buyanova L. Yu. The language of fiction as a reflection of the national and personal uniqueness of the author (based on the language of A. I. Solzhenitsyn's prose). *Lingvostilistika. Lingvopoetika. Lingvodidaktika = Lingvostylistics. Lingvopoetics. Lingvodidactics*. Moscow : Moscow University of Finance and Law; 2022:90–96.
4. Dubkova O. V. *Kognitivnye osnovaniya vydeleniya tematicheskikh grupp: Na materiale analiza nazvaniy ptits v russkom i kitayskom yazykakh = Cognitive bases for identifying thematic groups: Based on the analysis of bird names in Russian and Chinese*. Novosibirsk; 2003:226 p.
5. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: towards gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2004.
6. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar = Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow; 1990.
7. Rasputin V. G. *Sobranie povestey i rasskazov = Collection of stories and short stories*. Moscow; 2018.
8. Chernukhina I. Ya. *Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta = Elements of the organization of artistic prose text*. Voronezh; 1984.
9. Shukshin V. M. *Selskie zhiteli = Rural residents*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 1963.

Информация об авторах

Ким Ин Гю – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания;
Янг Сун Ен – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания.

Information about the authors

Kim In Gyu – postgraduate student of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics;

Yang Soon Yean – postgraduate student of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 16.11.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 16.11.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 68–77.
Humanitarian Researches. 2024;4(92):68–77.

Научная статья
УДК 070

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В ЖУРНАЛЕ «АПОЛЛОН»
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Наталья Викторовна Максимова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, nmaksimova11@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи – раскрыть особенности библиографической рекламы в журнале «Аполлон» как источника информации о русской периодике начала XX в. Для достижения этой цели в работе проводится анализ рекламных материалов художественно-литературного журнала «Аполлон» (1909–1917), которые не рассматривались исследователями, несмотря на то, что феномен русского журнала-манифеста начала XX в. изучен полно и многосторонне как историками журналистики, так и историками литературы. В соответствии с доминирующими на тот момент тенденциями в журнальной рекламе и типом журнала-манифеста в «Аполлоне» преобладает библиографическая реклама. Список периодических изданий, рекламируемых в журнале «Аполлон», довольно обширен и включает журналы «Аполлон», «Старые годы», «Финляндия», «Ежегодник императорских театров», «Мир», «Сатирикон», «Рибус», «Городское дело», «Гермес», «Художественно-педагогический журнал», «Биржевой ежемесячник», «Наша заря», «Изида», «Новая жизнь», газеты «Мшинский голос», «Юго-Западная Волынь» и другие издания; книги «Словарь литературных типов» и книги по искусству. Выбор изданий для рекламы был связан как с коммерческими, так и с эстетическими интересами редакции. В большинстве своём рекламируются те издания, которые отвечали творческим установкам редакции. Рекламные объявления «Аполлона» по структуре и содержательности тяготеют к жанру аннотации, поэтому позволяют составить определённое представление о типе рекламируемых изданий, авторах, контенте, аудитории, условиях подписки, способах распространения и привлечения читателей, типологии русской прессы начала XX в. Результаты анализа рекламных текстов дают возможность рассматривать их как важный источник информации для изучения истории русской журналистики и рекламы.

Ключевые слова: журнал-манифест, программа издания, библиографическая реклама, самореклама, типология печати, объявления о подписке

Для цитирования: Максимова Н. В. Библиографическая реклама в журнале «Аполлон» как источник информации о русской периодике начала XX века // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 68–77.

Original article

**BIBLIOGRAPHIC ADVERTISING IN THE JOURNAL “APOLLON” AS A SOURCE
OF INFORMATION ABOUT RUSSIAN PERIODICALS OF THE EARLY XX CENTURY**

Natalya V. Maksimova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
nmaksimova11@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to reveal the features of bibliographic advertising in the journal “Apollon” as a source of information about russian periodicals of the early twentieth century. To achieve this goal, the author analyzes the advertising materials of the fiction and literary magazine “Apollon” (1909–1917), which have not yet been considered by researchers, despite the fact that the phenomenon of the russian magazine-manifesto of the early twentieth century has been fully and comprehensively

studied by both historians of journalism and literary historians. In accordance with the dominant trends in magazine advertising at that time and the type of manifesto magazine, bibliographic advertising prevails in the journal "Apollon". The list of periodicals advertised in the journal "Apollon" is quite extensive. It includes: the magazines "Apollon", "Old years", "Finland", "Yearbook of the imperial theaters", "Mir", "Satyricon", "Rebus", "City business", "Hermes", "Art and pedagogical magazine", "Exchange monthly", "Nasha zarya", "Isis", "New life", newspapers "Minsky golos", "South-Western Volyn" and other publications; books "Dictionary of literary types" and books on art. The choice of publications for advertising was associated with both commercial and aesthetic interests of the editorial board. For the most part, those publications that met the creative guidelines of the editorial board are advertised. In terms of their structure and content, "Apollon" advertisements tend to the genre of annotation, so they allow you to get a certain idea of the type of advertised publications, authors, content, audience, subscription conditions, methods of distribution and attraction of readers, typology of the Russian press of the early twentieth century. The results of the analysis of advertising texts make it possible to consider them as an important source for studying the history of Russian journalism and advertising.

Keywords: manifesto magazine, publication program, bibliographic advertising, self-promotion, typology of printing, subscription announcements

For citation: Maksimova N. V. Bibliographic advertising in the journal "Apollon" as a source of information about Russian periodicals of the early XX century. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):68–77 (In Russ.).

Расцвет рекламы в русской журналистике приходится на конец XIX – начало XX в., что объясняется рядом факторов, среди которых развитие экономики, коммерциализация, научно-технический прогресс, культурный ренессанс. Реклама появляется в газетах и журналах разных типологических групп, она разнообразна по тематике, оформлению, способам подачи. Именно в это время реклама становится двигателем рынка и торговли, средством получения доходов редакциями различных периодических изданий и рекламных агентств. Реклама начинает всё активнее влиять на формирование спроса, стиль жизни, модель поведения и вкусы читателей, входящих в состав целевой аудитории издания.

Исторически сложилось так, что реклама в российских журналах с момента возникновения и до середины XIX в. касалась преимущественно библиографических сведений и приглашений о подписке. Эта тенденция сохранила свою актуальность и на рубеже XIX–XX вв., особенно это касалось отечественных «толстых» журналов, а также журналов русского модернизма или журналов-манифестов: «Мир искусства», «Новый путь», «Весы», «Золотое руно», «Аполлон». В настоящей статье мы остановимся на анализе рекламных материалов художественно-литературного журнала «Аполлон» (1909–1917), которые не рассматривались ещё исследователями в полной мере, несмотря на то, что феномен русского журнала-манифеста начала XX в. изучен полно и многосторонне как историками журналистики, так и историками литературы.

«Аполлон» – один из наиболее значительных модернистских журналов, возникший внутри символизма, позже ставший журналом-манифестом акмеистов, освещавшим на своих страницах неоклассические тенденции в живописи и архитектуре, а в последние годы существования интересовавшийся различными проблемами искусствознания. «Аполлон» объединял различные направления, так как проявлял интерес ко всему новому и художественно значимому в искусстве, познавая, исследуя и критикуя его. Создателем и редактором «Аполлона» был художественный критик Сергей Маковский. С самого начала журнал был открыт для литераторов и художников разных направлений, здесь публиковали много материалов по истории классического и современного искусства, обзоры выставок, событий театральной и музыкальной жизни. Появление «Аполлона», по мысли его основателей, должно было ознаменовать новые тенденции в русской культуре, поиски новой

гармонии под знаком классического наследия. Среди сотрудников были как литераторы (Вячеслав Иванов, Александр Блок, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Михаил Кузмин), так и художники и театральные деятели (Лев Бакст, Мстислав Добужинский, Александр Бенуа, Всеволод Мейерхольд, Федор Комиссаржевский) и многие другие.

Типологическая характеристика «Аполлона», как и других журналов-манифестов, содержится в работе С. Я. Махониной, в частности отметившей, что «русские модернисты создали особый тип издания – журнал-манифест, приспособленный для разработки основ новых течений в искусстве и показа образцов нового искусства» [9, с. 199]. Тип издания во многом определяет и особенности содержания рекламы в нём. С этой точки зрения мы проанализировали двенадцать номеров журнала «Аполлон» периода его становления и оформления типологической модели (№ 1–3 за 1909 г. и № 4–12 за 1910 г.). В соответствии с доминирующими на тот момент тенденциями в журнальной рекламе и типом журнала-манифеста в «Аполлоне» преобладает библиографическая реклама. Библиографическая реклама – «это объявления о подписке на газеты и журналы и книжных новинках. К ней также относится самореклама изданий...» [8, с. 47].

Объявления о продолжающейся или открывающейся подписке на журнал «Аполлон» (самореклама издания) содержатся почти в каждом номере журнала указанного периода, а именно в № 1, 2 за 1909 г. и № 5, 7, 9–12 за 1910 г. Рассмотрим содержание такого рекламного объявления на примере первого номера журнала «Аполлон», вышедшего в октябре 1909 г. [1]. В нём журнал аттестован как новый иллюстрированный ежемесячник, указаны цены, время работы конторы и редакции, расписание приёма редактора, места подписки и розничной продажи, адрес конторы и редакции, а также даты выхода журнала, объём, формат. Основную часть рекламного текста составляет развёрнутое описание концепции и программы издания: «Кроме статей общего характера, широко освещающих цели журнала, и хроники, обнимающей под редакцией постоянного сотрудника, ежемесячные обзоры художественных и литературных событий (поэзия, проза, изобразительные искусства, выставки, архитектура, театр и музыка – в России, новости печати и выставки – во Франции, в Германии, в Польше, в Англии и Америке, северная литература, литературная библиография), – в журнале будут помещаться, в виде ежемесячных альманахов (с отдельной нумерацией страниц), стихи, новеллы и драмы русских и иностранных писателей (в художественных переводах), а также оригинальные рисунки (графика) и репродукции (авто и фототипией, литографией и пр.) к статьям» [1]. Далее представлена структура издания, отвечающая осуществлению намеченной программы: «1) «Художественный отдел, 2) Общие вопросы литературы и литературная критика, 3) Вопросы искусства и художественная критика, 4) Музыка, 5) Театр, 6) Пчёлы и осы «Аполлона», 7) Хроника, 8) Литературный Альманах» [1]. Здесь же сообщается о том, что в редакции журнала будут устраиваться периодические выставки картин и литературные вечера по пригласительным билетам, а также указывается дата выхода второго номера журнала – 15 ноября 1909 г., названы издательство «Якорь» и редактор Сергей Маковский. В содержание рекламного текста также вошли требования к авторам «От редакции» и условия подписки «От конторы редакции». Помещался этот текст объявления о подписке в конце номера журнала перед содержанием.

Структура и содержание объявления о том, что открыта подписка на новый иллюстрированный ежемесячник «Аполлон», размещённая в первом номере журнала, будут сохраняться и в других номерах издания. Как мы видим, содержание рекламного объявления включает формальные характеристики журнала и его структурно-содержательные особенности, отвечающие типу журнала-манифеста с широкой программой ознакомления читательской

аудитории с различными направлениями и тенденциями в сфере искусства и художественными произведениями. Очевидно, что «Аполлон» был обращён к интеллектуальной элите, интересующейся вопросами развития современной художественной культуры. Через саморекламу новый журнал презентовал себя аудитории, формировал круг своих читателей и почитателей, продвигал свой контент, зарабатывал деньги на существование.

Не менее содержательными в «Аполлоне» были и рекламные сообщения о подписке на другие издания. Особенно насыщенным в этом отношении был первый номер журнала, в котором рекламировали подписку на многие издания 1909 г. Среди них, например, ежемесячник для любителей искусства и старины «Старые годы». Из текста рекламного объявления можно узнать о том, что журнал издаётся третий год по заявленной программе; о круге его сотрудников, среди которых немало авторов «Аполлона»; о цене, стоимости объявлений, адресах подписки; о распродаже журналов за 1907 г., которых осталось ограниченное количество, что, в свою очередь, подчёркивало популярность этого издания и мотивировало читателей на приобретение нераспроданных номеров.

Следом идёт рекламное объявление с заглавием «Остатки художественных изданий приобретены и распродаются», содержащее список книг по искусству с указанием цены, качества бумаги, количества страниц. Обращает на себя внимание и объявление о подписке на журнал «Финляндия», раскрывающее цель и программу издания, далёкого от вопросов искусства, но проливающего свет на издания другого типа и типологию русской печати. Цель журнала «Финляндия» – раскрыть русским читателям истинное положение «так называемого финляндского вопроса». Программа журнала: «1) Правительственные распоряжения, 2) Статьи по вопросам политики и внутренней жизни Финляндии, 3) Статьи, посвящённые историческому и юридическому исследованию событий и документов, 4) Обзор работ Сейма, 5) Научная жизнь страны, 6) Библиография, 7) Корреспонденции, 8) Обзорение периодической печати, 9) Хроника, 10) Справочный отдел, 11) Объявления». Цель и программа дают представление об особенностях специализированной периодики и расширяют круг потенциальных читателей «Аполлона».

На страницах «Аполлона» немало внимания уделялось театральной проблематике, поэтому неудивительно появление в рекламном отделе объявления о подписке на «Ежегодник императорских театров» под редакцией барона Н. В. Дризена. Здесь также даётся подробная характеристика издания, включающая формальные признаки (периодичность, объём, формат) и описание предметного наполнения. Последнее включает широкий перечень тематических направлений и жанров: «Каждая книжка “Ежегодника” будет заключать в себе записки и воспоминания театральных деятелей, статьи, касающиеся постановок в Императорских театрах, статьи по прикладному искусству, обзорчатных и заграничных театров и т. д.». Сообщается о приложении в виде пьес текущего репертуара императорских театров, проиллюстрированных портретами действующих лиц и мизансцен постановки. Как известно, разного рода приложения были способом привлечь и удержать читателя, поэтому информация о нём входит в структуру рекламы о подписке. Впечатляет список участников литературно-художественного отдела журнала, куда входят профессор О. Д. Батюшков, академик А. О. Кони, академик Н. А. Котляревский, Д. С. Мережковский, профессор П. О. Морозов, и художественного отдела: А. Я. Головин, М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере, К. А. Сомов, С. К. Маковский и К. Д. Чичагов. Дальше анонсируются авторы и статьи ближайших выпусков ежегодника, среди которых материалы в разных жанровых формах: театральные воспоминания, переписка, история театра и костюма на музейной выставке, корреспонденции, «мысли» и многое другое, что подготавливало читательские ожидания, а нам позволяет составить представление

об особенностях русской театральной журналистики того времени и жизни русского театра, отражённого в ней. Информация о том, что выпуски будут иллюстрированы снимками с эскизов декораций и костюмов, сделанных для текущих постановок императорских театров художниками А. Я. Головиным, К. А. Коровиным, П. Б. Ламбиным, Д. С. Стеллецким, А. К. Шервашидзе и другими говорило об уровне визуального контента издания, безусловно, привлекательного для определённого круга читателей.

В первом номере «Аполлона» также рекламируется подписка на 1909–1910 гг. на ежемесячный, иллюстрированный, научный, литературный журнал «Мир». Это рекламное объявление отличается от предыдущих тем, что в нём в первых же строках содержится концентрированная оценочность: авторы журнала определены как «выдающиеся литераторы, учёные и публицисты». Сообщается о привилегиях для годовых подписчиков журнала, внёсших полную плату, – вместе с журналом они будут получать альбом из двадцати четырёх картин «знаменитых художников», в «роскошной папке», что служит «манком» для читателя. Информация о том, что альбом картин будет выслан главным подписчикам тотчас по их подписке, призвана ускорить их решение о подписке. С целью привлечения внимания читателей подробно анонсированы «Живые речи» Л. Н. Толстого, содержание которых составят собранные И. Б. Тенером легенды и беседы гениального писателя. Здесь же представлен их обстоятельный перечень, благодаря которому читатель имел представление о проблематике живых речей и ориентировался в ней. После презентации самых выигрышных позиций журнала следует информация о появлении в его структуре «Справочного отдела» и его функциях. Отмечается, что «главной задачей справочного отдела является желание прийти на помощь провинциальному читателю, отдалённому от центра умственной и повседневной жизни». С этой целью редакция «Мира» организовала справочное бюро из учёных-экспертов по различным отраслям науки, сельского хозяйства, общественной жизни и так далее. Функции бюро – отвечать на вопросы подписчиков, давать читателям профессиональные советы, консультировать по интересующим их вопросам. Довольно подробное описание задач и функций справочного отдела служит привлечению провинциального читателя и расширению круга читателей за пределы Москвы и Петербурга. Информация о подписной цене, адрес редакции вынесены в конец рекламного сообщения. В этой части сообщается о льготах на подписку и рассрочке для сельских священников, учителей, фельдшеров и земских служащих. Таким образом, в рекламном тексте определяется ещё и целевая аудитория издания. Усилению мотивационной функции служит использование в рекламе эмоциональных (средств языковой экспрессии) и рациональных (льгот, скидок, рассрочки) аргументов.

Объявление о подписке на известнейший сатирический журнал начала XX в. «Сатирикон» также входит в рекламную часть первого номера «Аполлона». Под названием журнала, в сильной текстовой позиции, содержится информация о том, что все годовые подписчики получают в виде бесплатной премии роскошно изданные юмористические рассказы Леонида Андреева и А. И. Куприна с иллюстрациями известнейших русских художников-карикатуристов. Подчёркивается, что годовые подписчики станут обладателями эксклюзивного сборника, поскольку это издание, являясь единственным в русской юмористической литературе, в отдельную продажу не поступит. В следующей далее характеристике акцентированы черты, призванные отметить преимущества и достоинства «Сатирикона» как издания. Отмечается, что «Сатирикон» издаётся по образцу лучших немецких и английских сатирических журналов, имеющих давнюю традицию, он печатается в нескольких красках и превосходит своим размером все существующие журналы этого типа. Не мог не служить привлечению внимания читателей к журналу

и подробный список участников, в котором читающая публика видела самых ярких, самых известных писателей и художников, многие из которых участвовали и в создании «Аполлона». Творческая связь «Аполлона» с «Сатириконом» находит выражение не только в характере этого рекламного сообщения, но и в других материалах издания. Известно, что «Аполлон», как и его предшественники – «Мир искусства» и «Золотое руно», стремился быть не просто журналом, но и культурным центром: в редакции проводились художественные выставки, устраивались литературные и музыкальные вечера. В частности, редакция проводила выставку журнала «Сатирикон». В четвёртом номере «Аполлона» (январь 1910 г.) опубликована заметка-обзор барона Н. Врангеля «Выставка «Сатирикона» в редакции «Аполлона» [6, с. 56–57]. Здесь идёт речь об искусстве карикатуры, не очень признанном в русской журналистике по цензурным соображениям. «Сатирикон» хвалят за иллюстрации, которые делают его художественным изданием, отмечают стиль насмешливого рисунка. В заметке даётся обзор деятельности художников журнала «Сатирикон» и индивидуального стиля каждого. Отмечается, что вместе они создают «стройный, оригинальный и совсем новый в России журнал». Выделяется художник Ре-Ми (Ремизов), который почти в каждом номере ярко рисует жизнь посредством смехотворства. Не осталась без внимания автора публикации и разнообразная жанровая палитра работ художников «Сатирикона».

Реклама подписки на единственный в России популярно-научный журнал «Ребус» «по вопросам спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики» презентует его основной контент как «обзор и исследование малоизвестных теорий и фактов телепатии, ясновидения, передачи мыслей, раздвоения личности, одержания сомнамбулизма, животного магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явлений спиритуализма и других оккультных явлений и фактов», чтобы актуализировать извечный интерес человека к посюстороннему, ирреальному, загадочному и побудить его подписаться на этот журнал. Сообщается о периодичности, объёме журнала, а также о сопровождении отдельных текстов пояснительными чертежами, рисунками и портретами, что поддерживает свойство научности и доказательности публикуемых материалов, равно как и обширный список авторов и их сочинений, опубликованных в прошлые годы издания журнала, среди которых проф. Ф. Майерс, проф. А. Бутлеров, проф. Н. Вагнер, А. Шопенгауэр и многие другие. В содержание журнала входят отзывы о новых и старых книгах, разъяснения и ответы редакции на запросы и письма подписчиков, что подчёркивает наличие и важность обратной связи со своими читателями и повышает степень привлекательности журнала для целевой аудитории. Художественные произведения, публикуемые в литературном отделе, должны соответствовать направлению журнала. Как и в других объявлениях, даётся информация о стоимости подписки, розничной продаже, адресах подписки.

Следующим рекламируемым в первом номере «Аполлона» [1] стал двухнедельный журнал «Городское дело» под редакцией М. И. Федорова и Л. А. Велихова. Реклама знакомит с целью и основными отделами издания, тематически связанными с городскими проблемами: «1) Освещение вопросов городского законодательного хозяйства, (реформа Город Полож) благоустройства, техники 2) Финансовые вопросы 3) Оздоровление городов 4) Жилищный вопрос 5) Дороговизна жизни 6) Выборы 7) Новые изобретения 8) Отношение города к администрации и к земству 9) Хроника русская, иностранная, общественная; 10) Строительный отдел 11) Сенатская практика 12) Вопросы и ответы; 13) Перечни литературы русской и иностранной по городским вопросам; 14) Библиография 15) Иллюстрации 16) Объявления» [1]. Помимо этого много места уделяется сенатской практике, ответам печатным и письменным, наведению справок, исполнению поручений, заключениям по вопросам юридическим и техническим (консультационный отдел). После

освещения обширной программы издания, отражённой в его рубрикации, располагается информация о подписной цене, адреса подписки. Стоит сказать, что во всех объявлениях адреса места подписки даются с уточнениями, вероятно, для того, чтобы читатель смог сориентироваться и быстро найти это место. Например, подписка принимается в главной конторе – «С.-Петербург, Мойка, 24 (у Певческого моста)» и т. п. Реклама журнала такого рода может свидетельствовать о развитии урбанистически ориентированных СМИ, объектом внимания в которых становится город во всём многообразии его проблем. Их освещение нацелено на поиск путей улучшения жизни города и человека в нём.

Во втором номере «Аполлона» (ноябрь 1909 г.) [2] дублируется реклама подписки на «Аполлон», «Старые годы», «Сатирикон» и «Мир», а также появляется реклама журнала «Гермес», который определён как научно-популярный вестник античного мира. Подробно излагается программа журнала, отражённая в структуре из восьми пунктов, и приводится огромный список авторов, среди которых известные учёные, историки, литераторы, перечисленные в алфавитном порядке. Среди других в первых рядах значится имя И. Ф. Анненского, автора «Аполлона». В четвёртом номере «Аполлона» (январь 1910 г.), в разделе «Хроника», опубликованы статьи-отклики на смерть И. Анненского. Ф. Зелинский в своей работе «Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик» [7, с. 1–9] написал о внезапной смерти поэта, который преподавал на Высших историко-литературных курсах Н. П. Раева, читал античную словесность. В день смерти его ждали с докладом в «Обществе классической филологии», а вместо него получили записку о внезапной смерти человека на Царскосельском вокзале – тем человеком оказался Анненский. Статья передаёт особенности таланта поэта, исследователя и лектора, рассказывает о совмещении в нём черт поэта-модерниста и филолога-классика. Здесь же опубликованы и статьи Г. Чулкова, М. Волошина, Вяч. Иванова, посвящённые И. Анненскому.

В пятом номере «Аполлона» (февраль 1910 г.) [3] даётся рекламное объявление о подписке на «Художественно-педагогический журнал», преобразованный из «Вестника учителей рисования», переживающий девятый год издания. Задачи журнала определяют его содержание: «Привлекая к сотрудничеству лучшие литературные и художественные силы, журнал ставит себе задачей приближение искусства к обиходу человека, популяризацию и демократизацию всех отраслей искусства, отдавая главное внимание вопросам художественного воспитания и образования» [3, с. 79]. Очерченная в объявлении программа журнала позволяет рассматривать его в контексте специализированной периодики. Программа журнала такова: «1) Искусство популярное, общедоступное. 2) Народное искусство. 3) Художественная промышленность. Состояние её на Западе. Задачи русского кустарного производства и ремесла. 4) Эстетическое развитие. Его цели, средства. 5) Художественные потребности семьи. 6) Искусство в жизни ребёнка. 7) Художественная детская литература на Западе и у нас. 8) Детские игрушки, игры, забавы. 9) Художественное воспитание и образование. 10) Графическое образование. Его роль в деле общего развития. 11) Обзор художественной жизни в России и за границей. 12) Критика. Библиография» [3, с. 79].

В рекламном блоке пятого номера «Аполлона» размещено рекламное объявление о подписке на газету «Минский голос», которая определяется как прогрессивная, общественная и литературная газета, как орган прогрессивный, независимый и беспартийный. Главная задача этой газеты – освещение местной жизни во всех её проявлениях и оттенках. Отмечается, что в газете будут публиковаться подробные отчёты заседаний Государственной думы и Государственного совета, получаемые в тот же день по телеграфу, а также телеграфные сообщения обо всех событиях, русских и мировых, получаемые

от Петербургского агентства и специальных корреспондентов. То есть указываются источники информации, вызывающие доверие читателей. Подчеркивается, что все телеграфные сообщения появляются в «Минском голосе» на день раньше, чем во всех получаемых в Минске столичных газетах. Далее указывается подписная цена, условия бесплатного получения газеты. Нельзя не отметить сделанного акцента на использование технологических достижений в работе этого издания, что говорит о развитии технологической базы СМИ далеко за пределами двух столиц.

Следующее рекламное сообщение в этом номере посвящено газете «Юго-Западная Волянь», которая аттестовывается как политическая, литературная и общественная газета, издаваемая в городе Ровно Волынской губернии и посвящённая интересам губернии. Перечисляются формальные признаки – периодичность выхода (через день по воскресеньям, вторникам и четвергам), пункты распространения по Юго-Западной железной дороге скорыми поездами. Сказано о богатом литературном отделе, отмечено, что в газете участвуют столичные и видные провинциальные силы. Подчёркнуто, что главное внимание в газете уделено областному отделу. Также даётся подписная цена и цена объявлений – «впереди 30 коп., позади – 15 коп. строка петита или её место», обещается значительная скидка годовым и многократным анонсаторам [3, с. 80].

В седьмом номере «Аполлона» (апрель 1910 г.) [4] рекламируется новый финансово-биржевой журнал «Биржевой ежемесечник», рассчитанный на представителей делового мира, круг которых стал значительно расширяться в связи с капитализацией страны в этот исторический период. Не без чувства юмора описан его читательский адрес: «Необходим каждому капиталисту, владельцу ценных бумаг и спекулянту» [4, с. 55]. Журнал презентуется как «незаменимое руководство в биржевых операциях», что уточняет его назначение. Также указывается цена, адреса редакции и конторы, телефон. С пометкой NB сообщается о том, что запросы и справки могут быть исполнены по телеграфу, то есть редакция в своей работе использует новые средства передачи информации, которые обеспечивают адресату минимальные затраты времени.

Помимо этого рекламируется третий номер ежемесечного журнала «Наша заря» [4, с. 56], издающегося в Санкт-Петербурге. В этом рекламном тексте даётся перечень постоянных авторов, затем содержание третьей книжки и информация об условиях подписки и льготах для годовых подписчиков, которые получают в виде бесплатной премии следующие четыре книги. Статьи третьего номера на темы пролетаризации деревни, новых веяний в общественной жизни, истории рабочего движения в Австрии и т. п. говорят об общественно-политической направленности журнала в условиях существования различных политических партий. Круг авторов и проблематика статей журнала вписывают его в сегмент партийных изданий, которые в это время стали занимать значительное место в системе российской периодики.

В одиннадцатом номере «Аполлона» (октябрь – ноябрь 1910 г.) [5] рекламируется «Словарь литературных типов». Парадигма авторов и их героев – от И. С. Тургенева (вып. 1–2) до А. П. Чехова (вып. 23–24). На момент рекламы издания вышло шесть выпусков. Рекламный текст о нём содержит описание структуры выпуска с перечнем литературоведческих категорий, список сотрудников редакции, цены на каждый выпуск в отдельной продаже. Также уточняются условия для тех, кто желает получить издание в переплётках с пересылкой и без неё, даётся характеристика переплётков: «переплётки и крышки из английского коленкора с золотым тиснением, четырёх цветов: зелёного, красного, голубого и малинового» [5, с. 47], что было дополнительным средством привлечения внимания читателей к этому изданию, в роскошном оформлении близкого к коллекционному.

Следующая реклама номера представляет ежемесячный популярно-научный с иллюстрациями в тексте журнал оккультных наук «Изида» (второй год издания). Сообщается, что журнал будет издаваться по расширенной программе и в увеличенном объёме. Программа включает шесть разделов: «1) Статьи по алхимии, астрологии, гипнотизму, магии, магнетизму и пр., 2) Биографии выдающихся древних и современных оккультистов (с портретами), 3) Отчёты обществ, собраний и сеансов, посвященных изучению оккультизма, 4) Библиография книг и журналов по оккультизму, 5) Ответы и указания редакции по всем вопросам оккультизма, 6) Объявления» [5, с. 47]. Далее идут сведения о подписной плате, адрес редакции, где осуществляется подписка и время работы.

В самом конце рекламного блока дана информация об открытии подписки на новый большой беспартийный журнал «Новая жизнь» [5, с. 48]. В подзаголовке журнала он определяется как журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. Это рекламное объявление отличается от других развёрнутым описанием содержания, разделов, круга авторов, а также визуальным оформлением. В отдельные рамки заключена информация о льготах годовым подписчикам, о бесплатном приложении для них в виде собрания сочинений Н. Добролюбова (юбилейное издание по случаю 50-летия со дня смерти знаменитого критика), о материальной ответственности редакции журнала перед подписчиками.

Итак, список периодических изданий, рекламируемых в журнале «Аполлон», довольно обширен: журналы «Аполлон», «Старые годы», «Финляндия», «Ежегодник императорских театров», «Мир», «Сатирикон», «Ребус», «Городское дело», «Гермес», «Художественно-педагогический журнал», «Биржевой ежемесячник», «Наша заря», «Изида», «Новая жизнь», газеты «Минский голос», «Юго-Западная Волынь» и другие издания; книги «Словарь литературных типов» и книги по искусству в рекламном объявлении, озаглавленном «Остатки художественных изданий приобретены и распродаются». Выбор изданий для рекламы был связан как с коммерческими, так и с эстетическими интересами редакции. В большинстве своём рекламируются те издания, которые отвечали творческим установкам редакции. Рекламные объявления «Аполлона» по своей структуре и содержательности тяготеют к жанру аннотации, поэтому позволяют составить определённое представление о типе рекламируемых изданий, авторах, контенте, аудитории, условиях подписки, способах распространения и привлечения читателей, типологии русской прессы начала XX в. Результаты проведённого анализа рекламных текстов «Аполлона» дают возможность рассматривать их как важный источник информации для изучения истории русской журналистики и рекламы.

Список источников

1. Аполлон. – 1909. – № 1. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_1909_01__ocr.pdf (дата обращения: 28.07.2024).
2. Аполлон. – 1909. – № 2. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_1909_02__ocr.pdf (дата обращения: 29.07.2024).
3. Аполлон. – 1909. – № 5. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_05_1910.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
4. Аполлон. – 1909. – № 7. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_07_1910.pdf (дата обращения: 02.08.2024).
5. Аполлон. – 1909. – № 11. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_11_1910.pdf (дата обращения: 03.08.2024).
6. Врангель Н. Выставка «Сатирикона» в редакции «Аполлона» / Н. Врангель // Аполлон. – 1910. – № 4. – С. 56–57. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_04_1910.pdf (дата обращения: 10.08.2024).
7. Зелинский Ф. Ф. Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик / Ф. Ф. Зелинский // Аполлон. – 1910. – № 4. – С. 1–9. – URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_04_1910.pdf (дата обращения: 13.08.2024).

8. Козлова О. В. Реклама как литературный текст в российских периодических изданиях 1890–1917 годов / О. В. Козлова. – Саратов, 2008. – 200 с.
9. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века / С. Я. Махонина. – Москва : Флинта: Наука, 2004. – 368 с.

References

1. *Apollon*. 1909; 1. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_1909_01__ocr.pdf (accessed: 28.07.2024).
2. *Apollon*. 1909; 2. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_1909_02__ocr.pdf (accessed: 29.07.2024).
3. *Apollon*. 1909; 5. Available at: https://imwerden.de/pdf/apollon_05_1910.pdf (accessed: 1.08.2024).
4. *Apollon*. 1909; 7. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_07_1910.pdf (accessed: 2.08.2024).
5. *Apollon*. 1909; 11. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_11_1910.pdf (accessed: 3.08.2024).
6. Vrangeli N. Exhibition of "Satyricon" in the editorial office of "Apollon". *Apollon*. 1910; 4: 56–57. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_04_1910.pdf (accessed: 10.08.2024).
7. Zelinskiy F. F. Innokenty Fedorovich Annensky as a classical philologist. *Apollon*. 1910; 4: 1–9. URL: https://imwerden.de/pdf/apollon_04_1910.pdf (accessed: 13.08.2024).
8. Kozlova O. V. *Reklama kak literaturnyj tekst v rossijskikh periodicheskikh izdaniyakh 1890–1917 godov = Advertising as a Literary Text in Russian Periodicals of 1890–1917*. Saratov; 2008:200 p.
9. Makhonina S. Ya. *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka = History of Russian Journalism at the Beginning of the Twentieth Century*. Moscow: Flinta, Nauka; 2004:368 p.

Информация об авторе

Н. В. Максимова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Maksimova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 15.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 15.09.2024.

Научная статья
УДК 82-312.1

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ
В ПРОЗЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА И АЛЕКСАНДРА ЧУДАКОВА**

Ольга Евгеньевна Романовская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, rom.vs.olga@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7700-5163>

Аннотация. Автор статьи обращается к теме художественной репрезентации детского мировосприятия в прозе Ч. Айтматова и А. Чудакова. В качестве объекта анализа выбраны повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» и роман-идиллия А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Цель статьи – сопоставить особенности изображения детского мировосприятия в этих произведениях. Как показывает исследование, писатели представляют детское сознание, память и мышление «изнутри». Ч. Айтматов создал повесть о ребёнке, для которого родовая легенда о тотеме становится реальностью. Мифотворчество мальчика позволяет ему почувствовать себя частью истории и природы. Однако реальность грубо разрушает миф, отсюда жанровый подзаголовок повести – «после сказки». А. Чудаков вступает в художественный диалог с киргизским писателем, он показывает более гармоничные отношения ребёнка и мира. В романе «Ложится мгла на старые ступени» присутствуют черты идиллии. Рассказчик воссоздаёт самые сокровенные детские фантазии автобиографического героя. Сближают произведения Ч. Айтматова и А. Чудакова тема природы, «ретроспективный утопизм», попытка представить действительность сквозь призму детского сознания. Мир, показанный глазами ребёнка, наполнен чудесами, необычными звуками, яркими образами. Повесть и роман объединяет трагический пафос: в разрыве современного человека с культурой и историей своего народа – источник многочисленных проблем, социальных, экологических, нравственных. Авторы пытаются показать стремление детей прикоснуться к прошлому своего рода. Функцию медиатора между временами в повести Ч. Айтматова выполняет дед Момун, в романе А. Чудакова – дед Антона. Первый, подчинившись обстоятельствам, утрачивает возможность восстановления связей с прошлым, второй сохраняет их и приобщает к культуре прошлого своего внука.

Ключевые слова: образ ребёнка, роман-идиллия, мифологизм, мифотворчество, автопсихологический персонаж

Для цитирования: Романовская О. Е. Художественная репрезентация детского мировосприятия в прозе Чингиза Айтматова и Александра Чудакова // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 78–84.

Original article

**ARTISTIC REPRESENTATION OF CHILDREN'S WORLDVIEW
IN THE PROSE OF CHINGIZ AITMATOV AND ALEXANDER CHUDAKOV**

Olga E. Romanovskaya

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
rom.vs.olga@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7700-5163>

Abstract. The author of the article touches upon the topic of artistic representation of children's worldview in the prose of Ch. Aitmatov and A. Chudakov. The objects of the analysis are Ch. Aitmatov's story "A white steamship" and A. Chudakov's novel-idyll "Haze lies on old steps". The research is aimed at comparative analysis peculiar features of describing children's worldview in these works. The study suggests that the writers describe

children's consciousness, memory and thinking "from inside". Ch. Aitmatov created a novel about a child, for whom the family legend of totem turned real. The boy's myth-making made him feel a part of history and nature. However, reality rudely destroyed myth, hence the writer gave his novel the genre subtitle «after tale». A. Chudakov started a kind of artistic talk with the Kyrgyz's writer. He introduced the relationship between child and world as more harmonious, than Ch. Aitmatov did. The novel "Haze lies on old steps" has some features of idyll. The narrator recreates the most inner children's fantasies of the autobiographical character. The theme of nature, "retrospective utopianism", an attempt to present reality through the prism of childish perception make a like Ch. Aitmatov's and A. Chudakov's works. The world, shown through child's eyes, is full of wonders, unusual images and new sounds. The story and the novel are united by tragic pathos: a detachment of a modern person from a culture and history of his people and is being a source of numerous problems – social, environmental, and moral. The authors try to show the aspiration of children to liaise with past of their kind. A function of mediator between times is performed by grandfather Momun in the story of Ch. Aitmatov, by Anton's grandfather in the novel of A. Chudakov. The former, having submitted to circumstances, loses the opportunity to restore ties with past. The latter one preserves them and introduced his grandson to culture of past.

Keywords: image of a child, novel-idyll, mythologism, myth-making, autopsychological character

For citation: Romanovskaya O. E. Artistic representation of children's worldview in the prose of Chingiz Aitmatov and Alexander Chudakov. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;4(92):78–84 (In Russ.).

Традиция изображения в литературе особенностей детского сознания, памяти и мышления, отличающихся от взрослого и подчиняющихся иным законам, складывается в психологической прозе XIX в. и связана с открытием детства как уникального и самоценного этапа жизни. Образ ребёнка и картина мира, представленная сквозь призму его восприятия, привлекали писателей в эпоху реализма (С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова внука», Л. Н. Толстой «Детство» и «Отрочество», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы», И. А. Гончаров «Обломов»), модернизма (И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева», В. В. Набоков «Защита Лукина», «Другие берега», Гайто Газданов «Вечер у Клэр»), постмодернизма (Саша Соколов «Школа для дураков», Т. Толстая «На золотом крыльце сидели», «Свидание с птицей»). Во второй половине XX в. интерес к внутренней жизни ребёнка, контексту его формирования, взаимодействию, нередко драматическому, с социумом, культурой и природой усилился и нашёл воплощение в новых художественных формах.

Совершенно справедливо Ч. Айтматова считают писателем, который, глубоко проникая в мир ребёнка, воспроизводит ценностно-смысловую направленность развития личности и обнаруживает скрытый в детях потенциал к экзистенциальному переживанию окружающей действительности [4; 5]. Созданные классиком образы детей и способы художественной репрезентации детского миропонимания и мироощущения во многом обусловили дальнейшее развитие детской темы в литературе конца XX – начала XXI в. В частности, обращает на себя внимание то, что повесть «Белый пароход» Ч. Айтматова становится своего рода реминисцентным фоном романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Возможно, отсылки к прозе Ч. Айтматова не были намеренными и осознанными, но сложно представить, что автор романа-идиллии – литературовед, исследователь творчества А. Чехова, не был знаком с ней. Художественная чуткость в изображении детской души и детского восприятия сближают писателей.

Роман А. Чудакова вписан в традиции русской робинзонады: его герои, избегая репрессий, уезжают в Северный Казахстан, в глухой и далёкой деревне которого проходит детство Антона – автопсихологического персонажа. Вдали от больших городов и цивилизации, практически в условиях натурального хозяйства, на кордоне, где всего три семьи, живёт главный герой повести Ч. Айтматова «Белый пароход». Ч. Айтматов подчёркивает, что кордон находится рядом с «заповедным горным лесом», Сан-Ташским заповедником,

около Караульной горы, с вершины которой виден Иссык-Куль. В романе А. Чудакова описана «Казахская Швейцария», Казахская складчатая страна с чистейшими озёрами.

Уединённость жизни, близость к первозданной природе – условия, в которых отчётливее проявляется такая специфическая черта детского сознания, как мифологизация людей, предметов, явлений природы. «Как правило, наиболее приемлемым объяснением особенностей мировидения ребёнка выступает его мифологическая направленность. Способность ребёнка к мифологизации того или иного явления жизни заложена в особой “готовности” его сознания интерпретировать событие в рамках системы собственных понятий» [4, с. 141].

Ч. Айтматов и А. Чудаков раскрывают своеобразие детского мифотворчества в момент соприкосновения ребёнка с природой. Герой «Белого парохода» наделяет антропоморфными признаками растения, среди них есть «любимые», «смелые», «боязливые», «злые». «Колючий бодяк – главный враг. Мальчик рубился с ним десятки раз на дню. Но конца этой войне не видно...» [1, с. 201]. Мальчик даёт имена большим валунам – «Седло», «Волк», «Танк». Воображение, не ограниченное рамками научных знаний о мире, олицетворяет неорганическую природу: «были ещё и другие – “вредные” или “добрые” камни, и даже хитрые и глупые» [1, с. 201].

Похожим образом воспринимает ландшафт и Антон, герой романа-идиллии: «самая знаменитая гора была – Спящий рыцарь. После каждого купанья, когда лежали на животах на тёплом песке лицом к Озеру, шли споры: где у Рыцаря шлем, где ноги» [7, с. 240].

В повести Ч. Айтматова значимое место в картине мира ребёнка занимает родовой миф о Рогатой матери-оленихе, встречу мальчика с семейством маралов автор переводит из разряда случайностей в разряд особого, почти сакрального события. «Прямо перед ним, на другом берегу, у воды стояли три марала... больше всего на мальчика смотрела белая бокастая олениха с короной тонких ветвистых рогов на голове... Она была в точности такая, как Рогатая мать-олениха. Глаза большущие, ясные... Рогатая мать-олениха смотрела на мальчика пристально, спокойно, точно вспоминала, где она видела этого большеголового ушастого мальчишку... Мальчик закрыл глаза и снова открыл. Пред ним была все та же картина... стояли на чистом галечнике все те же сказочные маралы» [1, с. 271]. По мнению А. И. Смирновой, «мальчик, живущий сказкой, заменившей ему реальность, радуется появлению маралов в заповедном лесу и уверен, что белая маралья matka и есть сказочная мать-олениха» [6, с. 127]. Эта встреча словно возвращает мальчика к первоистокам, ко времени неразрывной связи человека и природы, которое было временем спасения бугинского рода от враждебных племён и зарождения жизни племени на новом месте. Ребёнок соприкасается с сакральным временем мифа, «исходного, первоначального и вместе с тем бесконечно повторяющегося» (М. Элиаде). Именно с этим временем, как пишет М. Элиаде, связана идея универсального возрождения через культовую реактуализацию мифа. Встреча ребёнка с Рогатой матерью-оленихой символически повторяет мифологический сюжет, повествующий о происхождении рода бугинцев.

«Первобытные народы считают, что мир должен обновляться ежегодно и что это обновление совершается по одной модели, модели мифа о происхождении, который играет роль космогонического мифа» [8, с. 51]. Забвение мифа грозит гибелью рода, поэтому убийство оленихи позволяет воспринимать происходящее как непоправимую трагедию, ведущую к вырождению бугинцев. Для героя повести Ч. Айтматова уничтожение тотемного животного равноценно разрушению незыблемости мира, оно отчуждает мальчика от взрослых, от реальности и социальной жизни, заставляет искать выход

в слиянии с природой, которое в физическом смысле становится актом самоуничтожения.

Трагическая несовместимость современной жизни с архаичными представлениями о действительности, близкими детскому сознанию, знаменует для автора разрыв между прошлым и настоящим. В повести Ч. Айтматова дед Момун – хранитель родовой памяти. «Верный, надёжный, родной, быть может, единственный человек на свете, который души в мальчике не чаял», «простецкий, чудаковатый старик, которого умники прозвали Расторопный Момун», он рассказывает мальчику о матери-оленихе. Однако именно дед вынужден убить маралью самку. Жанровый подзаголовок повести – «после сказки» – отчасти становится указанием на то, что время мифа закончилось, а люди, оказавшись за его пределами, потеряли живую связь с природой и историей.

А. Чудаков пишет «роман-идиллию». Жанровые особенности идиллии: «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни», «единство жизни поколений» [2, с. 375] – воплощают воспоминания рассказчика о семье и жизни в Чебачинске. Дед «из семьи священников, до Петра Первого, а то и дальше», сильный и трудолюбивый, он – медиатор между дореволюционным прошлым и советским настоящим, критически противопоставляющий досоветские традиции и культуру принципам новой жизни. Дед занимается воспитанием и образованием внука, знакомит Антона с историей России, с жизнью природы.

Произведениям Ч. Айтматова и А. Чудакова присущ «ретроспективный утопизм», более последовательно воплощённый в «деревенской прозе». В советские годы «связь времён» распадается, происходит забвение национальной, родовой и семейной памяти, приближающее катастрофический разрыв. Однако герой-ребёнок благодаря духовной и ментальной связи с представителями старшего поколения с лёгкостью погружается в прошлое. Мальчик – через причастность к мифу. Антон, соприкасаясь с дореволюционной бытовой и художественной культурой, хранителем которой является его дед. «И ещё долго Антон будет говорить “Александр Второй, Царь-Освободитель”, а на уроках географии – “Северо-Американские Соединённые Штаты»» [7, с. 79].

В романе «Ложится мгла на старые ступени» ряд эпизодов рифмуется с фрагментами повести «Белый пароход». Встреча Антона с косулей напоминает о встрече мальчика с матерью-оленихой. «В ольшаниках возле впадающей в Озеро Ручьёв... однажды, когда Антон точил косу..., он увидел косулю. Настробучив уши, она стояла на поляне и слушала... она не уходила... косуля с ушами-веерами и лёгкими ногами потом долго являлась ему в печальных снах» [7, с. 249]. Как и у Ч. Айтматова, в романе А. Чудакова косуля – символ гармонии природного мира, соприкосновение с которой возможно только в детском возрасте.

В романе А. Чудакова отношения человека и природы лишены оттенка трагизма. Лошадь Липка, корова Зорька, пёс Буян – эти домашние животные окружают Антона с детства. Сочувствие и интерес к братьям нашим меньшим глубоко укоренились в сознании Антона: он любит верблюдов, печалится об участи стеллеровой коровы, помнит собак своей семьи и соседей, а также исторические факты, доказывающие преданность и ум этих животных. Даже в зрелости рассказчик мечтает об авторстве брошюры, которая «называлась бы “Псы” или, по крайности, “Верблюды”,.. о фамилии “Псарев” или “Песов”, или жить на берегу реки Псоу» [7, с. 354]. Исповедальный дискурс позволяет воссоздать самые сокровенные детские фантазии Антона. «В детстве у него было одно желание, о котором он один раз сказал маме... второй раз поведал

об этом желании... женщине, которая потом стала его женой... А сказал он им обоим, что хочет быть псом: маме – что толстым щенком, как Буян, с висячими замшевыми ушами и холодным носом, возлюбленной – что большим псом с широкой грудью и длинными мощными лапами. И когда ему удавалось что-то долго и успешно преодолевать, он чувствовал себя таким псом» [7, с. 353].

В повести Ч. Айтматова одинокий и беззащитный ребёнок воображает себя рыбой, плывущей навстречу белому пароходу. Глубокое переживание жестокости грубого мира взрослых определяет его аксиологический выбор: «мальчик стонал, плакал и сквозь слёзы, задыхаясь от рыданий, бормотал:

– Нет, я лучше буду рыбой. Я уплыву отсюда. Я лучше буду рыбой» [1, с. 317].

Отождествление себя с рыбой или псом, а главное – с их свободным и естественным движением, вводит в повествование мотив движения, пути и, соответственно, судьбы и предназначения: «В глазах Антона этот целеполагающий пёсий бег был недостижимым образцом своего пути, дела жизни» [7, с. 353].

«Мир детей воплощает мечты и ожидания, что обнаруживается в ярко выраженных проявлениях воображения, фантазирования; это мир огромных потенциальных возможностей, мир неожиданных встреч и расставаний, приобретений и потерь; это мир эмоциональной свободы и экзистенциального поиска» [5, с. 176].

Идиллическая трактовка отношений человека и природы в романе А. Чудакова не может считаться единственной, напряжённый конфликт с природой, в который человечество вступает в XX в. и который так беспощадно представлен в прозе Ч. Айтматова, изображён в отдельных фрагментах романа-идиллии. Важное место в воспоминаниях рассказчика занимает описание насилия человека над животными: убой скота электричеством [7, с. 45], использование лошадей в шахтах [7, с. 360], полное уничтожение некоторых видов [7, с. 356]. Натуралистический код в этих эпизодах тесно взаимодействует с сентименталистским. Выступая в двух позициях: как я-повествующее (взрослый герой) и я-повествуемое (герой-ребёнок), рассказчик максимально сближает их, когда речь идёт о восприятии природного мира.

Ч. Айтматов и А. Чудаков художественно воспроизводят уникальную способность детей фиксировать незначительные (с точки зрения взрослых) факты и события, которые ярко запечатлеваются в их сознании. Так, для героя повести «Белый пароход» событием становится приобретение портфеля. Этот предмет мифологизирован детским сознанием, портфель становится спутником и другом мальчика. В романе А. Чудакова описания максимально детализированы, события семейной, школьной, общественной жизни, даже самые, казалось бы, незначительные оставляют след в памяти мальчика.

Особенный дар Антона – лингвистическая чуткость. Его «роман с языком» начинается в раннем возрасте:

«Слово “шизофреничка” Антону понравилось, в нём было много хороших звуков. Слова, которые ему нравились, он оставлял на вечер и шептал их, уже лёжа под одеялом.

“Шизофреничка”, – повторил он, засыпая» [7, с. 94].

«Что такое порто-франко, Антон не понимал, но очень нравилось само слово» [7, с. 75].

В детском восприятии звучание слова превалирует над его семантикой. В повести Ч. Айтматова звуковой образ возникает в памяти мальчика в момент болезни, звуки родной речи помогают ему превозмочь боль: «ему казалось, что он переписывает в тетрадь слова, написанные учительницей на доске: “Ат. Ата. Така”. Этими письменами первоклассника он заполнял всю тетрадь, страницу за страницей. “Ат. Ата. Така. Ат. Ата. Така”» [1, с. 291].

А. К. Воронский в статье «Искусство видеть мир» писал: «увидеть мир, прекрасный сам по себе, так, чтобы чувствовать “природы жаркие объятия”, мир во всей его свежести и непосредственности, – очень трудно. Ближе всего к этому мы бываем в детстве, в юности и в необычайные, в редкие моменты нашей жизни. Тогда нами как бы раздирается кора, скрывающая от нас мир...» [3, с. 538]. Детское мировосприятие в прозе Ч. Айтматова и А. Чудакова представлено в многообразии своих связей с мифом и историческим временем, миром природы и миром культуры. Киргизский писатель обнажает трагическое несоответствие окружающего мира детским мечтам и фантазиям, что подчёркивает жанровое определение повести – «после сказки». В «романе-идиллии» отношения между миром и отражающим его детским сознанием описаны как более гармоничные, но не лишённые драматизма.

Список источников

1. Айтматов Ч. Т. Белый пароход / Ч. Т. Айтматов. – Москва : Детская литература, 1988. – 318 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Воронский А. К. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи / А. К. Воронский. – Москва : Советский писатель, 1987. – 704 с.
4. Кондаков Б. В. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания / Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 130–143.
5. Попкова Т. Д. Мир детей: мифологический аспект самобытия / Т. Д. Попкова, Б. В. Кондаков // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 81, № 4. – С. 174–187.
6. Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века / А. И. Смирнова. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
7. Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени / А. П. Чудаков. – Москва : Время, 2016. – 640 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – Москва : Академический проект, 2021. – 235 с.

References

1. Aytmatov Ch. T. *Belyy parokhod = White Steamship*. Moscow: Detskaya literatura; 1988:318 p.
2. Bakhtin M. M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. *Voprosy literatury i estetiki = Questions of Literature and Esthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975:234–407.
3. Voronskiy A. K. *Iskusstvo videt mir. Portrety. Stati = The Art of Seeing the World. Portraits. Articles*. Moscow: Sovetskiy pisatel; 1987:704 p.
4. Kondakov B. V., Popkova T. D. The Artistic World of Literature and the Phenomenon of Children's World-Consciousness. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2011;4(16):130–143.
5. Popkova T. D., Kondakov B. V. The World of Children: The Mythological Aspect of Self-Existence. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1 "Problemy obrazovaniya, nauki i kultury" = Bulletin of the Ural State University. Series 1 "Problems of Education, Science and Culture"*. 2010;81(4):174–187.
6. Smirnova A. I. *Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka = Russian Natural Philosophical Prose of the Second Half of the Twentieth Century*. Moscow: Flinta: Nauka; 2009:288 p.
7. Chudakov A. P. *Lozhitsya mгла na starye stupeni = The Gloom Falls on the Old Steps*. Moscow: Vremya; 2016:640 p.
8. Eliade M. *Aspekty mifa = Aspects of Myth*. Moscow: Akademicheskiy proekt; 2021: 235 p.

Информация об авторе

О. Е. Романовская – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

O. E. Romanovskaya – Candidate of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 16.11.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 16.11.2024.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования. При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «—»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., & Vavilov V. P. (1998). Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*, (7), 40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. (2002). Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*, 80 (18), 3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2024. № 3
Научная статья
УДК 378:004

Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40.

Original article

Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps

Vladimir V. Volchik¹, Igor' M. Shiryayev²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryaev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. *Current Problems of Economics and Law*. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В.В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И.М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V.V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryaev I.M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет») л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2024
№ 3 (92)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс»

Главный редактор Л. Ю. Касьянова

Компьютерная правка, вёрстка,
редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: **11.04.2025**

Цена свободная.
Заказ № 4661. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).
Уч.-изд. л. 7,3. Усл. печ. л. 10,2.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru
Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33
тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,
E-mail: a-d-t@mail.ru